This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HW 2LBM G

KE 32481

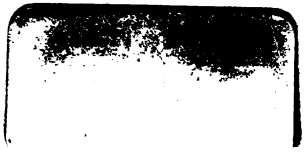
Harvard College Library

BEQUEST OF

JEREMIAH CURTIN

(Class of 1863)

RECEIVED SEPTEMBER 3, 1913



Slav 123.5.41

V. Sieroshevski
Вацлавъ Сѣрошевскій.

НА КРАЮ ЛѢСОВЪ

ПОВѢСТЬ.

съ 45 иллюстраціями въ текстѣ
С. М. ДУДИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1897.

Jeremiah Curtin.

Вацлавъ Сѣрошевскій.

W Sieroszewski

НА КРАЮ ЛѢСОВЪ.

ПОВѢСТЬ.

S. M. Dudina

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ **С. М. ДУДИНА.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1897.

KE 32481
Stav 7123.5.411

Harvard College Library
Sept. 3, 1913
Bequest of
Jeremiah Curtin

BOUND OCT 10 1914

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 декабря 1896 года.

Странное впечатлѣніе производитъ полярный лѣсъ у своихъ предѣловъ, похожій скорѣе на кладбище лѣса, чѣмъ на собраніе живыхъ деревьевъ. Упавшихъ стволовъ и вѣтокъ здѣсь валяется больше, чѣмъ растетъ ихъ, да и тѣ, что еще не упали, до того жалки, хилы, слабо одѣты листвою, до того уныло скрипятъ и стонутъ, когда вѣтеръ ихъ колышетъ, что, кажется, не за жизнь свою они борются, а молятъ о скорой смерти. Всюду виднѣются погибшія лиственницы и березы, то полуистлѣвшія, уже одѣтыя сабаномъ изъ мховъ и лишаевъ, то полуживыя, съ обломанными при паденіи вѣтвями и верхушками, съ каплями пахучей смолы, сочащимися точно кровь изъ свѣжихъ ранъ. Всюду чернѣютъ большіе щиты вырванныхъ съ землею и дерномъ корней, уродливо скрюченныхъ, точно пальцы и ступни покойниковъ, сведенные судорогою насильственной смерти.

2057
17

Да, дѣйствительно—здѣсь поле битвы. Здѣсь лѣсъ боролся не на животъ. а на смерть, съ вѣтрами, съ холодомъ, съ безплодіемъ почвы. Много погибло, но борьба не кончена, о чемъ свидѣтельствуютъ молодые побѣги, пробивающіеся среди тлѣющихъ пней и бурелома. Съ забавной важностью, съ непоколебимой увѣренностью въ своихъ правахъ и силѣ, жаждущіе воздуха и солнца, они стараются какъ можно шире разставить свои косматыя, блѣдно-зеленыя вѣтки и граціозно покачиваютъ пахучими, кистевидными верхушками надъ тѣлами убитыхъ и умирающихъ. Современемъ и они погибнутъ нежданной, преждевременной смертью—безъ этого здѣсь пока нельзя—погибнутъ рано, но не безслѣдно.

Морскіе вѣтры, безъ удержу и препятствій несущіеся съ сѣвера надъ равнинами тундръ, съ необыкновенной стремительностью нападаютъ на молодой лѣсъ у его предѣловъ. Холодъ и рѣзкія колебанія температуры сильнѣе даютъ себя чувствовать одинокимъ, разбросаннымъ деревьямъ, а земля, оттаивающая въ продолженіе лѣта всего на нѣсколько дюймовъ, не дозволяетъ ихъ корнямъ проникать далеко въ глубину, и тѣ расползаются въ поискахъ пищи въ ширь, почти по поверхности земли, уродливые, скрюченные, точно змѣи.

И вотъ вырастаютъ здѣсь лѣса, лишенные обильнаго питанія, опоры, тепла и свѣта—чахлыми, слабыми, беззащитными. Напоръ вѣтра посильнѣе легко опрокидываетъ ихъ, лишь только они вырастутъ выше, чѣмъ слѣдуетъ. Однако падая, они своей тяжестью налегаютъ на корни сосѣдней поросли, придаютъ ей больше устойчивости, и она уже растетъ выше, стоитъ крѣпче, и современемъ, когда соки погибшихъ хорошенько удобрятъ почву, вырастутъ на ихъ тѣлахъ молодыя поколѣнія, крѣпкія, дружныя и многочисленныя. Они сообща усмирятъ вѣтры, привлекутъ влагу, измѣнятъ климатъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то безнадежно пали первые бойцы, зашумитъ мощный, зеленый лѣсъ, которому нипочемъ непогода.

Но теперь жалки лѣса на крайнемъ сѣверѣ.

Тѣмъ величавѣе въ этой ничтожной оправѣ сонныхъ

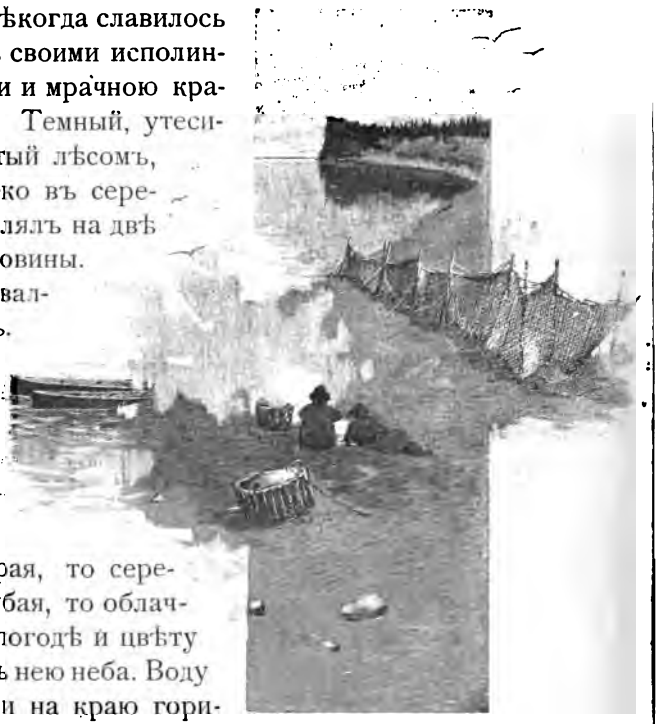
лѣсовъ огромныя, серебристыя, чуткія ко всякой перемѣнѣ озера.

А ихъ тутъ тьма тьмущая. Разной они величины и формы и лежатъ на разномъ уровнѣ. Вѣдь земля эта такъ недавно появилась со дна океана и, вся еще влажная, сверкаетъ и струится водою, точно всплывшая на поверхность русалка. Впрочемъ ея водоемы давно уже утратили свой океанический характеръ. Весенніе разливы мало-по-малу унесли съ собою морскую соль и горечь, берега, первоначально плоскіе и неопредѣленные, возвысились и одѣлись лѣсомъ. Плѣнныя воды теперь заперты со всѣхъ сторонъ, и нѣкогда тяжелая раскатистая ихъ морская волна превратилась въ игривую, звонкую волну прѣсныхъ водъ.

Чѣмъ дальше уходитъ отъ нихъ океанъ, чѣмъ выше вырастаетъ окружающій лѣсъ, тѣмъ озера дѣлаются тише, спокойнѣе, лѣнивѣе, точно привыкающія къ своей долѣ невольницы. Легкій вѣтерокъ едва можетъ колебать ихъ зеркальную гладь, затѣненную бордюромъ прибрежныхъ травъ, и только когда на ихъ родинѣ, въ открытомъ океанѣ, реветъ буря и вздымаются къ самому небу громадныя волны, и они начинаютъ дышать страстнѣе, всплескиваютъ пѣнистые гребни, выглядываютъ выше своихъ береговъ, и чередою бѣгутъ одна за другой на отлогій берегъ, какъ бы въ надеждѣ прорваться опять на утраченный ими просторъ. Но берега неуклонно стоятъ на стражѣ, и волны, ударяясь о нихъ, разбиваются въ мелкую пыль.

И такъ въ продолженіе всей бури бѣгутъ легіоны волнъ и гибнутъ, оставляя послѣ себя только грустный, протяжный всплескъ. И у каждаго озера есть свой напѣвъ, и каждое дуновеніе вѣтра порождаетъ въ немъ особые тоны. Всѣ же они, смѣшиваясь съ шумомъ деревьевъ, создаютъ своеобразную дикую, мощную мелодію, похожую на бурныя, жалобныя причитанія пустыни надъ чѣмъ-то безвозвратно утраченнымъ. Слушая ее, груститъ веселый тунгусъ, бродящій одиноко въ глубинѣ тайги, и, чувствуя въ сердцѣ непонятную тревогу, ставитъ алтари и молится; рыбакъ якутъ, остановленный непогодой далеко отъ дому, разводитъ на берегу огонь

и, тихонько напѣвая, вспоминаетъ доброе старое время и мечтаетъ о лучшемъ будущемъ.



Озеро Анды нѣкогда славилось въ этихъ краяхъ своими исполинскими размѣрами и мрачною красотою береговъ. Темный, утесистый мысъ, одѣтый лѣсомъ, врѣзывался далеко въ середину его и раздѣлялъ на двѣ почти равныя половины. Съ утеса открывался чудный видъ. Со всѣхъ сторонъ окружала его безпредѣльная гладь, то зеркальная, то испещренная волнами, то сѣрая, то серебристая, то голубая, то облачная, смотря по погодѣ и цвѣту простертаго надъ нею неба. Воду и небо раздѣляли на краю горизонта тонкія, блѣдныя черты береговъ. Узкая, длинная, низкая коса, поросшая одинокими лиственницами и рѣдкимъ уродливымъ кустарникомъ, соединяла утесъ съ материковой тайгой. Говорятъ, что во время бури коса заливалась волнами, и утесъ превращался въ островъ, кругомъ котораго особенно сильно бушевалъ тогда прибой, и вѣтры здѣсь шумѣли особенно жалобно. Можетъ быть потому и полюбили этотъ мысъ и утесъ печальные и ищущіе утѣшенія: слѣды ихъ пребыванія и жертвоприношеній до сихъ поръ виднѣются на вѣтвяхъ деревьевъ, на кустахъ, на землѣ, на буграхъ... Это кучи изломанныхъ оленьихъ роговъ и костей, черепа и прогнившія кожи животныхъ, пучки волосъ, лоскутки цвѣтного ситцу, перья птицъ, ремни и бичевки, развѣшенные тамъ и сямъ на сучь-

яхъ. Изрѣдка вверху чернѣетъ что-то въ родѣ гнѣздъ, сплетенныхъ изъ валежника и палокъ, а на нихъ костяки неизвѣстныхъ народовъ, погребенныхъ по преданіямъ сѣдой старины. Ниже, у подножія матерыхъ деревьевъ встрѣчаются труппы другихъ племенъ, погребенныхъ по другимъ обрядамъ. Это высохшія окаменѣлыя муміи, сидящія согнувшись каждая надъ остатками оружія и утвари.

Теперь никто не посѣщаетъ „Мыса мертвыхъ“, какъ его зовутъ по старой памяти. Онъ самъ больше не мысъ, а просто—лѣсистый утесъ. Окружавшее его озеро исчезло. Лѣтъ сорокъ тому назадъ безпокойныя его волны нашли щель въ треснувшихъ отъ мороза берегахъ, размыли ее, расширили и по скользкимъ поверхностямъ сосѣднихъ озеръ, а дальше русломъ рѣчушки,—убѣжали съ веселымъ шумомъ въ родной океанъ. Теперь здѣсь на ихъ мѣстѣ мягко шумятъ и переливаются сочныя травы и вьется блѣдно-зеленый лознякъ. Тамъ и сямъ изрѣдка виднѣются среди травъ остатки былыхъ водъ. Эти маленькія, кругленькія лужицы, сверкающія въ лучахъ солнца или луннаго сіянія, кажутся каплями ртути или жемчугомъ, забытымъ на днѣ долины, вогнутой, какъ чаша, какъ степь обширной и зеленой, какъ малахитъ.

Зимою здѣсь по старому бѣло и вѣтренно. О совершившейся перемѣнѣ говорятъ только столбы дыма рѣдкихъ поселковъ да стада полудикихъ лошадей, выгребающихъ изъподъ снѣга кормъ тамъ, гдѣ нѣкогда ходили волны. Въ поселкахъ живутъ якуты, полуосѣдлые, полукочевые рыбаки и звѣроловы.

Приближался конецъ марта и „весенній голодъ“ достигалъ своего апогея. Этотъ голодъ повторяется изъ году въ годъ; онъ—явленіе не случайное, а обычное; населеніе смотритъ на него, какъ на нѣчто непріятное, но неизбѣжное, подобно смерти, старости, труду. Борется оно съ нимъ совершенно пассивно, стараясь возможно меньше въ то время двигаться, возможно больше спать. Въ темныхъ, холодныхъ юртахъ люди лежатъ на скамьяхъ вдоль стѣнъ (оронъ), плотно укрывшись съ головою мѣховыми одѣялами. Встаютъ

только, чтобы согрѣть воды—это единственная пища, или, выйдя на дворъ, опредѣлить, скоро-ли наступитъ то время, когда проснутся дремлющія на днѣ озеръ рыбы, когда забѣгаютъ по долинамъ „божьи“ дикіе олени.

Тогда все снова оживаетъ, но до этого момента жилища бѣдняковъ въ продолженіе многихъ дней напоминаютъ могильные склепы, гдѣ не слышно ни стоновъ, ни жалобъ, гдѣ, выжидая, рѣетъ смерть...

Въ маленькой, ближайшей къ „Мысу мертвыхъ“ юртѣ горѣлъ необыкновенно яркій огонь, и среди жильцовъ замѣчалось давно небывалое оживленіе. У нихъ почему-то явилось сомнѣніе въ тщательности прежнихъ своихъ поисковъ за пищей, и теперь чуть не въ двадцатый разъ они снова обшаривали углы.

Двѣ бабы, одна въ тунгусскомъ сильно поношенномъ, но нѣкогда богатомъ, шитомъ серебромъ платьѣ, другая въ якутскомъ „сонѣ“ *) на заячьемъ мѣху, съ трудомъ перетаскивали съ мѣста на мѣсто небольшой деревянный столъ. Старикъ-тунгусъ, съ маленькимъ стульчикомъ въ рукахъ, всякій разъ важно ждалъ, пока онѣ это сдѣлаютъ, затѣмъ

*) Кафтанѣ.

ставилъ на столъ стульчикъ, взлѣзалъ на него при помощи женщинъ и медлительно, осторожно ощупывалъ самые дальные углы и щели подъ балками, поддерживавшими крышу. Бабы, поднявши вверхъ исхудалыя лица, жадно и подозрительно слѣдили за нимъ.

— Ну, и что же?

— Ничего нѣту!..

— Совсѣмъ ничего?

— Совсѣмъ!..

— Какъ же такъ?

— Постойте: есть—проговорилъ вдругъ старикъ, особенно далеко протягивая руку.

Зрители притаили дыханіе; парень рубившій въ углу за каминомъ плаху изъ нары, замеръ, и пошевелился даже человѣкъ, все время, точно трупъ, лежавшій на скамьѣ. Тунгусъ осторожно тащилъ къ себѣ что-то большое, что шелестило и сопротивлялось. Наконецъ, полетѣлъ на землю свертокъ, наполняя всю юрту облаками пыли. Женщины подхватили его и побѣжали къ огню.

— Не трогайте!.. Не трогайте, противные!..—закричалъ тунгусъ, и съ необычной для своихъ лѣтъ и истощенія легкостью спрыгнулъ со стола.

— Ничего нѣтъ—пустыя тряпки! Съѣшь ихъ, если хочешь! Такой жадный!—отвѣтила якутка, бросая тряпки тунгусу; тотъ, удостовѣрившись, что это правда, бросилъ ихъ съ досадой въ огонь.

— Ничего нѣту!.. — вздохнулъ онъ, поставилъ столъ и стульчикъ на прежнее мѣсто и, растолкавши женщинъ, грѣвшихся у огня, сталъ передъ каминомъ.

Опять вяло застучалъ въ углу топоръ; больной на скамьѣ опустилъ поднятую голову; а три живыхъ скелета, протянувъ изсохшія, когтевидныя руки къ пламени, замерли въ молчаливомъ унынiи. Въ красномъ блескѣ огня ихъ страшно исхудалыя лица, глубоко провалившіеся дикіе глаза, спутанные волосы, фантастическій мѣховой костюмъ дѣлали ихъ удивительно похожими на тѣ противныя муміи, что недалеко на „Мысу мертвыхъ“ сидѣли, засыпанныя снѣгомъ. Но живыя

мумiи двигались, даже ссорились, толкались и мечтали. Все, впрочемъ, имѣетъ предѣлъ.

— Ахъ! Еслибъ хоть рыбью головку, какъ вчера...— со вздохомъ промолвила якутка.

— Гм!..—робко поддержала ее товарка.

— Чего еще? Каждый день хочется вамъ рыбью головку? Какой дуракъ станетъ ихъ оставлять!..—высокомѣрно оборвалъ ихъ тунгусъ.

— И то правда.

— Уйбанчикъ, дитя мое!—простоналъ вдругъ больной, подымаясь съ постели,—Уйбанчикъ, ты иди... къ Андрею... еще разъ иди... попроси... можетъ дастъ... скажи: что мочи нѣтъ... Помремъ... если не дастъ, помремъ!

— Помремъ...—повторили другiе,—скажи: пришелъ нашъ часъ!

— Третьяго дня съѣли послѣднюю горсть лиственничнаго лыка, сумы поѣли... Ничего нѣтъ въ амбарахъ, какъ есть ничего...—добавила хозяйка.

Парень, коловшiй дрова въ углу, бросилъ топоръ и вышелъ изъ мрака. Это былъ молодой якутъ лѣтъ двадцати пяти съ небольшимъ, рослый и дюжiй, но теперь подобно другимъ исхудалый и истощенный голодомъ. Мѣховая „куклянка“ *) повисла, точно на вѣшалкѣ, на его широкихъ плечахъ въ грубыхъ неуклюжихъ складкахъ; плоское, большое лицо, увѣнчанное массой черныхъ, густыхъ, курчавыхъ волосъ, казалось почти треугольнымъ.

— Пойду, отецъ!—сказалъ онъ мягко.

— Напрасно, парень,—захрипѣлъ тунгусъ,—какъ-же: такъ и дастъ!—Онъ—нашъ господинъ... Жди его милости!.. Если бы ты понесъ что-нибудь продать или заложить, тогда другое дѣло, а то „помремъ“! Очень нужно.... Просилъ я его намедни: Андрей, дай что-нибудь, вѣдь моя дѣвка работаетъ у тебя! Онъ сказалъ; „работаетъ, ну и ѣстъ, думаю,

---

*) „Куклянка“, „кукашка“—родъ длинной блузы до колѣнъ, иногда снабженной капоромъ.

а ты, старикъ, знаешь что, отдай мнѣ свою палатку, на что она тебѣ... оленей нѣтъ у тебя, кочевать не будешь, да и умрешь скоро!.." Такъ и сказалъ! Что-жъ я на это? Оленей, правда, у меня нѣту; но сегодня нѣту, а завтра могутъ оказаться... Кто знаетъ свою судьбу? И какой я такой рабъ ему, чтобы сидѣть все на одномъ мѣстѣ? Возьму и пойду, вотъ такъ и пойду... нарочно! Забылъ Андрей, забылъ, какъ былъ бѣденъ и у людей пользовался... Я ему тогда давалъ, а онъ теперь отказалъ... Не ходи, парень, къ Андрею... Ничего не выйдетъ, только измаешься, а лучше иди въ лѣсъ за лиственничной моздрой...Лѣсъ, что отецъ родной, никому не откажетъ, все отдастъ, что у него есть... Охъ, тайга!..

— Такъ его и пущу въ тайгу...—прервала раздраженно якутка, — такъ и пущу въ тайгу въ такой холодъ... сына, да не ѣвшаго, да слабаго... Такъ его и пущу.,. Самъ иди, старый, глупый, если ты такой удалецъ!

— Молчи, старая,—опять началъ больной.—Иди, Уйбанчикъ, дитя мое; не слушай тунгуса, онъ самъ не понимаетъ, что толкуетъ: извѣстно, онъ не нашъ! Годъ тяжелый, не можетъ же Андрей раздать всѣмъ, кто нуждается, свое богатство; даже его состоянія не хватитъ на это... И такъ сколько людей онъ кормитъ?! Ты скажи ему, что долженъ онъ насъ пожалѣть: вѣдь мы его племя, его кровь!.. Пусть дастъ хоть немножко чего-нибудь, лишь бы пробиться... Мало вѣдь осталось... А тамъ настанетъ тепло, начнется промыселъ, отработаемъ... Богъ дастъ!.. А если умремъ, то кто же заплатитъ наши долги... — заключилъ больной поучительно и затѣмъ умолкъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Былъ у меня хорошій сонъ, — опять заговорилъ онъ живѣе. — Снилось мнѣ, что у насъ во дворѣ стоитъ у столба бѣлый жеребецъ; насторожилъ уши, какъ кукушки, глаза бѣгаютъ, точно ласточки, и ржетъ... Проснулся я; слава-те, Господи, думаю, и опять уснулъ... Опять онъ стоитъ и ржетъ. И такъ до трехъ разъ!

Присутствующіе съ глубокимъ вниманіемъ выслушали разсказъ и ободрились. Уйбанчикъ сейчасъ же надѣлъ огром-

ную мѣховую шапку и такія-же медвѣжьи рукавицы и вышелъ.

Въ юртѣ опять воцарилось гробовое молчаніе; грѣвшіеся у камина, разслабленные и усталые, опять легли въ постели, больной опять замеръ.

Долго не возвращался посланный. Сгорѣли дрова, юрта начала остывать. Побуждаемые холодомъ, люди сползли съ наръ и собрались разводить огонь; даже больной присоединился къ нимъ и, присѣвши на низенькомъ стульчикѣ, поднялъ высоко на голову свою ветхую дабовую рубашку, чтобы лучше согрѣть исхудалыя, тощія, когда-то крѣпкія плечи и спину. Нетерпѣливый, порывистый тунгусъ вышелъ на дворъ посмотрѣть, не видно ли парня.

— Чисто! Никого нѣтъ!..—сказалъ онъ вернувшись.

— Не видно! Что-то долго не идетъ!.. Можетъ быть упалъ...—шепнула мать.

Никто не возражалъ и только старый тунгусъ принялся брюзжать:

— Аха!.. говорилъ я: не дастъ! Аха!... Чья правда?! Долго не идетъ парень, потому что ничего не дали... Небось, далибы, такъ на радостяхъ-то скоро-бъ прилетѣлъ. О такъ! Люди никогда не помнятъ, что взяли, а считаютъ только то что даютъ, и ужъ ему должно быть посчитали, всё посчитали... А вѣдь Андрей самъ былъ бѣденъ, самъ пользовался, бралъ... Помню, пріѣдетъ ко мнѣ въ кочевье... Сейчасъ-же приказываю убить самаго что ни на есть жирнаго оленя. Жиру на бокахъ и на горбу вотъ сколько! Крови, внутренностей— безъ счету, и онъ сытъ, и его собаки сыты, и всѣ сыты. Варимъ это, конечно, раньше всего языкъ, ноздри, сердце, печень...

— Ну-у!—поддакивали задѣтые слушатели.

— А то какъ, — вѣдь гость! На стану такъ и кипитъ. Жена управляется, дочери помогаютъ: рубятъ, варятъ, жарятъ. Изъ котловъ дымъ валитъ, сердце щекочетъ. А мы съ Андреемъ сидимъ у огня на первомъ мѣстѣ; женщины подостлали намъ лиственничныхъ вѣтокъ... Сидимъ и водочку пьемъ... Такъ-то!... Такія были времена... Были да прошли...

Не уродила парня, не уродила!..—кивнулъ онъ на жену, которая вдругъ сгорбилась и быстро пугливо повернула къ нему голову, такъ что звякнули длинныя до плечъ серебряныя серьги.

— Что парень... Одинъ чортъ! Вотъ я родила двухъ и все таки умираю съ голода! — мрачно замѣтила якутка-хозяйка.

— Грѣхъ, грѣхъ, старуха, и не *смѣта* *) такъ на Бога жаловаться! Развѣ мы одни мучимся... Его воля,—съ трудомъ переводя духъ сталъ возражать хозяинъ.

— Не идетъ Уйбанчикъ, не идетъ! — вздохнулъ опять кто-то.

Разговаривающіе умолкли и начали прислушиваться, но ни одинъ звукъ не долеталъ снаружи.

— Да, да! Все Богъ! — соглашался тунгусъ,—все онъ, а все-таки лестно имѣть наслѣдника. Дѣвка ровно чужая, не въ домъ глядитъ, а изъ дому. Было у меня ихъ три: старшая была красавица, взялъ я за нее семьдесятъ оленей. Отдалъ ее, правда, человѣку не молодому, Супорону, но первѣйшему, богатѣйшему... Свадьбу мы сыграли такую, что до сихъ поръ вспоминаютъ; скота убили штукъ пятнадцать. Пищи въ волю, водки въ волю... а за водку въ то время за бутылку платили лисицу, и то не худую... Помню, точно сейчасъ вижу: сидятъ кругомъ сваты, передъ ними кожа, а на кожѣ передъ каждымъ во какая куча мяса: жиръ, языки, печень, сердце, колбасы, всего каждому положено и не думайте, что мало... Нѣтъ!.. Мѣшки трещали, когда при отъѣздѣ забирали остатки. Вотъ какъ! Ей Богу!.. Пусть люди пользуются — не былъ я скупой; это вѣрно! Вторая дочь тоже была красавица; но я обѣднѣлъ къ тому времени, и дали мнѣ за нее только 30 оленей. А свадьбу я все-таки хорошую сыгралъ. Ѣли мы это, ѣли, пили мы, пили — три дня, какъ подобаетъ. Стоялъ я, какъ разъ, у дороги. Кто хотѣлъ, тотъ приходилъ и былъ гостемъ. Не смотрѣлъ я — русскій, тунгусъ или якутъ... Не было у меня этого обычая. Сядетъ,—

*) Неправильно понятое русское слово.

сейчасъ ему свадебный „выдѣльщикъ“ *) выкладываетъ ребро, обросшее жиромъ, точно камень мохомъ, языкъ свѣжій, печень, сердце, ноздри — всего по куску; колбасу толстую, точно налимъ, кровь копченую съ шариками оленьяго кала... Вотъ какъ! Только оближешься. Ой, ой! Было время... Наконецъ, подаютъ огромную чашу похлебки изъ крови съ мукой—хочешь ѣшь, хочешь не ѣшь! И тутъ же на блюдечкѣ стоитъ соль, для тѣхъ, кто ее любитъ... Да — былъ я богатый! А теперь съ голоду помираю, и послѣдняя моя дочка дѣвкой еще у чужого очага принуждена работать. Чуетъ мое сердце, пропадетъ она, пропадетъ!..

— Не болтай, старикъ!.. не худо ей у Андрея, всѣ знаютъ, живетъ какъ барыня; даже въ хотонъ **) хозяинъ ее ходить не заставляетъ! – защищала родственника съ нѣкоторымъ раздраженіемъ хозяйка; хозяинъ поддержалъ ее. Тунгусъ умолкъ, повѣсилъ голову и задумался. Недолго, впрочемъ, неисправимый болтунъ могъ хранить про себя проснувшіяся воспоминанія, къ тому же голодъ мучилъ его, и онъ плакалъ, бормоча тихонько:

— Печень, ноздри, языкъ... Времена, были времена!.. Жиръ рѣзали тоненько, считали точно деньги, мягкимъ мясомъ горло продирали, мозгомъ его смазывали, желтымъ масломъ полоскали ротъ! Вотъ какъ!.. Охъ... Охъ!

— Тьфу! засохни языкъ твой! — разсердился, наконецъ, хозяинъ и поднялся со стульчика.—Уйбанчика все нѣтъ!..

Подумавши, онъ надѣлъ кафтанъ, шапку и вышелъ.

Солнце, давно уже склонявшееся къ закату, было близко къ горизонту. Косые его лучи, отражаясь отъ снѣговъ слегка вогнутой долины, ударили съ особенной силой въ лицо старика. Ослѣпленный послѣ мрака юрты, якутъ закрылъ глаза рукою и на мгновеніе замеръ безъ движенія.

---

*) На свадьбахъ у якутовъ и тунгусовъ обязанность „выдѣльщика“ исполняетъ обыкновенно одинъ изъ бѣдныхъ родственниковъ хозяина. Это довольно трудная обязанность, требующая большого такта.

**) Хлѣвъ для рогатаго скота.

Затѣмъ, придерживая у лба сомкнутыя ладони, точно изъ-подъ козырька, сталъ онъ вглядываться въ даль.

Извилистая линія дороги, блѣдная, неясная, тонкая, точно черта карандашомъ, сдѣланная неопытной рукой на огромномъ листѣ бумаги, терялась гдѣ-то въ снѣговой равнинѣ, прикрытой золотистой бахромой солнечныхъ лучей. Легкая, нѣжная вечерняя мгла рѣяла внизу этого свѣтлаго вѣера.

Дикарь, подобно хищной птицѣ, устремилъ взоры прямо въ это искрящееся зарево. Постепенно ему стало казаться, что гдѣ-то далеко въ дрожащей свѣтовой паутинѣ путается и двигается черная точка.

— Онъ! — шепнулъ дикарь, волнуясь. Точка исчезла и опять всплыла уже больше, опять исчезла, и совсѣмъ уже недалеко появилась фигура человѣка, медленно идущаго на лыжахъ.

— Онъ! Идетъ!—крикнулъ старикъ.

Оставшіеся въ избѣ выбѣжали и, ставъ позади него полукругомъ, тоже начали напряженно всматриваться.

— Онъ! И несетъ что-то!

— Да—несетъ! Что-то тяжелое! Видите, какъ сгорбился?

Чѣмъ ближе подходилъ парень, тѣмъ болѣе волновались обитатели юрты, и слабость, страшная слабость подкашивала ихъ колѣни. Они молчали; и даже когда усталый, запыхавшійся, но довольный, смѣющійся, парень, съ мѣшечкомъ чего-то тяжелаго на спинѣ очутился среди нихъ, они не спросили ничего, а только широко, почтительно открыли передъ нимъ дверь юрты. Уйбанчикъ вошелъ, снялъ ношу и осторожно поставилъ посерединѣ стола. Всѣ окружили его.

— Далъ?—спросилъ слабымъ голосомъ хозяинъ и, какъ бы не довѣряя глазамъ, толкнулъ пальцемъ чудесный мѣшечекъ.

— Видишь вѣдь: стоитъ!

— Мука!?

— Совсѣмъ ты, отецъ, какъ малый ребенокъ! Мука — да и семнадцать ея фунтовъ. Пудовъ десять ея, клади, привезли изъ города. Дѣлятъ. У Андрея сходка!

— Сходка!? А насъ не позвали!

— Далеко, сказываютъ, некогда; народъ голодный—ждать не хотѣлъ; вашъ Джянга тутъ есть, говорятъ!

— Ну, что Джянга!—сказалъ неохотно старикъ, развязывая осторожно, точно сокровище, мѣшечекъ.

Онъ досталъ оттуда щепоть муки и, насыпавъ на ладонь, съ улыбкой разсматривалъ ее.

— Ѣда!—проговорилъ онъ наконецъ серьезно,—а кто не знаетъ, и не угадалъ бы: бѣлое, мягкое, скорѣе на снѣгъ или на песокъ похоже. Растетъ, говорятъ, на югѣ, будто трава...

— Какое растетъ!—возразилъ тунгусъ,—копаютъ въ горахъ, какъ соль! Я знаю, я слышалъ... А сѣять, такъ кто-бы успѣлъ такое множество. Вѣдь этого въ нашъ городъ привозятъ пудовъ чуть не триста! А ѣда — первый сортъ! Можно дѣлать лепешки, на маслѣ аладьи поджаривать, а можно и кашу въ похлебкѣ съ кровью варить... Когда я былъ богатъ, частенько ѣдалъ... Право ѣдалъ!.. А только много есть нельзя, сердце горѣть будетъ!

— Много? Откуда возьмешь!—насмѣшливо перебилъ его кто-то.

Дѣйствительно, можно было не опасаться, что въ этотъ разъ сердце сгоритъ отъ обжорства, тѣмъ болѣе, что запасъ предназначался на неопредѣленно долгое время. Но какой же дуракъ станетъ тужить загодя? Хозяинъ старательно стряхнулъ муку обратно въ мѣшечекъ, слизалъ слѣды ея съ ладони и весело приказалъ хозяйкѣ „варить ужинъ“.

Усталый Уйбанчикъ прилегъ противъ огня на скамьѣ и сейчасъ же задремалъ. Другіе, разговаривая вполголоса, сидѣли у стола въ ожиданіи пищи. Женщины хлопотали у огня, подкладывали подъ котелъ дрова, подгребали жаръ, стараясь, чтобы поскорѣе закипѣла вода. Затѣмъ въ кипятокъ бросили горсть муки, разболтали ее мутовкой, и ужинъ былъ готовъ. Хозяйка торжественно понесла на столъ огромную дымящуюся чашу.

Долго ничего не было слышно, кромѣ причмокиванія и постукиванія ложекъ о края посуды; наконецъ хозяинъ заговорилъ въ промежуткѣ между двумя глотками:

— Итакъ, у Андрея дѣлежъ?!

— Уже раздѣлили!—отвѣтилъ парень.

— Эхъ!... Все-таки не хорошо, что насъ не позвали... Не смѣта!

— Джянга, говорятъ...

— Что—Джянга! Извѣстно Джянга—ровно чужой. Играть въ карты, шляться по свадьбамъ, поѣсть, выпить, бороться, шутить—это онъ можетъ, а вотъ вспомнить о старикахъ родителяхъ—этого съ нимъ не бывало и не будетъ, должно быть! Когда у насъ ничего не стало, съ тѣхъ поръ и пропалъ и слуху не подаетъ!

— Мцы! порицательно зачмокалъ тунгусъ.

— Развѣ лучше, если бы сидѣлъ...—заступилась хозяйка за старшаго сына,—ты всегда на него нападаешь... А между тѣмъ онъ умный и хорошо сдѣлалъ, что ушелъ: все-таки однимъ ртомъ меньше, намъ же легче!

Якутъ притворился, что не слышитъ.

— Все таки худо, что насъ не позвали,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Уйбанчику.—Подати платимъ, какъ другіе, и другихъ мы не хуже! Не смѣта!..

Пустую чашку убрали со стола, и всѣ, перекрестившись и пожавъ другъ другу руки, перешли къ очагу. Старикъ хозяинъ сѣлъ на любимый свой стульчикъ, тунгусъ помѣстился на чурбанчикъ, служившій вмѣсто стула, Уйбанчикъ сталъ у столба и, вытирая рукавомъ носъ и губы, готовился разсказывать. Женщины убирали избу и мыли посуду, тихонько, осторожно двигаясь, чтобы не проронить, Боже упаси, какого-либо любопытнаго слова.

— Ну, сказывай, парень!

— Иду это—пришелъ. Смотрю: у Андрея на дворѣ оленей, лошадей—безъ счету. Собраніе. Разговариваютъ, совѣтуются. Слушаю. Разсказываетъ Мора, сынъ Филиппа. Чудеса! Онъ, вы знаете, ѣздилъ въ городъ съ прошеніемъ отъ общества, ну и вотъ разсказываетъ. Привезъ. А какъ случилось, разскажу по порядку. Въ дорогѣ бѣдствовалъ: всѣ сосѣди безъ пищи сидятъ. Пріѣхалъ въ городъ, тамъ

тоже ѣсть нечего. Ходилъ, ходилъ, весь день ходилъ, не могъ главнаго начальника *) поймать.

— Мцы!..—согласно причмокнули слушатели.—Кто же его поймать можетъ?

— То спитъ, то дома нѣтъ, то у него гости. А Мора между тѣмъ ничего не ѣстъ, и олени тоже голодные стоятъ...

— Ой, стоятъ бѣдняжечки!.. Что-то будетъ!

— Наконецъ, поздно вечеромъ поймалъ начальника, прошеніе отдалъ и ждетъ. Тотъ бумагу прочелъ и возвращаетъ. „Ничего, говоритъ, сдѣлать не могу безъ разрѣшенія губернатора. Нельзя давать. Послалъ запросъ, отвѣтъ придетъ, дамъ знать черезъ управу!“—Умремъ, государь нашъ, говоритъ Мора! „Черезъ управу, говоритъ... не вы одни, всѣ лѣзутъ... съ ума сойти можно!“ Постоялъ Мора, постоялъ и ушелъ. И возвратился бы такъ ни съ чѣмъ съ пустыми руками, но вдругъ посчастливилось ему: въ сѣняхъ закружилась у него голова, сердце прыгнуло въ ротъ... Развѣ такъ не случается съ человѣкомъ, который въ дорогѣ долго не ѣлъ? Въ городѣ хуже, чѣмъ у насъ: стаканъ чернаго чаю съ трудомъ добудешь. Даже сосновой коры нѣтъ. Упалъ Мора. Лежитъ, ничего не помнитъ, а только ему хочется, сказываетъ, спать, а ему спать не даютъ, кто-то его за носъ тянетъ. Онъ сердится, открываетъ глаза, а тутъ кругомъ люди, господа, казаки въ мундирахъ со свѣчами въ рукахъ, а по серединѣ,—самъ начальникъ округа...

— Ой, ой!.. Самъ начальникъ, говоришь!..

— А то какъ!—самодовольно отвѣтилъ разсказчикъ и, мѣняя голосъ, чтобы лучше подражать разговаривающимъ продолжалъ:—„Пьяный, должно быть, берите его въ кутузку!“ Не пьяный, ваше высокоблагородіе, а должно быть съ голоду, говоритъ казакъ, что подымалъ Мору. „Ну тогда несите его сюда!“ Внесли Мору въ присутствіе. Понатужился Мора, поднялся передъ зерцаломъ. Узналъ его начальникъ, спрашиваетъ, зачѣмъ не сказалъ, что не ѣлъ, сердится.—Не смѣлъ, говоритъ Мора; наши люди всѣ такъ помираютъ,

*) Улаханъ тоенъ—исправникъ.

господинъ нашъ добрый!—Задумался начальникъ. Приказалъ онъ Мору на кухню вести, накормить, а затѣмъ и муку выдать приказалъ безъ губернаторскаго разрѣшенія, на собственное усмотрѣніе... Этой же ночью выдали: упросилъ Мора, олени, говоритъ, тоже сутки не ѣли, безъ моха стоятъ, обезсилѣютъ. Пожалѣлъ начальникъ, а можетъ и испугался, только сейчасъ же ночью выдать приказалъ. Со свѣчами въ магазинъ ходили.

— Ой, испугался, должно быть! Потому—не смѣта, чтобы человѣкъ у порога съ голоду умиралъ. И царь, думаю, за это не похвалитъ! А сколько далъ?

— Десять пудовъ; и то по десять рублей пудъ. Осенью, говорятъ, платить придется. Забрали всю муку, заграбили богачи. Десять пудовъ по десять рублей—вѣдь это „мѣшокъ“ *), говорятъ. Откуда вы возьмете столько денегъ? Мы платить будемъ—наша мука!

— Какъ же! Если ихъ послушать, то скоро все окажется ихъ: и рыба, и вода, и лѣсъ, и земля... Ну, не скоро это будетъ!.. Что же—міръ?

— Міръ, какъ всегда, молчитъ! Кто-то сказалъ, что у всякаго одинъ ротъ, но набольшіе на него такъ напустились, что самъ былъ не радъ. Кто больше всего въ казну платитъ, кричатъ, отъ кого казнѣ прибыль... Развѣ не отъ насъ? Объ насъ и должны заботиться больше. Наша мука. И взяли: тотъ пудъ, тотъ два, тотъ полтора и уже отъ себя бѣднякамъ раздавали подъ работу. И то слава Богу, что не деньги, не пушное просили... Каждый бы далъ, куда дѣнется...

Тутъ Уйбанчикъ сталъ подробно разсказывать, кто сколько и у кого взялъ и на какихъ условіяхъ, и кто съ кѣмъ поругался, и какъ другъ другу досаждали и какъ мирились.

— А все Андрей! Что и говорить, человѣкъ съ головой. Намъ, примѣромъ сказать, ничего дать не хотѣли, а онъ заступился: Матвѣй, говоритъ, хотя и бѣдный, а два у него сына промышляютъ, найдутъ, заплатятъ, лишь бы до весны

*) „Мѣшокъ“—сумма денегъ отъ 80 до 120 руб.

имъ пробиться. Ну, и дали. Десять фунтовъ дали, а онъ еще своихъ пять прибавилъ: „я знаю, говоритъ, вамъ не хватитъ, а все вы мнѣ родственники, люди близкіе, посчитаемся, отработаете!“

— А развѣ не правда? Развѣ намъ впервые людямъ долгъ платить!—съ гордостью согласился хозяинъ.

— Ну и для тунгуса выторговалъ особо два фунта. „Господа сородичи, говоритъ, у тунгуса ничего нѣтъ, онъ старикъ, вмѣстѣ живемъ, міръ долженъ ему помочь; онъ тоже, когда богатъ былъ, помогалъ намъ. Не забудемъ старика, Богъ намъ за него отдастъ сторицею“. Поворчали, посудачили, но дали. Извѣстно, такъ будетъ, какъ Андрей скажетъ.

— Первый онъ человѣкъ!—воскликнулъ съ увлеченіемъ тунгусъ.

— Что и говорить: за лучшаго его считаемъ, умнѣйшаго,—согласился хозяинъ Матвѣй и спросилъ сына, понизивъ немного голосъ.—А когда и чѣмъ мы отработывать будемъ, не говорилъ? Должно быть сѣно! Охъ, это сѣно. Съѣстъ оно насъ, поглотитъ. Опять не накосимъ купцамъ, что должны!

— Нѣтъ, Андрей не сказалъ, а только теперь пока просилъ, по-сосѣдски, русскаго въ городъ отвезти. Хочетъ, чтобы я поѣхалъ, чтобы ему было съ кѣмъ въ дорогѣ разговаривать, а то съ ума сходитъ и еще сдѣлаетъ что-нибудь, за что отвѣтишь... Бѣда!...

— Значитъ, ѣдешь?

— Да, ѣду должно быть; завтра назначено уѣзжать. И Джянга ѣдетъ. Міръ-то опять прошеніе рѣшилъ подавать, чтобы еще дали муки, да деньги за нее простили; говорятъ, пришла такая бумага изъ губерніи, чтобы даромъ давать сколько кто хочетъ. Мора встрѣтилъ на тракту козака съ почтой,—онъ и сказывалъ.

— Завтра ѣдешь, значитъ?!

— Завтра, а приходить сегодня велѣли.

Домашніе начали собирать парня въ дорогу. Всякій отдавалъ изъ своей одежды, что было лучшаго. Уйбанчикъ все осматривалъ въ подробности и отдавалъ женщинамъ разор-

ванное чинить, привязывать ремешки и застежки. Матвѣй въ то же время искалъ по угламъ, что бы можно послать въ городъ на продажу. Но кромѣ дыряваго желѣзнаго котла, да облѣзлой кожи, замѣнявшей ему постель, онъ не нашелъ ничего лишняго, имѣющаго хоть какую-нибудь цѣнность. Взялъ, наконецъ, Матвѣй въ руки мѣдный чайникъ и, несмотря на жалобные взгляды жены, сталъ его внимательно разсматривать.

— Развѣ чайникъ послать?—соображалъ онъ.—Все равно теперь чаю нѣтъ. А пріѣдутъ лѣтомъ купцы, попросимъ Андрея, чтобы взялъ для насъ новый.

— Конечно, чаю вѣдь нѣтъ, стоитъ пустая посуда!—поддержалъ его тунгусъ, вдругъ удивительно съежившійся и притихшій.

— И ты, Ѳедоръ, тоже что-нибудь бы далъ!—началъ робко хозяинъ.—Винтовка у тебя вѣдь ржавѣетъ, пороху и снарядовъ нѣтъ, да и гдѣ ужъ тебѣ охотиться, старику?.. Мы бы тебя отдарили!..

— Винтовку!..—вскричалъ тунгусъ,—еще чего? Духу моего скоро просить станете. Лучше отдайте мнѣ мои два фунта муки и я укочую. Моя винтовка никуда не годится. Она—тунгусская, связана ремнями, въ городѣ на нее никто не взглянетъ. Да и не стрѣляетъ, совсѣмъ не стрѣляетъ, правду говорю! А для меня, быть можетъ, и пригодится. Должны же вы пожалѣть меня, чужого. Вы богатые, вы въ своей землѣ!.. — добавилъ онъ жалобно.

— Не смѣта!..—началъ сурово Матвѣй, но Уйбанчикъ не допустилъ ссоры, замѣтивши отцу, что вещь дѣйствительно мало стоющая, что скоро, Богъ дастъ, начнутся промыслы, авось и безъ него протянутъ, и что дѣйствительно нужно пожалѣть старика, который точно малое дитя.

II.

Тотъ же вечеръ, при слабомъ свѣтѣ мерцающихъ звѣздъ, Уйбанчикъ и тунгусъ пробирались съ узелками за спиною чрезъ покрытыя снѣгомъ равнины Анды на сѣверо-западъ. Старый охотникъ присоединился къ парню, увѣряя, что „вдругъ затосковалъ по дочери“, но, вѣрнѣе, испугавшись хозяйственныхъ поползновеній Матвѣя и желая переждать ихъ на сторонѣ.

Когда подошли вплоть къ усадьбѣ Андрея, стая собакъ выскочила со двора съ громкимъ лаемъ. Двери открылись и, блеснувъ на мгновеніе кровавымъ свѣтомъ пылающаго въ избѣ очага, глухо захлопнулись. Одновременно по серединѣ двора у столбовъ, гдѣ привязываютъ лошадей, появилась кучка большихъ и маленькихъ человѣческихъ фигуръ.

— Хой!.. Кто тамъ?—раздался въ темнотѣ искусственный басъ подростка, и мальчуганъ безъ шапки, но въ огромныхъ медвѣжьихъ промысловыхъ рукавицахъ и большомъ отцовскомъ кафтанѣ, выступилъ впередъ.

— Что за люди?!. Стойте... Не смѣйте подходить, а то буду стрѣлять!..—грозно заговорилъ онъ.

Всѣ, не исключая самого грозившаго, разсмѣялись, а дѣти одновременно съ гикомъ бросились къ идущимъ.

— Уйбанчикъ!.. Уйбанчикъ!—кричали они, хватаясь за платье и повисая на парнѣ.

— Отецъ давно васъ ждетъ; Джянга и Нерпа ушли за оленями... И мы ждемъ... а то какъ!..

— Жде... ооомъ, ждемъ!.. А то какъ... Бабатъ!.. Что за люди?.. Какъ меня испугали старуху! Ухъ-сіе! Жде-оомъ!..— ворчала одна изъ взрослыхъ фигуръ, пятясь назадъ отъ Уйбанчика *), подававшаго ей руку.

— Это Симаксинъ!—смѣялись дѣти,—ты ее не узналъ, Уйбанчикъ?

— Ага!.. А гдѣ-же Лелья?—спросилъ, оглядываясь, парень. Взоръ его остановился на тонкой, стройной фигурѣ дѣвушки, наклонившейся къ ногамъ стараго тунгуса, чтобы помочь ему отстегнуть лыжи.

— Какъ живете, отецъ?—спрашивала дѣвушка.—Что же? мать еще дышетъ?

— Жива!

— А два фунта муки, что послалъ Андрей, получили?

— Какъ же! А только я не взялъ; буду жить и дальше у Матвѣя. Хорошій старикъ, правильный старикъ... Онъ одинъ не гонитъ, не выговариваетъ, хотя у самого... плохо. Лѣтомъ, когда появится пища, возьму и тебя туда; будемъ кочевать вблизи него на холмахъ!

— Не пустятъ, не отпустятъ!..—сказала дѣвушка вздохнувъ, но, очевидно, не умѣя долго грустить, сейчасъ-же весело разсмѣялась и пожала протянутую руку Уйбанчика.

— Что подѣлываешь, Лелья?

— Что подѣлываю? Не цвѣту, а вяну, по тебѣ тоскуя! Такъ долго мы не видѣлись—съ самаго полдня!..

— Бабатъ... Съ самаго полдня... Не цвѣту, а вяну!..—закудахтала больная Симаксинъ.

Веселый смѣхъ встрѣтилъ ея выходку и въ свою очередь усилилъ ея возбужденіе. Шумъ, смѣхъ, взвизгиваніе, къ которымъ присоединился радостный вой собакъ, возросли

---

*) На сѣверѣ сильно распространена нервная болѣзнь *моряченье* состоящая въ томъ, что больной повторяетъ слова и жесты, особенно почему-либо поразившіе его, переплетая ихъ съ восклицаніями страха и боли.

до того, что дверь юрты опять раскрылась, и взрослый широкоплечій мужчина, одѣтый въ крытый ровдугой якутскій кафтанъ появился на порогѣ. Нагнувъ голову подъ низкимъ косякомъ, онъ минуту поглядѣлъ въ темноту, затѣмъ вышелъ и направился къ дѣтямъ.

— Что случилось? А, это ты, Уйбанчикъ? И старикъ, вижу, пришелъ? Чего стоите! Идемъ въ избу!

— Андрей—это я!—говорилъ между тѣмъ тунгусъ, придерживая его руку.—Я пришелъ благодарить тебя, что не забылъ ты насъ, господинъ! И дочку посмотрѣть захотѣлось!

Якутъ гордо кивнулъ ему головой и повелъ гостей въ юрту. За ними двинулись дѣти, пересмѣиваясь и поддразнивая старую Симаксинъ. При входѣ шутки прекратились. Женщины и дѣти, обычной дорогой позади очага, который въ якутскихъ жилищахъ стоитъ тыломъ къ выходу почти посерединѣ избы, прошли на женскую половину. Тамъ, противъ огня, на нарахъ у стѣны сидѣла въ мѣховой шапкѣ и лисьемъ кафтанѣ жена Андрея, желтая, худая, вѣчно больная женщина лѣтъ сорока. Мужчины, кромѣ Андрея, прошли на правую половину и, повернувъ лица и глаза въ тотъ уголъ противъ дверей, гдѣ на небольшой полкѣ блестѣли въ металлическихъ ризахъ темные, закоптѣлые образа, сняли шапки и стали креститься. Затѣмъ начались обычныя привѣтствія домашнихъ.

— Что слышно? Разсказывай, русскій! Какъ поживаешь, что подѣлываешь?—обратился наконецъ Уйбанчикъ какъ-то черезчуръ громко и неискренно къ человѣку, что лежалъ въ тѣни на почетной угловой нарѣ. Тотъ поднялся и присѣлъ, но протянутой руки не принялъ, а только молча мрачно всматривался въ парня поблекшими, нѣкогда голубыми, глазами.

— А!.. это ты... пришелъ... хорошо... Чего нужно?

Уйбанчикъ, сконфуженный недружелюбной встрѣчей, отошелъ въ сторону къ очагу.

— Сердится?—спросилъ онъ тихонько Андрея.

— Какъ сердиться не будетъ!—отвѣтилъ тотъ насмѣш-

ливо и громко.—Пусть скажетъ, чего хочетъ нашъ большой господинъ!

— Что-же, русскій!.. Что подѣлываешь?—началъ опять мягко, монотонно парень.—Почто сердишься?—почто не разговариваешь? Мы, люди дикіе, охотно слушаемъ ученыхъ людей...

Онъ вдругъ умолкъ, пораженный перемѣной въ лицѣ русскаго. Сѣдая, рѣдкая, но длинная борода послѣдняго запрыгала, затряслась, бѣлыя брови насупились, лѣвую щеку стало судорожно сводить и лѣвый глазъ, глубоко ввалившійся подъ лобъ, зажегся мрачнымъ огнемъ. Онъ медленно поднялся со скамьи, и мощная, но постарѣвшая и, точно измятая какой-то страшной прокатившейся по ней тяжестью, его фигура выпрямилась и выросла подъ потолокъ. Онъ молчалъ, пристально, хищно всматриваясь въ столпившихся передъ нимъ якутовъ.

— Э-э! Стоитъ на него глядѣть... на дурака!..—презрительно сказалъ Андрей и сплюнулъ.

— Дастъ Богъ не умремъ отъ его взгляда!.. А сердится... Пусть сердится! Почему ему и не сердиться? Всякій сердиться будетъ... Ложки поломалъ, чашку съ ѣдой на полъ бросилъ... Сейчасъ ему подавай мяса, убей скотину, корову или оленя. Онъ, нашъ благодѣтель, рыбы вонючей, какъ мы, якуты, съ лиственничнымъ лыкомъ ѣсть не можетъ... Ну, конечно, я приказалъ Джянгѣ дать ему въ зубы... вотъ и все! А теперь пусть сердится.... Всегда такъ буду дѣлать и скажи ему, Уйбанчикъ, что если не успокоится, мы его свяжемъ и только...

— Завтра поѣдемъ въ городъ! И все будетъ хорошо... Вы согласны?—началъ по-русски Уйбанчикъ, притворяясь, что переводитъ слова Андрея.—Вамъ тутъ должно быть худо: ѣда дурная! Что-же дѣлать: мы люди дикіе, мы люди бѣдные, ѣдимъ, что попадется. Теперь промысла нѣтъ, недостатокъ. Вы должны простить намъ, уважить. Ни оленя, ни коровы мы убить не можемъ, потому—что же намъ останется? Скотъ и такъ ежегодно отъ хворьбы пропадаетъ; мало его у насъ... А олени: на чемъ будемъ возить исправ-

ника, попа и господъ русскихъ, если ихъ поѣдимъ? На чемъ поѣдемъ въ чукчи? Безъ оленей мы прямо пропащіе люди!

— Сволочь, негодяи!.. Зачѣмъ вы надо мной издѣваетесь!? Что я вамъ сдѣлалъ? Развѣ я здѣсь по собственной волѣ?!—разразился, наконецъ, поселенецъ, и два ручья горячихъ слезъ полились по его изможденному, сведенному судорогой лицу.

— Что говоритъ?—переспросилъ съ дѣланной усмѣшкой Андрей.

— Онъ говоритъ, что ничего намъ не сдѣлалъ. За что его обижаемъ?

— Ничего не сдѣлалъ? Не одну онъ вѣрно якутскую душу погубилъ? не одного разорилъ!.. Знаемъ мы ихъ, острожниковъ! А теперь, какъ состарился, такъ: за что его обижаютъ? Вотъ за то и обижаютъ!.. Жалуется, что дурная ѣда, заработалъ ее что-ль?—шипѣлъ Андрей.

Русскій пересталъ плакать и внимательно сталъ вслушиваться.

— Что онъ болтаетъ?

— Говоритъ, что вы ни одного, должно быть, человѣка убили; такъ за то...

Разбойникъ вдругъ какъ-то пошатнулся, закрылъ глаза, нагнулъ голову, но это продолжалось одно мгновеніе:

— Неправда!—закричалъ онъ прерывающимся голосомъ, — не ваше дѣло, мерзавцы!.. На это есть судъ, законъ, царь... Не вамъ, собаки, судить, не вамъ! Я наказанъ!..

Онъ всталъ, выпрямился и гордо глядѣлъ на противниковъ пылающимъ взглядомъ. И опять показался онъ имъ грознымъ и могучимъ, какъ нѣкогда. Андрей и другіе попятились отъ него, а женщины и дѣти, привлеченныя на середину избы любопытствомъ, съ ужасомъ скрылись за перегородку. Одна мирячка Симаксинъ, хотя дрожащая и смертельно блѣдная, не убѣжала, а наоборотъ, подталкиваемая болѣзнью, шла къ предмету ужаса, что-то бормоча и ударяя руками по бедрамъ, подражая жестамъ, восклицаніямъ и гримасамъ русскаго.

— Возьмите ее!.. Уберите ее, старую вѣдьму!—завылъ поселенецъ, увидя старуху.—Убью... У-у!..

Никто, однако, не двинулся, не испугался; наоборотъ: вышли изъ угловъ даже тѣ, которые тамъ спрятались. Кругомъ противниковъ образовалось кольцо смѣющихся зрителей. Даже больная жена Андрея, опираясь на палку, вышла изъ-за перегородки посмотрѣть на забавное зрѣлище. Мирячка все приближалась и уже собиралась схватить трясущимися руками за бороду поселенца, уже тотъ замахнулся на нее, и драка готова была завязаться, когда Уйбанчикъ подскочилъ и растолкалъ обоихъ въ разные углы. Смѣхъ умолкъ. Симаксинъ, бормоча, возилась за очагомъ, а русскій, повалившись лицомъ на постель, всхлипывалъ и кусалъ подушку.

Якуты въ молчаніи толпились кругомъ огня.

— Нашла себѣ, наконецъ, Симаксинъ жениха!—пробовалъ шутить Андрей; но его шутка вызвала улыбку только на подобострастномъ лицѣ тунгуса. Всѣ какъ-то стыдливо избѣгали глядѣть другъ на друга и, когда на дворѣ вдругъ отчаянно залаяли собаки, они съ крикомъ: „Джянга!.. Олени!..“ одѣваясь на ходу, бросились торопливо вонъ изъ избы.

Ночь была ясная, тихая. Высоко по небу плыла луна полная, блестящая, съ рѣзко очерченными краями, словно только что отчеканенная монета. Со двора юрты, которая, подобно всѣмъ мѣстнымъ „зимникамъ“, стояла среди луговъ, все было видно далеко кругомъ, какъ на ладони. Впереди разстилалась снѣжная степь; позади смутно мелькали заросли, бѣ-

лыя и неясныя, точно пѣна или мгла. Среди нихъ въ тотъ мигъ что-то шумѣло и мелькало, и къ нимъ упрямо поворачивались тявкающія собаки. Вдругъ туманная заросль разступилась, и на залитую свѣтомъ лужайку выскочили темныя тѣни.

— Собакъ привязать! Открыть ворота... Живо!—закричалъ Андрей.

Олени, испуганные голосами и бѣготней людей, столпились, насторожили рога и уши. Паръ отъ ихъ дыханія, незамѣтный во время бѣга, окружилъ ихъ теперь, подобно облаку. Надъ этимъ облакомъ черные, вѣтвистые рога колыхались, будто вѣтви деревьевъ, колеблемыя вѣтромъ. Это продолжалось мгновеніе; затѣмъ новый трескъ позади въ лѣсу снова спугнулъ ихъ, и животныя, забросивъ на спину рога, брызнули въ разныя стороны, точно капли воды подъ ударомъ камня. Въ то же время изъ кустарника выскочили новыя рогатыя тѣни съ людьми на горбахъ. Всадники, выѣхавъ на равнину, попридержали своихъ оленей и начали осторожно, издали, объѣзжать всполошившихся животныхъ, стараясь собрать ихъ въ кучу и направить къ воротамъ двора. Немного спустя, олени, тяжело дыша и постукивая копытами, гурьбой ворвались въ ограду. Уйбанчикъ, Лелья, тунгусъ, дѣти, даже старая Симаксинъ, спрятавшіеся раньше за плетень и строенія, теперь бросились толпой къ выходу, чтобы запереть ворота и не дать имъ вернуться. Въ то-же время подъѣхали и охотники на своихъ быстрыхъ тонконогихъ оленяхъ. Впереди на росломъ бѣломъ самцѣ летѣлъ Джянга въ якутскомъ плисовомъ черномъ кафтанѣ, въ остроконечной мѣховой шапкѣ; за нимъ—подростокъ на темномъ оленѣ, въ чукотской „куклянкѣ“ и тунгусской плоской, похожей на капоръ, шапкѣ. Олени тяжело ступали, проваливаясь въ глубокомъ снѣгу; длинные языки ихъ свѣшивались на бокъ изъ разинутыхъ ртовъ, покрытыхъ пѣной.

У воротъ всадники ловко спрыгнули, вѣрнѣе, свалились съ животныхъ, упершись въ землю короткими палочками. Джянга повелительно крикнулъ на Лелью, чтобы придер-

жала его оленя, и сталъ сейчасъ же отвязывать отъ узорчатой узды длинный ремень, замѣнявшій поводъ.

— Насилу нашли, — весело разсказывалъ парень дѣвушкѣ,—лежатъ они, не шелохнутся; снѣгъ засыпалъ ихъ; рога, точно кусты, они сами, точно кочки... лѣсъ, лѣсъ—и только! Нерпа ихъ не замѣтилъ, налетѣлъ, всполошилъ и они разбѣжались по лѣсу, какъ куропатки!.. Какъ мучились мы потомъ, не приведи Богъ! Ночь, темно, за сучья задѣваешь, трещитъ, только звѣрей все больше пугаемъ... Если бы не твой любимецъ, Лелья, раньше утра не вернулись бы мы! Да, да... я и забылъ: завтра днемъ ты или Нюстеръ подите въ лѣсъ да принесите лыжи... Пришлось бросить: тащить невозможно—чаща...

— А „бѣлюка“ вы поймали?

— Да по вашему, по-тунгусски!..

— Иначе не хочетъ!—закаркалъ издали вороньимъ голосомъ второй ѣздокъ, за небольшой ростъ, толщину и неловкость движеній прозванный Нерпой *).

Всѣ разсмѣялись, потому что знали, какимъ неприличнымъ образомъ ловятъ тунгусы непокорныхъ оленей. Лелья, слушавшая разсказъ Джянги, опираясь на хребетъ своего любимца, смутилась и кокетливо спрятала чуть покраснѣвшее лицо въ мягкую бѣлую шерсть животнаго.

— Ну... Будетъ зубы скалить!.. Принимайтесь!—строго прикрикнулъ на нихъ Андрей.

Джянга, не торопясь, перебросилъ въ ограду связку обротей и вслѣдъ за ними прыгнулъ къ оленямъ, двигавшимся безпокойно и подозрительно.

Тамъ остановился посреди площадки, продѣлъ конецъ ременнаго аркана въ костяное кольцо, кольцо положилъ на ладонь лѣвой руки и сталъ въ нее собирать ремень петлю за петлей. Окончивши, онъ сильно встряхнулъ всей связкой, чтобы кольца выровнялись и легли на мѣсто; потомъ вынулъ правую руку изъ рукавицы, бережно переложилъ въ нее ременный кругъ, такъ, чтобы костяное кольцо опять

*) Тюлень.

пришлось посерединѣ ладони, а петли повисли свободно внизъ; лѣвой ухватилъ оставшійся конецъ аркана и, внимательно вглядѣвшись въ мечущееся передъ нимъ стадо, легкими, все увеличивающимися шагами подбѣжалъ къ нему. Съ послѣднимъ огромнымъ прыжкомъ, въ тотъ мигъ, когда все тѣло его отклонилось назадъ, а ноги оставили землю, онъ взмахнулъ петлей надъ головою и съ силой бросилъ впередъ. Ремень съ тихимъ свистомъ развернулся, образовавъ налету большое кольцо, и упалъ сверху на рога выбраннаго оленя. Въ тотъ мигъ Джянга сталъ на ноги.

— Ай-да молодецъ! молодецъ!—воскликнулъ тунгусъ,—взволнованный давно невиданной, милой его сердцу картиной. Пойманное животное билось и тащило за собою охотника; но Джянга прижалъ ремень къ колѣну, присѣлъ и, упираясь въ снѣгъ ногами, волочился за нимъ, подбирая исподволь арканъ до тѣхъ поръ, пока животное не ослабѣло. Тогда окружающіе поспѣшили на выручку: надѣли оленю на морду оброть и увели въ сторону. Такъ одинъ за другимъ были пойманы почти всѣ олени, несмотря на ихъ прыжки и сопротивленіе. Остался только одинъ рыжій и особенно дикій. Когда его загнали въ уголъ, гдѣ онъ убѣдился въ безплодности сопротивленія, онъ вдругъ поднялся на дыбы и отчаяннымъ прыжкомъ, граціозно подвернувъ подъ себя переднія ноги, перескочилъ высокую ограду.

— Лови! держи!..—раздалось со всѣхъ сторонъ. Звѣрь, испуганный криками, мчался въ поле, забросивъ рога на спину.

— Нюстеръ, садись!.. Куда ты дѣлся?—кричалъ Андрей на старшаго сына,—Лелья, ты тоже садись, спѣшите отрѣзать его отъ лѣса.

Мальчикъ и дѣвушка мгновенно взобрались на ближайшихъ оленей и пустились въ погоню. Она продолжалась не долго, такъ какъ звѣрь, увидѣвши, что доступъ въ лѣсъ прегражденъ, сдѣлалъ по полю огромный полукругъ и опять очутился противъ воротъ ограды, гдѣ стояли его привязанные товарищи и гдѣ опять не видно было людей, спрятавшихся за заборы и строенія. Подумавъ немного, онъ мел-

кой трусцой побѣжалъ туда и попалъ въ ременную петлю, приготовленную въ воротахъ Андреемъ.

Изъ пойманныхъ оленей были выбраны четыре самые жирные и сильные и привязаны къ столбамъ для „выстойки“ *), а остальные отпущены въ лѣсъ.

„Голодное животное и сытый ѣздокъ — хорошая въ дорогѣ пара“, говоритъ якутская поговорка и, слѣдуя ей, Андрей приказалъ въ этотъ вечеръ приготовить особенно роскошный ужинъ. Въ кладовой богача, несмотря на то, что онъ давно наравнѣ съ другими питался лиственничной заболонью, скупо сдобренной остатками молока или прогорклаго жиру, теперь нашелся и кусокъ мяса „для нашего русскаго господина“ и немного изрядно попорченной рыбы для домочадцевъ. Мясо сварили отдѣльно въ котелкѣ и подали на тарелкѣ поселенцу; рыбу же разварили въ общемъ котлѣ и, подбавивши муки и кусковъ вареной заболони, вылили въ огромную деревянную чашку. Когда этотъ своеобразный соусъ, называемый здѣсь „кахы“, подали на столъ, удушливый запахъ вонючей рыбы распространился по юртѣ. Это ничуть не уменьшило аппетита усѣвшихся кругомъ стола съ ложками въ рукахъ.

Они такъ давно не видѣли „человѣческой ѣды“, что теперь съ какимъ-то благоговѣніемъ глядѣли на нее и ждали съ нетерпѣніемъ, когда хозяинъ перекрестится и подастъ знакъ. По случаю торжества въ этотъ разъ къ общему столу были допущены женщины и старшія дѣти, и всѣ чинно усѣлись, кромѣ заступающей хозяйку Лельи, которая все еще возилась у очага, разставляя на шесткѣ вверхъ дномъ опорожненные котлы. Наконецъ, отецъ съ раздраженіемъ прикрикнулъ и на нее.

— Что же не идешь? Торопись! Не видишь что ли, что ждемъ.

Дѣвушка скромно присѣла среди молодежи.

---

*) Сибирскіе инородцы передъ дорогой верховыхъ и тяглыхъ животныхъ обязательно „выстаиваютъ“, – держатъ голодными въ продолженіе многихъ часовъ, чтобы у нихъ очистился желудокъ.

Поселенецъ уже поѣлъ и теперь, отодвинувшись въ уголъ, ковырялъ въ зубахъ и посматривалъ съ явнымъ отвращеніемъ на якутовъ, жадно глотавшихъ вонючую похлебку. Онъ уже не чувствовалъ къ нимъ жгучей ненависти; обильный и питательный ужинъ сдѣлалъ его добрымъ, но онъ не чувствовалъ ни малѣйшей связи между собою и окружающими.

— Тоже... тварь она божья!—пробормоталъ онъ, философски выражая женскимъ родомъ мѣстоименія неизмѣримую глубину своего отчужденія.

— Что онъ говоритъ? Можетъ, попробуетъ нашей ѣды?—спросилъ Андрей.

Русскій замоталъ головою.

— Воняетъ.

— А мы отъ этого жирѣемъ,—добродушно замѣтилъ Уйбанчикъ.—Говоритъ, что воняетъ!—перевелъ онъ присутствующимъ.

Якуты разсмѣялись.

— Всякій человѣкъ, думаю, въ середкѣ не пахнетъ, и онъ тоже!—неожиданно вставилъ Нерпа.

Шутка вызвала шумный взрывъ веселости, а кудахтаніе испуганной смѣхомъ Симаксинъ переполнило чашу. Молодежь разражалась хохотомъ по всякому поводу и даже серьезный Андрей попробовалъ поддержать Нерпу афоризмомъ собственнаго изобрѣтенія:

— И то правда! Для людей все равно, что ты ѣлъ,—только для тебя хорошо, и то не надолго!

— Что и говорить! Когда я ходилъ на морѣ...—началъ было тунгусъ, намѣреваясь все это иллюстрировать примѣрами изъ собственной жизни, но хозяинъ уже поднялся изъза стола, а за нимъ поднялись и другіе и, крестясь, повернулись къ образамъ. Опорожненную чашку съ грязными ложками прибрали со стола. Гости благодарили домашнихъ, и прежде всего хозяина и хозяйку, за угощеніе. Нить общаго разговора оборвалась, присутствующіе, ничѣмъ больше не связанные, расползлись по угламъ; тунгусъ, немного обижен-

ный, молча сѣлъ противъ огня у столба, которымъ оканчивалась перегородка, раздѣлявшая избу на двѣ равныя части.

Напротивъ него, спиной къ огню, на низенькомъ стульчикѣ помѣстился Андрей, закуривъ предварительно крохотную желѣзную трубочку; жена Андрея, качаясь и крехтя, поплелась за перегородку на кровать, устланную мѣхами, а у дверей, въ тѣни за очагомъ, тихонько пересмѣиваясь и разговаривая, столпилась молодежь. У стола остался только русскій и Уйбанчикъ, который всякій разъ при посѣщеніи Андрея считалъ своей обязанностью развлекать чужого человѣка.

— А изъ чего это дѣлаютъ чашки?—спросилъ онъ послѣ продолжительнаго, неловкаго молчанія. Такъ онъ всегда начиналъ обычный „ученый разговоръ".

— Изъ глины, что называется фарфоромъ!—лѣниво отвѣтилъ поселенецъ, вытягиваясь на постели.

— Смотрите: фарфоръ!—повторилъ якутъ, нерѣшительно посматривая на присутствующихъ.—А желѣзо?

— Желѣзо изъ камня, что называется рудой!—монотонно отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ какъ! Руда!?. А стекло?

— Изъ золы и песку.

— Вотъ видите, господа! А ситецъ?

И такъ дальше: потянулся безконечный катехизисъ всегда одинаковыхъ вопросовъ и отвѣтовъ, обрываемый обыкновенно грубымъ ругательствомъ соскучившагося поселенца. Сегодня, можетъ быть потому, что это былъ послѣдній день, старый бродяга оказался болѣе милостивымъ, и Уйбанчикъ, одолѣваемый сномъ, умолкнулъ первымъ. Онъ тщетно силился припомнить еще что-нибудь, но ничего не выходило, и онъ только хлопалъ глазами, безсмысленно уставивши ихъ въ огонь. Питательная „кахы" подавила и разогнала всѣ мысли: когда же онъ, наконецъ, поймалъ что-то, русскій уже спалъ. Уйбанчикъ почувствовалъ непреоборимое желаніе послѣдовать его примѣру, но, помня приказаніе Андрея, продолжалъ бороться.

Огонь потрескивалъ, тунгусъ спалъ сидя, Андрей сосалъ

трубочку и сплевывалъ; Симаксинъ что-то бормотала, перебирая лохмотья своей постели, и только въ темнотѣ за очагомъ велись сдержанные, но непрерывные разговоры:

— Джянга, ты мнѣ въ городѣ купи пожалуйста наперстокъ. Правда, купи! Смотри, какъ я себѣ пальцы исколола, починяя вамъ платье... Смотри, какая дыра!

— Велика важность: дыра!.. Это и лучше: можно лишнюю серьгу повѣсить,—отнѣкивался насмѣшливо Джянга и тихонько запѣлъ:

Ой куплю, я куплю,
Не изъ мѣди, не изъ стали,
А изъ чиста серебра—золота...
Ой...

— Онъ не купитъ, а украдетъ!—вдругъ громко закаркалъ Нерпа.

— Спать!—крикнулъ Андрей.—Будетъ баловаться.

Подъ вліяніемъ тишины, которая воцарилась въ юртѣ, Уйбанчикъ уснулъ. Онъ повалился на нару и проспалъ бы такъ, не раздѣваясь, всю ночь, если бы не разбудило его вскорѣ безцеремонное подталкиваніе въ бокъ.

— Что-же ты? Спишь, вижу... Вставай, вставай!—шепталъ Андрей, сердито дергая его за плечо.

Парень сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе и приподнялся.

— Что будемъ дѣлать?

— Ты забылъ? Вставай: все готово.

Уйбанчикъ всталъ и, покачиваясь со сна, побрелъ съ Андреемъ за перегородку на женскую половину дома, гдѣ передъ кроватью хозяевъ стоялъ маленькій столъ, освѣщенный тоненькой восковой свѣчкой, взятой изъ-подъ образовъ и прилѣпленной къ его краю; по серединѣ лежалъ листъ бумаги, перо и стояла чернильница.

— Пиши,—сказалъ необыкновенно важно Андрей и присѣлъ около парня; затѣмъ, понизивъ голосъ, сталъ ему подробно разъяснять, что и какъ онъ долженъ написать. Уйбанчикъ слушалъ внимательно, и надежда на скорый сонъ улетала отъ него все дальше.

— Какъ буду писать? Вѣдь это неправда!—воекликнулъ онъ, наконецъ, тихо, но сердито.

— Дуракъ! Не твоя въ томъ печаль, что писать... Ты писарь, ну и пиши, какъ рѣшилъ міръ... Ты что понимаешь: сегодня онъ такой, а завтра сякой... Развѣ все это невозможно, развѣ не было? Сидитъ и думаетъ, а о чемъ думаетъ, кто его знаетъ... Извѣстно—не нашъ, кто его угадаетъ? Можетъ быть ты? А?—добавилъ онъ насмѣшливо,—пиши, какъ я сказалъ.

Уйбанчикъ погладилъ подбородокъ, подумалъ, заставилъ Андрея еще разъ повторить все обстоятельно и тогда только благоговѣйно обмакнулъ перо въ чернила, нагнулъ свою кудрявую голову къ столу и, поворачивая лицо то однимъ, то другимъ глазомъ къ бумагѣ, началъ писать. Буквы онъ выводилъ старательно, не торопясь, одна за другой, отдавая предпочтеніе большимъ и кривымъ, сильно помогая себѣ языкомъ, которымъ водилъ неуклонно по губамъ вслѣдъ за двигающимся перомъ:

ЕГО ВысоКобагаРадЮ

ГаСпадиНЫ НаджаЛЬни КуджурДжуйсАГО ОкРугЪ.

Прошеніе.

Мы Джурджуйски Улусъ, Кангаласки наслегъ, роду Есе, урочища Анды родовичи, какъ этотъ Урутскій Степанъ большой господинъ, проситъ Ырыба, проситъ Ымясо, проситъ масло, проситъ мука, а наша мѣста Анды большой голодъ, спежей Ырыба ниту, мука соли ниту... городъ Ытрыста берста, а якутъ бѣдный, якутъ дикій ничего нету, а что ту, то воняетъ. А мы боимся, потому онъ сердится и убить хочетъ и даже нашего большаго князя Андрея въ чашка бросалъ, и ложка ломалъ, а что онъ думайтъ никто не знаетъ, сидитъ и думаетъ... То мы, собравшись на сходка, рѣшилъ, чтобы этотъ Урутскій Степанъ взять на вѣки вѣковъ... Аминь.

О чемъ подписуемъ Печать приложилъ Джурджуйскаго Улуса Кангаласкаго наслега рода Есе князь Андрей Васильевичъ Трофимовъ.

Писалъ писарь Уйбанчикъ, Джурджуйскаго Улуса, Кангаласкаго наслега, рода Есе родовичъ Иванъ Матвѣевъ Трофимовъ.

Дня марта 20 188... года.

III.

На проѣздъ трехсотъ верстъ, отдѣляющихъ урочище Анды отъ окружного города, наши путешественники употребили пять дней. Голодные, плохо одѣтые, не мало натерпѣлись они отъ вѣтра и снѣга, особенно русскій. Тотъ подъ конецъ пересталъ даже ругаться, сердиться и жаловаться, и въ полной апатіи лежалъ на саняхъ безъ словъ и движенія подъ грудой своихъ лохмотьевъ.

— Только бы въ дорогѣ не умеръ!—шепталъ Уйбанчикъ, посматривая на него, и погонялъ оленей.

Наконецъ, на шестой день въ полдень пріѣхали въ мѣстечко. Прежде всего Уйбанчикъ заявился въ управу, гдѣ сдалъ „русскаго“, дѣловыя бумаги и разузналъ, что нужно, про выдачу муки. Дѣйствительно: изъ „губерніи“ пришло разрѣшеніе выдать подъ круговую поруку якутскимъ и тунгусскимъ родамъ, пострадавшимъ отъ голода, изъ казенныхъ магазиновъ муку въ долгъ въ опредѣленномъ закономъ количествѣ, пропорціонально числу душъ, платящихъ подати. Все это, очень длинно и замысловато разсказанное Уйбанчику и Джянгѣ управскимъ писаремъ, возбудило въ нихъ большія сомнѣнія: вѣдь родъ представлялъ себѣ дѣло совсѣмъ иначе. Посовѣтовавшись, они все-таки рѣшили взять положенную имъ часть; если окажется нехорошо—возвратятъ ссуду му-

кою-же; провозъ вѣдь ничего стоить не будетъ, кромѣ и такъ уже потеряннаго на дорогу времени, а между тѣмъ общество и Андрей могутъ разсердиться за самовольное неисполненіе ихъ приказаній. Порѣшили, что Джянга уведетъ оленей на тотъ конецъ города, гдѣ жилъ знакомый якутъ, а Уйбанчикъ между тѣмъ отправится хлопотать о ссудѣ.

Упорствомъ, терпѣніемъ, покорностью онъ мало-по-малу преодолѣлъ всѣ канцелярскія препятствія, выждалъ на крыльцахъ, въ переднихъ, въ кухняхъ всѣ положенные часы дурного настроенія, недосуга, сна всѣхъ тѣхъ, отъ кого зависѣло рѣшеніе дѣла и, наконецъ, совсѣмъ измученный постояннымъ напряженіемъ, какое требовалось въ присутствіи „господъ", получилъ квитанцію въ казенные магазины и, радостный, двинулся къ вахмистру.

Уже наступалъ вечеръ; заря потухала, малолюдныя улицы мѣстечка опустѣли еще больше; за то въ окнахъ домовъ ярко засвѣтились огни и замелькали тѣни.

Вахмистра Уйбанчикъ, сверхъ ожиданія, засталъ дома, но тотъ, вызванный имъ, только мелькомъ взглянулъ на якута изъ сосѣдней комнаты и не торопился узнать, въ чемъ дѣло. Якутъ терпѣливо ждалъ, стоя у порога въ просторной, свѣтлой кухнѣ, гдѣ на каминѣ горѣлъ веселый огонь, гдѣ сновали дебелыя, румяныя женщины, а прислужники якуты и козаки поминутно являлись съ посудой и разными яствами въ рукахъ. Всѣ они, казалось, не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Голодный парень съ раздраженіемъ глоталъ аппетитный запахъ, тоскливо прислушивался къ равнодушнымъ разговорамъ, веселому смѣху и шуму голосовъ, долетавшихъ изъ-за стѣны, гдѣ забавлялись собравшіеся у вахмистра гости.

— Сегодня поздно, некогда:—сказалъ ему, наконецъ, маленькій сынокъ хозяина, отдавая назадъ квитанцію.

— Намъ до завтра ждать нельзя: олени! Въ Окружномъ говорили, что сегодня выдадутъ...

Мальчикъ пожалъ плечами и ушелъ обратно. Уйбанчикъ продолжалъ стоять на мѣстѣ съ квитанціей въ рукахъ. Выходъ изъ дому былъ только одинъ, и хозяинъ долженъ же

былъ когда-нибудь пройти мимо него. Судьба благопріятствовала ему; это случилось скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Двери широко распахнулись и въ нихъ появился толстый усатый козакъ, въ сѣрой военной шинели. Уйбанчикъ узналъ вахмистра и выступилъ впередъ.

— А... ты еще тутъ!—воскликнулъ тотъ, сдвигая брови и грозно шевеля усами.

— Сдѣлайте милость... олени! Въ Окружномъ сказывали...

— Ты, кажется, изъ Анды? Человѣкъ Андрея?—переспросилъ казакъ.

— Ну да!.. Андрей вамъ приказали кланяться и просить.

— Что-же? Онъ не маленькій... знаетъ порядокъ!—значительно протянулъ казакъ и взглянулъ на руки якута.— Сегодня выдать нельзя: поздно. Приходи завтра.

— Въ Окружномъ сказывали... еще нѣтъ семи, магазины не закрыты...—вдругъ неожиданно смѣло заговорилъ якутъ.

— Сказалъ, поздно!.. Убирайся!

Уйбанчикъ замолкъ, но мѣра горечи, которой его поили весь этотъ день, переполнилась; гнѣвные, справедливые упреки рвались наружу, и онъ уже собрался быть дерзкимъ, поднялъ голову, какъ замѣтилъ, что нѣтъ передъ нимъ вахмистра. Только женщины, да дѣти, да прислуга, собравшись въ кухнѣ, смотрѣли на него враждебно и насмѣшливо. Тогда онъ надѣлъ вызывающе шапку и вышелъ, бормоча вполголоса:

— Знаю я, чего вамъ нужно... кровопійцы! Завтра... а завтра то же самое: нѣтъ дома, спитъ, гости... и такъ безъ конца!

Пробираясь по темнымъ закоулкамъ мѣстечка, Уйбанчикъ раздумывалъ о нуждѣ, въ какой оставилъ своихъ, о томъ, что скажетъ міръ, Андрей, о промыслахъ; вспоминалъ въ перемежку о непріятностяхъ и неудачахъ сегодняшняго дня, и гнѣвъ, отчаяніе, обида, усиленныя голодомъ, опять вспыхнули въ немъ. А что, если „тамъ“ еще ничего не промышляютъ. И тутъ ничего, и тамъ ничего—ложись и поми-

рай! Говорилъ я Андрею, чтобы далъ что-нибудь, что „съ пустыми руками“ ничего не выйдетъ! Такъ нѣтъ: поскупился глупый!.. А тутъ сколько народу голодаетъ... хоть сейчасъ помирай!..

Порошилъ снѣгъ, мелкій, тонкій, точно пыль, точно туманъ, увеличивая и безъ того густую темноту ночи; но Уйбанчикъ, прожившій здѣсь пять лѣтъ въ качествѣ школьника, не боялся заблудиться. Онъ безъ труда нашелъ на краю города юрту, среди такихъ же невзрачныхъ строеній, и замѣтилъ во дворѣ ея двѣ запряженныя оленями нарты. Олени, усталые и голодные лежали, свернувшись и подобравъ подъ себя ноги; когда Уйбанчикъ подошелъ къ нимъ, они не двинулись и только посмотрѣли на него робко и грустно.

— Хоть бы сѣна имъ бросилъ, авось поѣли бы. Лѣнтяй! въ карты, должно быть, играетъ... Охъ этотъ Джянга!.. Хорошо, что хоть вещи то прибралъ, а то долго-ли пропасть имъ въ городѣ: украдутъ и только... Еще теперь, когда весь народъ голодаетъ!—думалъ онъ, налаживая ременную упряжь оленей и осматривая нарты.

Все еще злой, но болѣе спокойный вошелъ онъ въ избу. Тамъ было полнымъ полно народу, больше всего мужчинъ, якутовъ и тунгусовъ. Сразу охватилъ его теплый, спертый воздухъ, насыщенный хорошо ему знакомой вонью бѣдныхъ жителей тайги, смѣсью запаха испорченной рыбы, прѣлыхъ оленьихъ кожъ, коровьяго навоза и дыма махорки. Уйбанчикъ остановился на мгновеніе, отыскивая глазами брата. Въ юртѣ, несмотря на толпу, было совершенно тихо; изрѣдка только раздавался короткій, отрывистый возгласъ или возрасталъ шопотъ сдерживаемыхъ голосовъ. Ихъ сейчасъ же заставляли замолкать повелительнымъ шиканіемъ. Любопытство присутствующихъ направлено было исключительно въ красный уголъ избы, гдѣ, поверхъ головъ столпившихся людей, мерцалъ слабый свѣтъ. По щелканію картъ и звону денегъ Уйбанчикъ догадался, что тамъ играютъ, и съ безпокойствомъ сталъ высматривать брата. Наконецъ, не находя его нигдѣ, крикнулъ на всю юрту:

— Джянга!

— Я!—отвѣтилъ парень, подымая раскраснѣвшееся, потное лицо.

— Ѣдемъ!

— А ты раньше уплати... уплати, что проигралъ...— вскрикнулъ одинъ изъ игроковъ.

Джянга, который, сильно работая локтями, уже сталъ было пробираться черезъ толпу, только стремительнѣе направился къ дверямъ.

— Отнять оленей, платье! Держи!—раздалось за нимъ; но братья уже были на дворѣ. Джянга мелькнулъ среди мрака и снѣга и исчезъ. Тѣ, что выскочили за ними, не видя его, напустились на Уйбанчика, но тутъ встрѣтили яростный отпоръ:

— Олени Андрея, общества.. Только осмѣльтесь тронуть!—кричалъ якутъ, размахивая длиннымъ шестомъ.

— Что? Возьмете!.. Берите, если вы такіе молодцы... Берите сейчасъ... Вѣдь вы и чайникъ, и постели, и сумы—все взяли... Остались мы и такъ съ пустыми руками... Пожалуюсь на васъ, негодяи... Вотъ что!..

— А ты не ругайся!—крикнулъ одинъ изъ оборванцевъ.— Уходи, пока цѣлъ! От-ня-ли... Не маленькое, думаю, онъ дитя, зналъ, что дѣлалъ. Самъ давалъ!..

— И пусть твой проклятый Джянга намъ не попадается!—добавилъ другой.—Будутъ у него дыры во лбу, какъ Богъ на небѣ...

— Те... те! Не надо, у него и такъ достаточно: ротъ, носъ, да два глаза!—раздался неожиданно вблизи насмѣшливый голосъ Джянги.

Съ обѣихъ сторонъ градомъ посыпались самыя отчаянныя любезности, проклятія и язвительныя пожеланія. Между тѣмъ Уйбанчикъ наладилъ нарты, свистнулъ на оленей и помчался прочь.

Несмотря на гнѣвъ за легкомысленно проигранныя вещи, добрякъ искренно обрадовался, увидѣвши ожидающаго его у дороги брата. Джянга, какъ всегда, удалый, веселый, ловко прыгнулъ на быстро несущіяся мимо него сани.

— Боялся я, что тебя вмѣсто меня побьютъ!—сказалъ онъ брату, смѣясь.

— Мерзавецъ ты... вотъ что!.. Черезъ тебя вернемся домой, такъ совсѣмъ попусту... Ахъ Джянга, Джянга... да вѣдь тамъ голодъ!

— Да развѣ я этого хотѣлъ? Напротивъ, мы чуть не вернулись съ большимъ богатствомъ. Еслибъ я былъ уменъ и во-время остановился, да жадность меня опутала.

— А много выигралъ?

— Много. Рублей двадцать!

Уйбанчикъ даже причмокнулъ съ досады.

— А послѣ все ушло. Еще хорошо ты пришелъ, а то зипунъ снять хотѣли, шапку взяли... Я все проигралъ!

— Ни гроша не осталось?

— Ни гроша!

— Что же будемъ дѣлать? Я весь день не ѣлъ?

— И я тоже!

— И совсѣмъ съ пустыми руками... Ахъ, этотъ Андрей! Будто малое дитя,—добавилъ съ раздраженіемъ Уйбанчикъ и разсказалъ брату о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ, о столкновеніи съ вахмистромъ и окончательномъ рѣшеніи не брать казенной муки. Джянга былъ того же мнѣнія; впрочемъ, у нихъ и выбора не было: и имъ самимъ, и оленямъ въ городѣ угрожала голодная смерть.

— Ахъ, Джянга, Джянга, какъ это ты могъ забыть, что дали намъ послѣднее,—продолжалъ сокрушаться Уйбанчикъ.—Теперь... съ пустыми руками! Сердце въ горло прыгаетъ, когда подумаешь...

Джянга молчалъ.

— А тотъ, твой другъ, русскій, что въ прошломъ году въ наводненіе жилъ у насъ нѣсколько недѣль, ничего не дастъ?

Уйбанчикъ не отвѣтилъ, но задумался и придержалъ оленей.

— Стыжусь какъ-то, не смѣю...—неувѣренно пробормоталъ онъ,—ты этого не понимаешь, Джянга, но онъ... черезчуръ ученый!

— Ну и ладно: ты ученый, онъ ученый, вотъ и полюбите другъ друга,—насмѣшливо ободрялъ брата повеселѣвшій вдругъ охотникъ.

Уйбанчикъ разсмѣялся, остановилъ оленей, всталъ, поправилъ на нихъ упряжь, взглянулъ на городокъ, блиставшій вдали огнями, затѣмъ на блѣдную полосу дороги, теряющейся во мракѣ... шестьдесятъ верстъ переѣзда по дремучей тайгѣ отдѣляло ихъ отъ первыхъ человѣческихъ поселеній, гдѣ могли они надѣяться на пищу и пріютъ. Замѣтивши колебаніе брата, Джянга сталъ убѣждать его болѣе настойчиво, даже повернулъ оленей и, хотя Уйбанчикъ увѣрялъ, что „ничего не будетъ", тѣмъ не менѣе братья возвратились въ городъ.

Маленькій домикъ, передъ которымъ остановились нарты, стоялъ посреди небольшой площади. Видомъ онъ совершенно напоминалъ большой деревянный кубъ; крыши у него не было, а вмѣсто нея была плоская земляная кровля. Раньше въ немъ, очевидно, помѣщалась лавка или кабакъ, такъ какъ онъ, подобно заведеніямъ этого рода, былъ снабженъ небольшимъ крыльцомъ, на которое вело нѣсколько деревянныхъ ступеней. Джянга остался съ оленями, а Уйбанчикъ, стряхнувъ предварительно снѣгъ съ платья, несмѣло дернулъ ремень, замѣнявшій ручку у тяжелыхъ дверей, обшитыхъ косматой коровьей шкурой.

Въ темной, грязной и душной избѣ, спиной къ дверямъ, сидѣлъ у стола человѣкъ въ тулупѣ и шапкѣ, углубившись въ чтеніе. На шумъ отворившихся дверей онъ обернулся, но, замѣтивъ фигуру якута, сейчасъ-же опять наклонился надъ книгой. Уйбанчикъ осторожно прислонился къ косяку у входа и, избѣгая шевелиться, осматривалъ внимательно комнату. Во всемъ проглядывала нужда и неуютность. На полу, очевидно недавно подметенномъ, отчетливо рисовались слѣды метлы, оставившей добрую половину сора и пыли; на низкомъ шесткѣ камина, гдѣ стояли невозможно закоптѣлый чайникъ и маленькій чугунокъ, высились цѣлыя горы золы и углей; со стѣнъ, нѣкогда обклеенныхъ газетной бумагой, свѣшивались куски рваныхъ обоевъ и фестоны пау-

тины; изъ щелей потолка, отъ оконъ, прикрытыхъ ледяными стеклами, изъ угловъ, убѣленныхъ морознымъ налетомъ, вѣялъ легкій туманъ холоднаго, проникающаго снаружи воздуха. Кровать, сбитая на скорую руку изъ досокъ и кольевъ, была застлана до того небрежно и дурно, что даже не избалованный роскошью Уйбанчикъ почувствовалъ неловкость. Пахло въ комнатѣ помоями, плѣсенью и дешевымъ табакомъ. А всѣ предметы, вмѣстѣ взятые, начиная съ вѣника и лохани у дверей и кончая чайными чашками и ковригой чернаго хлѣба на столѣ, обличали такое удивительное равнодушіе къ своему назначенію и занимаемымъ мѣстамъ, какъ будто каждую минуту они готовы были помѣняться ролями и положеніемъ—перебраться съ пола на столъ, а со стола хотя бы подъ кровать. Только книги и бумаги на полкѣ, что помѣщалась надъ столомъ, были тщательно уложены, и нѣкоторыя изъ нихъ блестѣли даже позолотою изящныхъ переплетовъ. Надъ кроватью широко раскинулась большая карта Сибири.

Уйбанчикъ ждалъ долго, но тщетно и, наконецъ, рѣшился крякнуть.

— Туохъ надо?—спросилъ читавшій, не отрывая глазъ отъ книги.

— Это я! Вы меня не узнаете? Я,—Уйбанчикъ...—отвѣтилъ якутъ робко, но довольно правильно по-русски. Хозяинъ быстро повернулся и въ то же время протянулъ руку за очками.

— А, это ты, Уйбанчикъ? Что же ты не сказалъ? Идите сюда, садитесь!—съ видимой радостью заговорилъ русскій.— Я тебя дѣйствительно не узналъ; васъ-то и узнавать трудно; всѣ вы другъ на друга похожи. Особенно зимою, въ этихъ вашихъ косматыхъ паркахъ!

Уйбанчикъ тихо засмѣялся и вышелъ изъ тѣни.

— Это правда: гдѣ же узнать! Другое дѣло васъ... Васъ не забудешь, а насъ... много!

Онъ неловко пожалъ протянутую руку и остановился посерединѣ избы, не смѣя взять стула; хозяинъ любезно придвинулъ его.

— Садись, раздѣвайся, будешь гостемъ! Давно мы съ тобой не видались!.. Капсе! *)—произнесъ онъ не безъ удовольствія это пока единственное извѣстное ему якутское слово.

Уйбанчикъ опять улыбнулся.

— Благодарю... Живемъ понемногу... А вы?.. Капсе!

— И я... понемногу! Что же не раздѣваешься? Чай пить будемъ! Будь гостемъ, прошу!

Истощенное лицо парня покрылось слабой краской и онъ безпокойно сталъ мять шапку въ рукахъ.

— Потому... Вы извините...—сказалъ онъ, наконецъ, преодолѣвая смущеніе.—Потому, что какъ же... съ пустыми руками... Но видите: у насъ нужда, голодъ!.. Я пріѣхалъ за ссудой, должны были муку намъ ссужать... Вы, господинъ русскій, извините, но у меня братъ, вы позволите я его позову, онъ ждетъ на дворѣ... должно быть замерзъ...—добавилъ якутъ совсѣмъ тихо.

— Джянга?.. Конечно, конечно... зови! Нужно было сразу,—весело заговорилъ хозяинъ, принимаясь разводить огонь на каминѣ.

— Джянга, иди!.. Дадутъ ѣсть!—закричалъ Уйбанчикъ,—выскакивая на дворъ и, не дожидаясь отвѣта, мигомъ возвратился въ избу.

Минуту спустя застучали по ступенямъ крыльца крѣпкія ноги Джянги, который отряхнувъ предварительно снѣгъ и иней съ обуви, вошелъ и остановился у входа, отыскивая глазами икону. Но иконы не было, и онъ, вмѣсто нея, набожно перекрестился на одну изъ многочисленныхъ иллюстрацій, замѣнявшихъ обои, и только удивился: святые у хозяина все такіе молодые и красивые. Затѣмъ онъ смѣло подошелъ къ хозяину, крѣпко пожалъ его руку и внимательно взглянулъ въ лицо узкими, черными, быстрыми глазами. Съ перваго взгляда онъ замѣтилъ бѣдность и безпорядокъ въ квартирѣ и въ то же время присутствіе многихъ странныхъ игрушекъ, замѣтилъ неумѣлость и равнодушіе

*) Обычное привѣтствіе якутовъ; оно значитъ: разсказывай!

хозяина, и опредѣленіе „ученый“ насмѣшливо мелькнуло у него въ головѣ. Тѣмъ болѣе внимательно онъ сталъ вглядываться въ нѣжное, блѣдное лицо русскаго, обрамленное густыми черными кудрями и такой же бородой.

Держалъ себя Джянга значительно свободнѣе брата; приглашенный сѣсть, онъ не сейчасъ взялъ стулъ, а раньше досталъ изъ чехла ножъ, счистилъ съ обуви и мѣхового платья оставшіяся на нихъ крупинки льда и снѣга, и затѣмъ уже присѣлъ выжидательно на краю скамьи, не снимая верхней одежды.

Между тѣмъ Уйбанчикъ, давно сбросивъ куклянку, грѣлся у огня и мало-по-малу приходилъ въ себя.

— А что же... лыжи, которыя вы тогда у насъ взяли, пригодились вамъ?—спрашивалъ онъ уже много смѣлѣе.

— Нѣтъ!

— Да, такъ! Я вѣдь говорилъ... Пошто лыжи въ городѣ? А вотъ мы, такъ скоро оленей гонять будемъ! Весело будетъ. Вы бы пріѣхали! Мой братъ большой мастеръ устраивать охоту и счастливъ... слыветъ у насъ за перваго промышленника.

— Что же подѣлываетъ Андрей? здоровъ? А старуха, Андрея жена? Что Нюстеръ, Симаксинъ, Лелья... всѣ... Что подѣлываютъ?

— Какъ это вы все помните? Живутъ, здоровы... Да что имъ дѣлать? Сидятъ обыкновенно, какъ люди богатые!

— Что онъ про Лелью говорилъ?—спросилъ неожиданно Джянга, молча прислушивавшійся къ разговору.

— Спрашиваетъ здорова ли?

— Пхи! Это ему зачѣмъ?—усмѣхнулся Джянга и опять съ любопытствомъ взглянулъ вкось на русскаго.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ въ свою очередь тотъ,—пораженный выраженіемъ лица якута.

— Онъ говоритъ... Ээ... Да дуракъ онъ... дикій! Вы его не слушайте! - оправдывалъ брата Уйбанчикъ.—Онъ удивляется, что вы все помните!

— Старикъ-тунгусъ все еще повторяетъ: „ничего нѣту“,

или уже у него что-нибудь есть?—продолжалъ смѣясь разспрашивать русскій.

— Охъ, господинъ! Мучится старикъ. Это они за самое большое проклятіе считаютъ, если имъ кто скажетъ: живи, какъ чужой, все на одномъ мѣстѣ!

Чайникъ закипѣлъ, заварили чай, и хозяинъ вмѣстѣ съ гостями усѣлись кругомъ стола. Чашекъ нашлось только двѣ; поэтому одинъ изъ нихъ принужденъ былъ пить съ блюдечка; молока тоже не было, но за то русскій отрѣзалъ по ломтю хлѣба и, положивши на каждомъ по куску сахара, пододвинулъ гостямъ.

— Вы совсѣмъ, видно, выучились, все по-якутски знаете, какъ дѣлать,—искренно восхищался Уйбанчикъ, несмотря на голодъ, церемонно и сдержанно принимавшійся за пищу.

— Пора... Вѣдь уже годъ, какъ живу у васъ! —со вздохомъ сказалъ хозяинъ и, кивая головой, какъ это дѣлаютъ туземцы,—проговорилъ съ улыбкой:

— Кушай... кушай—да!

Братья весело разсмѣялись. Этотъ жестъ хозяина былъ до того забавенъ, такъ не шелъ къ его бородатому, строгому лицу, что онъ самъ почувствовалъ неловкость, покраснѣлъ и чуть-чуть отвернулся.

— Проси!—шепнулъ Джянга,—толкая въ бокъ брата, но тотъ только ниже пригнулся къ блюдечку и тянулъ чай, притворяясь, что не слышитъ. Разговоръ прекратился; въ темныхъ, на минуту повеселѣвшихъ глазахъ хозяина, опять затеплилась тихая тоска. Уйбанчикъ окончательно потерялъ смѣлость, глядя въ эти глаза, добрые, правдивые, но какіе-то равнодушные и все чего-то идущіе вдали; тщетно Джянга толкалъ его и наступалъ на ногу, тщетно шепталъ:

— Глупый, проси! Чего-же ждать еще! Вѣдь мы все уже съѣли!

Дѣйствительно: они уже все съѣли и все выпили, и мѣстный этикетъ не позволялъ сидѣть дольше, какъ-бы въ ожиданіи новаго угощенія. Вздыхая, поднялись братья и стали благодарить и одѣваться. Джянга былъ взбѣшенъ: онъ грубо вырвалъ изъ рукъ брата свою шапку, которую тотъ взялъ по ошибкѣ. Хозяинъ держалъ свѣчу и, пощипывая въ раз-

думьѣ бороду, не замѣчалъ, какъ они ссорились; у порога онъ крѣпко пожалъ имъ на прощанье руки.

— Ахъ ты тряпка! Ахъ ты немятая кожа! Зачѣмъ не попросилъ? — ругалъ брата Джянга.

— Ты этого не понимаешь, Джянга,—извинялся Уйбанчикъ,—онъ другой, онъ совсѣмъ другой, чѣмъ люди!

— Если бы былъ такой же, то бы не далъ, а такъ дастъ, Хочешь: я пойду!

— Нѣтъ, ужъ лучше я пойду,—отвѣтилъ парень и, подумавши немного, потоптавшись на крыльцѣ, снялъ шапку и дернулъ за ремень дверей. Русскій уже прибралъ остатки ужина и опять сидѣлъ у стола, нагнувшись надъ книгой.

— А это вы? Чего-же вамъ нужно? Забыли что-нибудь?— спросилъ онъ, поднявши голову на стукъ дверей.

— Я... ничего... только... одного... потому вы простите, что мы такъ съ пустыми руками! Одолжите рубль! Неудержимую чувствуемъ нужду... на вѣки вѣчныя... аминь... благодаримъ!—бормоталъ якутъ, теребя шапку и не поднимая глазъ отъ земли.

Русскій поднялся.

— Рубль просишь?! Плохо попалъ, какъ разъ ни гроша нѣтъ!

— Мы отдадимъ... добудемъ... только бы теперь... нужда! Я хорошій человѣкъ, не какъ другіе... отдамъ!

— Нѣтъ, милый мой, нѣтъ.

— Ну хоть восемьдесятъ копѣекъ!

Русскій разсмѣялся.

— Ну, хоть пятьдесятъ!—настаивалъ якутъ.—Мы бы купили чаю, а то возвращаться домой такъ, совсѣмъ съ пустыми руками, какъ-то нехорошо, нельзя, тамъ ждутъ!

— Да ничего нѣтъ, правду говорю!

— Такъ ты займи, тебѣ повѣрятъ, а намъ—нѣтъ! Здѣсь городъ, тебя тутъ всѣ знаютъ. А я отдамъ, какъ только найду, такъ отдамъ, раньше прочихъ тебѣ отдамъ! Не вѣришь?!

— Да нѣтъ-же, я самъ позанималъ всюду, гдѣ было можно,—прервалъ съ горечью хозяинъ,—и мнѣ больше не

повѣрятъ. Знаешь, что: лучше я пойду къ исправнику просить, чтобы вамъ выдали муку!

— Не надо! Не надо!..—съ испугомъ вскричалъ Уйбанчикъ.—Мы жаловаться не можемъ, мы люди подневольные! Пусть жалуется Андрей, если хочетъ, а мы должны ѣхать, олени...—и, кланяясь, онъ пятился назадъ къ выходу. Уже двери открылъ, когда русскій окликнулъ его:

— Уйбанчикъ, не сердись, мой другъ! Ей Богу нѣтъ! Возьми вотъ хоть это,—добавилъ онъ,—подавая оставшуюся половину хлѣба и кусокъ чайнаго кирпича.

Якутъ взглянулъ на него съ благодарностью, взялъ подарки, затѣмъ на мгновеніе заколебался, понимая, что даютъ послѣднее, нахлобучилъ шапку и молча ушелъ.

— Не далъ?—спросилъ Джянга, вглядываясь при блескѣ звѣздъ въ измѣнившееся лицо брата.

— Полковриги хлѣба. У самого ничего нѣтъ.

— И то хорошо! Все-таки не прогналъ безъ подарка, какъ собакъ!—похвалилъ Джянга, усаживаясь на нартѣ.

Этотъ кусокъ чернаго черствaго хлѣба былъ единственной добычей, какую они вывезли изъ города. Джянга всю дорогу воевалъ изъ-за нея съ братомъ, который, не довѣряя его воздержности, все время держалъ чай и хлѣбъ за пазухой. Наконецъ, они достигли человѣческихъ жилищъ и убѣдились, что уже не грозитъ имъ голодъ.

Тайга, обвѣянная теплымъ дыханіемъ южнаго вѣтерка, согрѣтая лучами весенняго солнца, которое изрѣдка только скрывалось за плывущими мимо облаками, отволгла, отмякла и стала опять кормить людей.

На осѣвшихъ, синеватыхъ искристыхъ снѣгахъ, тамъ и сямъ, вдоль дороги виднѣлись широкіе слѣды промышленныхъ лыжъ, и ленты ихъ замѣтно выдѣлялись на общей бѣлизнѣ снѣжныхъ степей. Хлопья инея, осыпавшіеся съ деревьевъ, точно крапинки да капризные узоры звѣри-

ныхъ и птичьихъ слѣдовъ, прикрытые нѣжной, трепетной тѣнью вѣтвей, начертали на холодныхъ покровахъ зимы первыя подвижныя, веселыя, но все еще неясныя арабески весны. Шопотъ вѣтра, такъ отличный отъ шума пурги; лазурь неба, а главное - воздухъ, теплый, влажный, позволяющій дышать полною грудью безъ страха и боли,—все говорило, что пришла весна, что нѣтъ больше стужи, нужды и заботы. Только утромъ и ночью было холодно и вставали туманы; но ночи были все короче и все менѣе мрачны.

Среди озеръ часто попадались груды свѣже-наколотаго льда, горящія въ лучахъ солнца, точно алмазныя броши; рядомъ торчали изъ глубокихъ ямъ, продолбленныхъ во льду, рукоятки вершъ и самыя верши для ловли налимовъ; огромныя ажурныя конусообразныя корзины сушились тутъ же на вѣтру. Нерѣдко попадались фигуры людей, занятыхъ работой — осмотромъ старыхъ или постановкой новыхъ ловушекъ.

— Богъ далъ!—шептали парни, и не миновали ни одной по дорогѣ юрты, чтобы не завернуть, не раздѣлить радости съ ея жильцами, не разспросить и самимъ не разсказать кой-чего.

— Богъ далъ!—всюду имъ весело отвѣчали и всюду принимали ихъ особенно радушно, какъ бы стыдясь недавней своей скупости и равнодушія; всюду, куда-бы ни вошли они, хоть на минуту, сейчасъ же ставили для нихъ на столъ цѣлыя груды мороженной желтой икры и розовой налимьей печени.

— Кушайте, Богъ далъ!—радушно предлагали хозяева и не скупились ни для себя, ни для проѣзжихъ.

Подъ конецъ путешествія щеки парней начали пріятно закругляться и пріобрѣтать темный, здоровый загаръ. Хорошее расположеніе духа не покидало ихъ ни на минуту. Подкармливая оленей въ дорогѣ на ближайшихъ, поросшихъ ягелемъ буграхъ, они боролись и играли, какъ откормленные быки, или бѣгали взапуски за упущенными съ привязи оленями, которые, тоже отдохнувшіе и сытые, уносили ихъ все дальше съ быстротою птицъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней пути по торному почтовому тракту, Джянга и Уйбанчикъ свернули, наконецъ, на сѣверъ въ родные лѣса и выѣхали на огромныя озера.

Кругомъ раскинулась безграничная бѣлая равнина, слегка только затѣненная рѣдкими лѣсами. Пурпуръ вечернихъ зорь и утренняго разсвѣта свободно проникалъ всюду. А днемъ косые лучи солнца, которое никогда не подымается здѣсь высоко, превращали снѣговую равнину въ блестящій серебристый щитъ. Отъ ослѣпительнаго его блеска некуда было спрятаться путнику, сіяніе проникало всюду. Особенно въ полдень все горѣло сплошнымъ огнемъ. Мелкія граненыя крупинки уже нараставшаго на снѣгахъ „наста“ *) разлагали каждый лучъ въ радужные цвѣта, разсѣевали и смѣшивали ихъ, превращая въ яркій свѣтовой туманъ, гдѣ каждый атомъ матеріи, казалось, заключалъ атомъ блеска. И былъ у путниковъ этотъ блескъ и позади, и впереди, и подъ ногами, и вверху надъ ними. Они чувствовали волны свѣта всюду, во всемъ тѣлѣ, въ мозгу, куда проникали онѣ даже черезъ опущенныя вѣки. Когда же они открывали глаза, море свѣта мучило и терзало ихъ, точно горѣвшій въ зрачкахъ пожаръ.

— Досада, что не взяли очковъ! Кто бы подумалъ, что будетъ такъ печь. Все было пасмурно!—жаловался Уйбанчикъ, вытирая слезящіеся глаза.

— Пусть жжетъ, только бы поскорѣе оттаяло;—возражалъ Джянга, который тоже страдалъ, но меньше обращалъ на это вниманія. Тѣмъ не менѣе хорошее расположеніе духа не покидало ихъ, и чѣмъ больше приближались они къ дому, тѣмъ веселость ихъ увеличивалась.

— Уруй, Джянга, Уруй!.. Десять верстъ осталось всего!—кричалъ Уйбанчикъ, подымая къ голубому небу и оленій шестъ, и широкое бронзовое лицо.—Какъ только домой пріѣдемъ, сейчасъ же оленей гонять! Хорошо?!

— А то какъ-же? Самая пора!.. Дни отличные, погода ясная, тихая,—все какъ слѣдуетъ,—соглашался старшій

*) „Настъ“—ледяная корка.

братъ и, бросивъ нарту, опередилъ своихъ оленей и съ возжами въ рукахъ подсѣлъ на сани Уйбанчика.

— Только знаешь: не поѣдемъ сегодня къ Андрею, а будемъ ночевать на Усунъ-кёлѣ, тамъ должно быть наши рыбачатъ! Пусти меня впередъ, хорошо?

— Наши?! Хочешь сказать... дѣвушки?! Ой, плутъ ты, Джянга! Я согласенъ, а только передовымъ тебя не пущу, потому что еще далеко, и ты оленей загонишь. Андрей будетъ ругаться!

Джянга не послушалъ брата: улучивъ минуту и удобное мѣсто, онъ ловко взмахнулъ длиннымъ шестомъ такъ, что тотъ согнулся точно змѣй, и нѣсколько разъ кольнулъ костянымъ жаломъ жирныя ляжки оленей. Испуганныя животныя нагнули головы и бросились въ махъ. Уйбанчикъ сначала пробовалъ не уступать. И нѣкоторое время они летѣли рядомъ; нарты, свободно привязанныя на длинныхъ ремняхъ, всплывали и ныряли по неровностямъ дороги точно двѣ ладьи, а четыре оленя, забрасывая далеко впередъ ноги, мчались точно стрѣлы, спущенныя вразъ. Скоро, впрочемъ, Уйбанчикъ пожалѣлъ животныхъ и, сердито ругая брата, придержалъ ихъ. Олени, какъ всегда при остановкѣ, повернули круто въ бокъ, нарта ударила ихъ по ногамъ, они прыгнули и остановились, дрожа отъ бѣшенаго бѣга. Упругая нарта тоже долго дрожала.

Джянга пролетѣлъ мимо и тише, но все еще быстро поѣхалъ впереди.

„Усунъ-кёль“, что значитъ „Длинное озеро“, было дѣйствительно длинно, узко, извилисто, точно прихотливая рѣчная протока. Джянга не ошибся, предполагая, что тамъ рыбачатъ. На одномъ изъ мысовъ, надъ бугромъ снѣга, правильной своей формой намекающемъ на то, что внутри скрыта изба, вился сизый дымокъ, а поодаль, среди озера, чернѣли фигуры людей. Приблизившись, путники узнали Нерпу, который лопатой отгребалъ осколки льда у одной изъ продолбленныхъ ямъ. Цѣлый рядъ ихъ тянулся поперекъ озера; изъ нѣкоторыхъ торчали рукояти „мордъ“ (вершъ), образуя характерные треугольники своими скрѣпами и приколами; изъ

другихъ, еще не оконченныхъ, выглядывали румяныя лица и плечи трехъ дѣвушекъ, долбившихъ ледъ длинными, окованными желѣзомъ, пѣшнями.

Работающіе, завидѣвъ путниковъ,—облокотились на пѣшни и ждали, пока они приблизятся.

— А... это вы? Что же вы такъ долго? Что слышно у сосѣдей?.. А подарки привезли? Наперстокъ? Пряники!—защебетали дѣвушки, выскакивая изъ ямъ.

— Все есть, даже то, о чемъ вы мечтать не можете,—серьезно отвѣтилъ Джянга.

— Еще бы?! Кто тебѣ повѣритъ!.. Ты уже скажешь... Знаемъ!

— А хорошо, что вы пріѣхали,—прервалъ Нерпа тономъ взрослаго мужчины,—увезете рыбу; не нужно будетъ отлучаться.

— Развѣ ловится?

— Да, Богъ даетъ! Знаете что: чѣмъ тутъ стоять, поѣзжайте лучше въ юрту, нарубите дровъ, поставьте чайники. Изъ города ѣдете, должно быть чай везете, а мы тутъ давно его не пили... Мы живо здѣсь обернемся, кончимъ и прибѣжимъ!—совѣтовали дѣвушки.

Братья послушались и, ведя оленей въ поводу, пошли къ избѣ.

Солнце зашло за далекій, низкій боръ, оставивъ послѣ себя на землѣ длинный отблескъ, а на небѣ—огромный вѣеръ цвѣтовъ, пурпурныхъ и густыхъ посерединѣ и все болѣе разнообразныхъ и болѣе нѣжныхъ и прозрачныхъ, чѣмъ дальше убѣгали они въ небо. Они слабѣли и гасли, точно волны всколыхнутой воды, въ глубину которой пролетѣлъ яркій, свѣтящійся метеоръ.

Рыбаки, воткнувъ въ снѣгъ лопаты и пѣшни, гуськомъ двинулись по тропинкѣ къ избѣ. Тамъ изъ камина уже валилъ густой дымъ и мелькали въ сумеркахъ вечера огонь и искры. Изъ лѣса долеталъ стукъ топора: то одинъ изъ братьевъ припасалъ на ночь топливо. Чай они тоже приготовили, и видъ пузатыхъ кипящихъ чайниковъ сразу развеселилъ усталыхъ работниковъ. Они усѣлись за столомъ и въ

ожиданьи пока Лелья, въ качествѣ хозяйки, разольетъ любимый напитокъ въ чашки и блюдечка, дали волю языку. Непринужденное, заразительное веселье охватило всѣхъ. Джянга, съ свойственной ему живостью, сталъ разсказывать какъ все было, что случилось, какъ онъ выигралъ, какъ затѣмъ проигралъ, какъ нечѣмъ было платить и онъ не зналъ, что дѣлать, какъ вывернуться, и какъ пришелъ Уйбанчикъ, и какъ онъ, пользуясь этимъ, убѣжалъ, и какъ козаки хотѣли брать оленей, какъ защищалъ ихъ Уйбанчикъ, какъ голодные выѣхали они ночью и сговорились возвратиться назадъ къ русскому, какъ тотъ ихъ принялъ, что у него видѣли, о чемъ говорили, что ѣли, какъ русскій все помнитъ и обо всемъ спрашивалъ, даже... о здоровьи Лельи! Это неожиданное обращеніе къ дѣвушкѣ было сдѣлано Джянгой до того многозначительно, что присутствующіе взглянули съ изумленіемъ сначала на него, а затѣмъ на виновницу.

— Не знаю я, что за русскій! Правда, не помню. Ты, Джянга, шутишь!—шепнула тунгуска и умолкла, чувствуя, что горячая волна крови разливается у ней по лбу, щекамъ и катится на шею, плечи и грудь.

— Нѣтъ, ей-Богу, не вру! Спроси Уйбанчика!—божился парень.

Уйбанчикъ утвердительно кивнулъ головой, но попробовалъ перемѣнить разговоръ.

— Какъ только справимся, отправляемся гонять „дикихъ“. Люди Менге уже, говорятъ, гоняютъ!

— Говорятъ. Они всегда раньше другихъ поднимаются. Мѣста у нихъ удобныя!

— А у насъ уже можно начинать?

— А то какъ?! Чего ждать? И я съ вами,—вставилъ Нерпа.—Я уже очки себѣ купилъ, лыжи справилъ. И какъ это будетъ важно: всѣ на лыжахъ и всѣ... въ очкахъ Го!.. го!

— По-русски,—подхватилъ Джянга, поворачивая чашку вверхъ дномъ.—Желудокъ пустой, но... мое почтеніе!—Онъ привсталъ и ловко шаркнулъ толстыми ногами.

— Ваше благородіе... если: олъ курдукъ бу курдукъ, кушай бурдукъ, будешь сытый и побитый... Все равно, какъ

мы!—отрапортовалъ Нерпа, забавно смѣшивая русскія и якутскія слова и вытягиваясь по-солдатски въ струнку.

— Настоящій козакъ! Смотрите, какой надутый:—смѣялись дѣвушки.

— А тотъ?.. Тотъ, должно быть, самъ исправникъ?

— Смотрите; у меня недолго!

— У васъ недолго, а у меня долго, ваше благородіе,— закаркалъ Нерпа.

Одна изъ дѣвушекъ, замѣтивши, что со стола уже собрана посуда, подкралась сзади къ Нерпѣ и толкнула его неожиданно на Джянгу. И тотъ и другой покатились, и, задѣвъ ногами за низенькій шестокъ, упали на землю. Джянга, стараясь удержаться, задѣлъ рукою головню въ каминѣ и выбросилъ ее на землю. Пыль, дымъ, искры наполнили избу.

Парни вскочили съ земли и стали искать обидчицу. но дѣвушки уже сбились въ кучу въ углу и, выставивъ впередъ ноги и руки, готовились къ защитѣ.

— Огонь, огонь поправьте, еще домъ сожжете!—кричали онѣ.

— Разсказывайте!.... Сами поправляйте, если вамъ нужно,— возмущался Нерпа, нападая на нихъ, но, оттрепанный за вихоръ и за уши, принужденъ былъ со стыдомъ ретироваться.

Джянга тоже нѣсколько разъ безполезно пробовалъ выдернуть изъ общаго вѣнка которую-нибудь изъ проказницъ; наконецъ схватилъ за плечи Нерпу, бросилъ имъ точно металлическимъ снарядомъ и разбилъ фалангу. Въ тотъ же мигъ дѣвушки разсыпались въ разныя стороны, и Джянга сталъ ловить Лелью, самую ловкую изъ всѣхъ; игра сосредоточилась на этомъ состязаніи самыхъ искусныхъ соперниковъ; дѣвушки мѣшали, парни помогали Джянгѣ. Одинъ Уйбанчикъ, въ качествѣ мірского чиновника и ученаго, не смѣлъ принимать столь дѣятельнаго участья въ игрѣ. Онъ стоялъ точно столбъ по серединѣ избы, растопыривъ руки, и только ладонями поглаживалъ пролетающихъ мимо него шалуновъ. Когда же Лелья, почти что настигнутая Джянгой, спряталась за него, онъ еще шире разставилъ руки и не пустилъ брата.

— Такъ... измѣна... хорошо!—закричалъ тотъ и, опять схвативши Нерпу, бросилъ его въ объятія неожиданнаго защитника; затѣмъ ловко подбилъ обоихъ ногой и повалилъ на землю. Раньше, чѣмъ они успѣли сообразить, онъ перепрыгнулъ черезъ нихъ и поймалъ дѣвушку съ намѣреніемъ расцѣловать ее, но въ этотъ мигъ подоспѣли другія на помощь. Парень успѣлъ только просунуть руку за ея шитый серебромъ передникъ, надѣтый по тунгусскому обычаю на голое тѣло, и ущипнуть грудь дѣвушки.

Шутка была настолько груба и мучительна, что тунгуска съ глухимъ стономъ отскочила въ сторону и, прижимая ладонью больное мѣсто, гнѣвно сверкнула глазами. Игра оборвалась.

— Ты, Джянга, черезчуръ себѣ позволяешь.

Джянга сдѣлалъ глупую рожу и, сложивъ руку, какъ табакерку, разскрывалъ пальцы, притворяясь, что потчуетъ Нерпу табакомъ.

— Это правда!.. Ты, Джянга, черезчуръ себѣ позволяешь!—хоромъ повторили дѣвушки.

— Поз-во-ля-ешь!... Какая вамъ отъ этого убыль?! Ишь, серебро какое!

— Я чужая!.. У тебя есть невѣста, такъ ты съ ней что хочешь дѣлай, а меня не тронь... Я чужая!..

— Невѣста далеко... Ухъ, какое у тебя крѣпкое тѣло... пальцы болятъ!—шутилъ парень.

— Такое или сякое—не твое дѣло.

— Но и... не твое! Постой, весною отдастъ тебя отецъ, продастъ какому-нибудь старому „бюльтесь“ и будетъ онъ тебя, вонючій и противный, цѣловать... Такъ чего жаль тебѣ?

— Зачѣмъ непремѣнно старый, зачѣмъ противный? Оставь ее, Джянга!—заступился Уйбанчикъ, видя, что угрожаетъ ссора.

Джянга замолкъ и отошелъ въ сторону, Нерпа сѣлъ поодоль, вздыхая, а Лелья, нагнувшись къ корзинѣ съ рыбой, стала добывать оттуда уже оттаявшихъ налимовъ и бросать на столъ подругамъ для чистки къ ужину. Слезы у нея блестѣли на глазахъ и долго она никому не отвѣчала на вопросы;

это испортило всѣмъ настроеніе. Веселость вернулась только тогда, когда опять всѣ усѣлись кругомъ огромной чаши, полной дымящагося супа.

— Чего ты все на меня моргаешь, если я смотрѣть на тебя не хочу!—неожиданно проговорилъ Джянга, уже давно, но тщетно пробовавшій обратить на себя вниманіе своей разгнѣванной подруги. Всѣ разсмѣялись и даже въ бархатныхъ глазахъ Лельи запрыгали опять веселые огоньки.

— То-то! Я много думать не люблю: возьму шапку, пойманю оленей и только меня и видѣли! А то знаешь, Лелья, лучше возьмемъ да нагрѣшимъ столько, что быкъ не утащитъ!

Повеселѣвшія дѣвушки хотѣли ему что-то отвѣтить, но вдругъ раздался глухой гулъ; избушка задрожала, точно отъ мощнаго удара молотомъ по крышѣ. Женщины присѣли, какъ стая испуганныхъ куропатокъ, мужчины вскочили и довольно рѣшительно повернули къ дверямъ поблѣднѣвшія лица. Нерпа прыгнулъ къ огню и поспѣшно выбросилъ оттуда головню къ порогу. Долго глядѣли присутствующіе широко раскрытыми, испуганными глазами на неподвижныя доски дверей, мелькавшія сквозь дымъ и искры. Двери могли раскрыться каждую минуту и впустить что-нибудь ужасное, но онѣ не раскрылись, и сотрясеніе больше не повторялось. Даже ученый Уйбанчикъ былъ радъ, что этимъ кончилось дѣло.

— Не даромъ говорятъ, что здѣсь... — началъ было Нерпа.

— Пссыть!.. Молчи... Развѣ можно...—закричали на него дѣвушки.

Начался разговоръ о страхахъ, колдовствѣ, о разныхъ удивительныхъ, необъяснимыхъ случаяхъ и приключеніяхъ, что встрѣчаются людямъ въ тундрѣ, на морѣ, въ лѣсу... объ ужасной „бабушкѣ-оспѣ“, о людяхъ съ волчьими зубами, о поющихъ рыбахъ и карликахъ. Джянга, тертый калачъ, зналъ ихъ многое-множество.

— Сказку расказалъ-бы ты или какъ? Только страшную!— просили дѣвушки, приготовляя постели.

Парень кивнулъ головой, раздѣлся, легъ на свою мѣховую постель и, оперши голову на руку, послѣ минутнаго раздумья запѣлъ:

Вѣтерокъ подулъ съ востока,
Тихо громъ гремитъ,
Мелкій рѣдкій дождикъ хлынулъ
Съ краю облаковъ,
И косматыя, пушистыя,
Точно зимній мѣхъ,
Поплыли они по небу,
Затѣняя свѣтъ...

И поперемѣнно, то декламируя, то подпѣвая, разсказывалъ онъ имъ о приключеніяхъ человѣка „лучше другихъ на тетиву лука, лучше якута на толщину березовой корки“... о прелестной его возлюбленной „съ глазами изъ халцедона“, съ устами „изъ твердаго камня“, съ лицомъ яснымъ, „точно драгоцѣнный камень“, съ челомъ блестящимъ, точно „девятилучистое солнце“, съ тѣломъ блѣднымъ, „точно невосходящее солнце“, въ свѣтломъ одѣяніи „безъ тѣни“, сквозь которое просвѣчиваютъ члены, бѣлые и нѣжные, точно „свѣже выпавшіе снѣга“, гдѣ въ стройныхъ костяхъ переливается живое серебро вмѣсто крови и мозга“.

Огонь потухъ, восклицанія: „эгэ!.. ай-кабынъ! бай!..“ которыми слушатели поддерживали энергію разсказчика, становились все тише, рѣже и, наконецъ, совершенно замолкли.

— Вы спите?—спросилъ Джянга и, получивши въ отвѣтъ протяжное храпѣніе на разные лады, завернулся въ теплое, заячье одѣяло и въ свою очередь крѣпко заснулъ.

IV.

Точно нѣжный отголосокъ яснаго, теплаго дня, умиралъ прозрачный вечеръ. Ночь обѣщала быть холодной, а завтрашній день такимъ же яснымъ и теплымъ, какъ и минувшій. По огромной снѣговой равнинѣ, которая дымилась уже морозной мглою, двигался небольшой караванъ людей. Они вытянулись гуськомъ и шли такъ близко другъ за другомъ, что шедшіе впереди на лыжахъ охотники, чтобы не задѣть переднихъ, принуждены были двигаться въ разъ, какъ солдаты, и въ разъ упираться въ землю своими длинными луками, снабженными на концахъ небольшими дисками, не позволявшими уходить дереву глубоко въ снѣгъ. Все это придавало движеніямъ крошечнаго отряда особенную стройность и прелесть. Всѣ охотники одѣты были одинаково въ легкія темныя мѣховыя куклянки и такія же шлемовидныя шапки съ наушниками. У всѣхъ были на плечахъ ошейники изъ бѣличьихъ хвостовъ, а на ногахъ—длинные, камусовые тунгусскіе „торбаса“, туго подтянутые ремнями у пояса и подвязанные у колѣнъ. Такая обувь удивительно удобна для ходьбы: ногѣ въ неіі—легко, тепло, привольно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуется устойчивость.

Всѣ охотники были подпоясаны, у каждаго былъ съ лѣвой стороны ножъ въ чехлѣ, а за спиной—небольшой колчанъ

со стрѣлами; у всѣхъ на глазахъ волосяныя очки въ видѣ прозрачной, вздутой сѣтки.

Все вышло такъ, какъ мечталъ раньше Нерпа. Къ вящшему его восхищенію, въ числѣ охотниковъ былъ и онъ—именно тотъ третій въ ряду, движенія котораго, черезчуръ торжественныя и дѣланныя, обнаруживали новичка. Отрядъ велъ Джянга, признанный знатокъ и предводитель всѣхъ подобнаго рода предпріятій. За Джянгой шелъ Уйбанчикъ, дальше Нерпа, а въ хвостѣ отряда ѣхалъ Нюстеръ на небольшой легкой нартѣ, запряженной шестью мохнатыми собаками. Собаки бѣжали весело, съ перевальцемъ, задравъ кверху острыя морды и высоко поднявъ свернутые трубочкою лисьи хвосты. Онѣ, какъ и люди, двигались дружно, забавно постукивая о твердый „настъ“ лапками, обутыми, во избѣжаніе подбоя, въ маленькіе кожаные башмачки.

Люди шли молча и все глядѣли впередъ, туда, гдѣ на краю горизонта виднѣлась болѣе темная линія лѣса; это былъ противоположный берегъ озера, по которому они шли.

Охотники не думали начинать сегодня промысла и только искали удобнаго мѣста для ночлега.

Сумерки уже порядочно спустились, туманъ окуталъ окрестности, и сонмы звѣздъ дружно загорѣлись въ небесахъ, когда, наконецъ, караванъ нашелъ подходящій откосъ холма, занесенный снѣгомъ, и остановился. Снявши лыжи, люди быстро вырыли ими въ сугробѣ яму, выравняли дно, убили бока, поправили кругомъ насыпь изъ снѣга, и яма стала похожа на опрятный, выложенный мраморомъ бассейнъ. Нерпа и Нюстеръ сейчасъ же ушли собирать молодыя вѣтки лиственницы на подстилку. Уйбанчикъ рубилъ по близости высохшее дерево, а Джянга, важно сидя на корточкахъ по серединѣ ямы, строгалъ сухую, принесенную изъ дому, лучину тонкими нитевидными стружками. Когда принесли дровъ и сложили костеръ, онъ ловко добылъ огнивомъ огня и мгновенно нѣсколькими сильными взмахами руки раздулъ въ яркое пламя трутъ, тлѣвшій въ приготовленномъ имъ древесномъ пуху. Красный отблескъ фантастически озарилъ бѣлую внутренность ямы и черные силуэты стоявшихъ въ

ней людей. Вверху на краю лежали собаки и, уткнувъ морды въ протянутыя лапы, внимательно слѣдили за движеніями своихъ господъ. Тѣ развязали принесенные изъ нарты тюки, надѣли на палку наполненные снѣгомъ котелъ и чайникъ, разостлали постели и, покончивъ работу, усѣлись на медвѣжьихъ шкурахъ вокругъ огня.

— Что то дастъ Богъ завтра? — безпокойно повторялъ Нерпа, поглядывая на далекое звѣздное небо.

— Что будетъ, то и будетъ... Нечего загадывать!

— Говорятъ, народъ Менге добываетъ...

— Ну, и пускай добываетъ... И мы добудемъ!

— Сказать правду: стосковался я по мясу, давно его не пробовалъ!...

— Будто ужъ такъ: поймалъ и сейчасъ же съѣлъ... Подожди!

— Да и не вкусно теперь мясо *дикаго*... Это не то, что домашній... *Дикій,* чѣмъ питается, тѣмъ и отдаетъ. Осенью мясо его жирное, пахучее; за лѣто все онъ больше кормится травами да молодыми побѣгами, вотъ и тѣло его—цвѣтущій лѣсъ, топленое масло. Да и охота тогда, ой охота!..—началъ тихо и медленно съ пріемами опытнаго разсказчика Джянга.

— Разскажи, разскажи, Джянга! — закричали молодые охотники.

— Да, любопытно бываетъ, а только не всегда выходитъ, какъ думаешь... Разъ, помню, случилось, что нѣкоторые чуть не погибли... Пошли мы это артелью, какъ и теперь, на озера, на западъ... Я, Козакъ, да Длинный, сынъ Филиппа. Пошли и пришли. Козакъ остался стеречь вещи, лошадь, да пищу варить, а мы съ Длиннымъ—сторожить. Длинный засѣлъ въ кустахъ на берегу, а я—на вѣткѣ *) въ осокѣ. Ночь хорошая: темная, облачная, руки протянутой не замѣтишь... Тихо, не шелохнется, всякій всплескъ, всякій шорохъ по водѣ слышно. Въ такую ночь олени охотно ходятъ ѣсть водоросли. Залѣзутъ въ воду, жеруютъ, купаются. Мѣсто, гдѣ мы стали, тоже извѣстное, самое ихъ кормовище. Я ждалъ, ждалъ:

*) Вѣтка—лодочка.

ничего не слышно. Хотѣлъ ужъ уходить, вдругъ трескъ: идетъ звѣрь! И такой дюжій, сопитъ, ломаетъ. Не олень, думаю, а самъ сохатый. Подошелъ къ берегу, но въ воду не идетъ, а стоитъ у берега и пьетъ. И пьетъ-то будто не *дикій,* и рога-то у него будто не рога, а сосѣдній кустъ. Гляжу, высматриваю, медленно подплывая. Поднялъ копье —эхъ, была не была!.. Вдругъ, какъ засопитъ, зазѣваетъ... Узналъ я, кто онъ, и сердце у меня прыгнуло въ ротъ. Стою, не шелохнусь. А „онъ" позѣвалъ, пофыркалъ, лапою почесался, воды еще полакалъ, да и ушелъ. Только затрещало въ лѣсу... „Чего же ты не билъ?"—закричалъ Длинный.—Молчи... Кокъ! *). „Кокъ"—повторилъ онъ, и только я его и видѣлъ: убѣжалъ въ станъ. А я остался и оленя еще въ эту ночь промыслилъ. Чего буду бояться; отъ него все равно, если онъ тебя намѣтитъ, не уйдешь: всюду найдетъ. Не тронулъ, значитъ, время его еще не пришло...

— А Длинный?—перервалъ Нерпа.

— А Длиннаго, вѣрно, медвѣдь съѣлъ...—пояснилъ серьезно Нюстеръ.

— Какъ съѣлъ?... Онъ теперь живой ходитъ.

— А Длинный вмѣстѣ съ Козакомъ натерпѣлись въ ту ночь, ухъ, ухъ! — продолжалъ, улыбаясь, Джянга. — Кокъ, вѣдь, прямо къ нимъ пошелъ, коня хотѣлъ взять. Всю ночь огонь жгли, а онъ ходилъ кругомъ, все пугалъ, все стращалъ до самой зари. У Длиннаго животъ заболѣлъ, у Козака борода на цѣлый вершокъ выросла...

— Фа, ха, ха!.. Бѣдняга!.. Ну?

— Ну что-жъ... Поутру пришелъ я съ винтовкой...

Тутъ Джянга оборвалъ и принялся набивать трубку. Слушатели поняли, что онъ не хочетъ разсказывать о своей побѣдѣ: звѣрь, можетъ быть, гдѣ-нибудь поблизости спитъ и слышитъ въ берлогѣ.

— Ну и гонять *дикаго* тоже недурно. Если выдастся день, добыть можно много... — началъ снова послѣ нѣкотораго

*) Одно изъ прозвищъ медвѣдя у сѣверныхъ якутовъ.

перерыва Джянга, — а только звѣрь не тотъ: тощій, вымученный.

— Далъ бы Богъ хоть тощаго,—вздохнулъ Уйбанчикъ.

— Зачѣмъ такъ?! Не хорошо тоже такъ говорить! — оборвалъ брата Джянга и въ знакъ того, что считаетъ разговоръ оконченнымъ, досталъ изъ сумы глыбу мерзлаго хаяку*) и сталъ колоть его на мелкіе куски. Остальные принялись разставлять посуду и готовиться къ ужину.

Хотя усталые и голодные, но охотники ѣли и пили очень умѣренно, во-первыхъ, потому, что ничего еще *не упромыслили,* а домъ былъ далеко и провизіи мало, а, во-вторыхъ, потому, что вообще передъ такой охотой обычай запрещаетъ много ѣсть.

— Ты, Нерпа, не пей больно чаю. Смотри, завтра не выбѣжишь. Отъ воды человѣкъ дѣлается сырой, тяжелѣетъ, подъ сердце закатываетъ—побѣжишь и весь вспухнешь, — совѣтовалъ неугомонному мальчику Уйбанчикъ, укладываясь спать рядомъ съ братомъ. Тотъ, уже раздѣтый, совсѣмъ нагой, сидѣлъ на мѣховой постели неподвижно, точно бронзовая статуя, и задумчиво глядѣлъ въ пламя. Нерпа неохотно послушался совѣта и отставилъ чайникъ. Они оба съ Нюстеромъ, какъ самые младшіе и неопытные, должны были бодрствовать, чтобы сварить въ освободившейся посудѣ пищу для собакъ. Крошечный, но полный движенія и говора станъ скоро затихъ. Огонь слабѣлъ, не поддерживаемый больше топливомъ, за которымъ мальчикамъ не хотѣлось ходить въ лѣсъ; спящіе, закрывшись съ головой заячьими одѣялами, заглушали даже свое дыханіе; только по временамъ въ котелкѣ лепетала и бурлила вода. Мальчики, сидя рядомъ на корточкахъ у костра, все тревожнѣе и внимательнѣе вслушивались въ безмолвіе пустыни, окружавшей ихъ сплошнымъ, широкимъ кольцомъ.

— Нерпа, а Нерпа! Что бы ты сдѣлалъ,—зашепталъ неожиданно Нюстеръ,—если бы вдругъ появился „онъ“?

---

*) Хаякъ — кислое, не выпахтанное и въ такомъ видѣ замороженное масло.

— Кто?

— „Онъ“.... Человѣкъ безъ лица... Нерпа вдругъ съ ужасомъ поднялъ глаза на край ямы, гдѣ между деревьевъ, въ мерцающемъ свѣтѣ огня, то появлялись, то исчезали какія-то бѣлыя привидѣнія. Въ тотъ же мигъ одна изъ собакъ, привязанныхъ у саней, залаяла отрывисто и возбужденно.

— Джянга... Уйбанчикъ!.. Уйбанчикъ! — закричали мальчики, расталкивая спящихъ.

— Что? Что такое? Что случилось?!.

— Собака лаетъ!

— Тьфу! Пусть лаетъ:— выругался охотникъ, но всталъ и, набросивъ на обнаженныя плечи свитку, приблизился къ краю ямы. Снѣговая насыпь отъ собственной тяжести и тепла сильно осѣла кругомъ, и теперь свободно можно было оглядѣть сумрачную, затуманенную даль лѣса. Собака перестала лаять и, усѣвшись на заднія лапы, уставила морду съ настороженными ушами въ ту же сторону. Оттуда не долетало, однако, ни звука, ни шороха. Остальныя собаки даже не пошевелились и, засыпанныя инеемъ, спокойно спали, свернувшись въ клубокъ.

— Волкъ, должно быть, или лисица,—проворчалъ зѣвая Джянга и поспѣшно возвратился въ теплую постель.

Мальчики, обнявшись, долго стояли съ устремленными въ даль глазами и все вслушивались, все всматривались; ихъ до нельзя возбужденныя чувства жаждали соотвѣтствующихъ звуковъ и формъ, но кругомъ было мертво, и они только ближе прижимались другъ къ другу.

— Видишь, вотъ эти три звѣзды на небѣ?—заговорилъ, наконецъ, Нерпа.—Эта, первая впереди, самая большая, это, говорятъ, сохатый... а двѣ поменьше, сзади нея—это два брата тунгуса, а четвертая около нихъ, самая маленькая, сказываютъ, собака... Они давно, очень давно пошли, какъ мы, на охоту и больше не возвращались... А видишь эту звѣздную полосу, что бѣжитъ серединой неба? Это дорога, по которой ходилъ Богъ, когда строилъ міръ...

Долго такъ стояли подростки, обмѣниваясь мыслями и вспоминая старинныя преданія и вѣрованія родины.

Утромъ, чуть свѣтъ, охотники тронулись въ путь. Велъ ихъ опять, какъ вчера, Джянга, ловко минуя препятствія и запрещая касаться сучьевъ и вѣтокъ, которые отъ мороза лопались съ сухимъ, гулкимъ трескомъ.

За предводителемъ, подражая ему во всемъ, шли остальные, одѣтые и вооруженные, какъ вчера. Обильный иней за ночь нависъ серебристыми гроздями на вѣтвяхъ деревьевъ, съ которыхъ весенніе вѣтры ужъ было стряхнули зимніе снѣга.

Прозрачная, слегка колышущаяся утренняя мгла придавала очертаніямъ тайги смутный видъ облачныхъ туманныхъ картинъ.

Сѣрыя тѣни ночи, по мѣрѣ того, какъ разгорался день, спускались все ниже и ниже, а верхушки тумана рдѣли, чуть подернутыя дальней зарей. Все яснѣе вырисовывались предметы, и темныя фигуры охотниковъ предательски обозначались на бѣломъ фонѣ. Сознавая это, послѣдніе двигались все медленнѣе и осторожнѣе и все внимательнѣе поглядывали въ даль. Вдругъ Джянга остановился и нетерпѣливымъ жестомъ задержалъ товарищей. Тѣ замерли на мѣстѣ и устремили въ указанномъ направленіи загорѣвшіеся глаза. Вначалѣ не замѣчали ничего въ густой, невысокой чащѣ, затканной кристаллами инея и хлопьями снѣга. Джянга стоялъ сгорбившись и что-то высматривалъ. Прошло не мало времени. Уже Уйбанчикъ и Нерпа подумали, что онъ ошибся, и хотѣли къ нему приблизиться, какъ вдругъ вблизи раздался характерный вздохъ, затѣмъ закачалась, роняя снѣгъ, одна изъ вѣтокъ, и темное, чуть подернутое инеемъ туловище оленя поднялось съ ночного логова.

Джянга методично, не перемѣняя позы, заложилъ руку за спину и досталъ изъ колчана стрѣлу. Но оленя, какъ онъ стоялъ, стрѣлять было невозможно и пришлось ждать, пока звѣрь не перемѣнитъ положенія и не появится въ одномъ изъ пролетовъ вѣтвей. Олень, не подозрѣвая опасности, разгребалъ копытами снѣгъ и съ возрастающимъ аппетитомъ добывалъ оттуда мохъ, траву и молодые побѣги. Вдругъ Нерпа, по неопытности, не выдержалъ и шевельнулся. Снѣгъ

слегка заскрипѣлъ подъ надавленной лыжей. Звѣрь вздрогнулъ, поднялъ голову и насторожилъ уши; въ тотъ же мигъ взглядъ его огненныхъ глазъ встрѣтился съ не менѣе пламеннымъ взоромъ притаившихся за кустомъ людей. Объятое ужасомъ и изумленіемъ животное окаменѣло. Джянга съ быстротой молніи натянулъ лукъ и выпустилъ стрѣлу прямо въ рогатый лобъ. Но раньше, чѣмъ стрѣла оставила тетиву, голова исчезла, и дротикъ, жалобно завизжалъ въ пустомъ воздухѣ.

— Трогай!.. Ай-да!

— Гдѣ, что, какъ?!. Что теперь дѣлать?!,—ревѣлъ Нерпа, ломясь, очертя голову, сквозь кусты за бѣгущими товарищами. Тѣ, то бокомъ, то нагибаясь и присѣдая, миновали препятствія, кусты и деревья, и мчались стремглавъ по слѣду, который широкой, ухабистой лентой ложился по лѣсу. Оленя нигдѣ не было видно.

— Стрѣлы... подбирай стрѣлы! — кричали Нерпѣ издали Уйбанчикъ и Джянга.

Парень, однако, совсѣмъ ошалѣлъ и не разбиралъ приказаній. Онъ только, во что бы то ни стало, хотѣлъ нагнать ихъ, рвался впередъ, не обращая вниманія на пни и сучья, которые поминутно попадали ему подъ ноги, рвали его платье и тѣло. Паръ отъ его дыханія застилалъ ему глаза, потъ размягчилъ ремни и связки платья, грудь съ трудомъ подымалась, а сердце билось судорожно, быстро. Онъ бѣжалъ близкій къ потерѣ сознанія. Наконецъ, лыжа уткнулась въ одну изъ ямъ, выбитыхъ оленемъ, и Нерпа упалъ съ громкимъ плачемъ.

— Подождите! — кричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ. Но никто не откликался; только сзади все яснѣе раздавались восклицанія: „нохъ, нохъ, нохъ!“, которыми Нюстеръ подгонялъ своихъ собакъ. Нерпа огорченъ былъ не на шутку: что, если онъ настигнетъ его здѣсь, лежащимъ въ снѣгу? то-то будетъ смѣху, непремѣнно всѣмъ разскажетъ...

Нерпа собралъ остатки хладнокровія, быстро распуталъ ремни, всталъ, вдѣлъ опять ногу въ петлю лыжи и помчался, уже болѣе внимательный къ препятствіямъ и направленію.

Выбравшись на край озера, онъ увидѣлъ двѣ черныя точки, двигавшіяся по серединѣ, и устремился къ нимъ наперерѣзъ. Звѣря все не было видно. Охотники бѣжали по свѣжей тропѣ, а такъ какъ послѣдняя извивалась довольно прихотливо, то вскорѣ Нерпа потерялъ ихъ изъ виду и, чтобы окончательно не заблудиться въ лѣсу, принужденъ былъ тоже держаться тропы, проложенной оленемъ. Усталый, раздраженный, онъ брелъ уже совсѣмъ тихо, подумывая о томъ, что не дурно бы подождать Нюстера и присѣсть на сани, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою капли крови и стрѣлу, наполовину ушедшую въ снѣгъ. Это сразу возвратило ему бодрость; онъ подобралъ стрѣлу и пустился догонять товарищей, сокращая сколько возможно путь. Наконецъ, онъ опять увидалъ ихъ; братья уже настигали утомившагося звѣря. Все-таки онъ не давался и, забросивъ рога на спину, высунувъ языкъ, бѣжалъ, тяжело выдергивая ноги изъ вязкаго снѣга. Онъ уже не мчался безотчетно по прямой линіи, а явно старался описать кругъ, чтобы попасть на свои старые слѣды.

Охотники не допускали этого: звѣрь былъ бы потерянъ для нихъ. На подмогу имъ наискось бѣжалъ Нерпа. Парень былъ уже недалеко и даже натягивалъ лукъ. Возможно, что онъ убилъ-бы оленя, еслибъ тотъ случайно не попалъ на болѣе плотный настъ и не исчезъ съ глазъ съ быстротою пули. Крикъ бѣшенства вырвался изъ груди Нерпы, но олень исчезъ, и только легкое облачко оставленнаго имъ пара колыхалось тамъ, куда якутъ мѣтилъ стрѣлою. Вдали

по лѣсу разносился гулъ и трескъ: это рогачъ ломалъ кусты. Встревоженные, что онъ успѣетъ выбиться на тропу, охотники бросились къ этому мѣсту. Но олень опять проваливался и путался рогами въ вѣтвяхъ. Теперь безъ труда удалось отрѣзать ему дорогу.

Нерпа уже не покидалъ товарищей; онъ разобрался въ ходѣ охоты и умѣло пользовался ихъ молчаливыми указаніями.

— Ай-да молодецъ... молодецъ, Нерпа! чуть оленя не убилъ, — ободрялъ его, смѣясь, Джянга,—а только ремни то у торбасовъ подвяжи... У-па-адешь!

Нерпа, смущенный, взглянулъ на свои ноги и опять готовъ былъ заплакать: развязавшіеся ремни волочились по землѣ, а обувь сползла ниже колѣнъ. Пришлось остановиться, а между тѣмъ мимо пролетѣлъ съ веселымъ смѣхомъ замѣшкавшійся было Уйбанчикъ.

— Убьютъ... безъ меня... убьютъ! — шепталъ парень, съ тревогой поглядывая на лѣсокъ, куда исчезли товарищи.

Онъ удивился, когда, немного спустя, нашелъ ихъ поблизости. Они знаками предупредили его, что нужно быть осторожнымъ и обходить бугоръ съ противоположной стороны. Приблизившись, онъ увидѣлъ и звѣря. Тотъ глубоко завязъ въ сугробѣ снѣга. Переднія ноги онъ выкинулъ на край ямы, выбитой его-же паденіемъ, но выпрыгнуть изъ нея уже не могъ; низко повѣсилъ онъ голову, полузакрылъ глаза и, тяжело дыша, выбрасывалъ изъ широко раздутыхъ ноздрей струи бѣлаго пара. Изъ его рта сочилась кровавая пѣна, и кровь, точно коралловыя бусы, капала изъ боковъ, израненныхъ стрѣлами. Свободными задними ногами онъ безпокойно топтался на мѣстѣ, все глубже и глубже выбивая яму, края которой взошедшее солнце уже покрыло золотыми блестками, а дно—синей тѣнью. Джянга съ лукомъ наготовѣ осторожно подкрался, но, замѣтивъ по усиленной дрожи звѣря, что ближе подходить не слѣдуетъ, остановился и выпустилъ стрѣлу. Несмотря на близость, онъ промахнулся; олень, испуганный хорошо знакомымъ, ужаснымъ свистомъ

желѣза, собрался съ послѣднимъ силами и отчаяннымъ прыжкомъ выскочилъ изъ западни. Опять ринулась страшная погоня, но израненный, измученный звѣрь не могъ уже бѣжать такъ скоро. Разстояніе между нимъ и преслѣдователями все уменьшалось. Джянга бѣжалъ съ праваго бока, Уйбанчикъ — съ лѣваго, пуская повременамъ стрѣлы, а сзади, бросивъ лукъ и колчанъ, безъ руковицъ и съ непокрытой головой, несся съ дикимъ ревомъ, сжимая ножъ въ рукахъ, Нерпа. Олень уже не глядѣлъ впередъ, не несъ головы высоко и гордо, а повѣсилъ ее и ежеминутно бросалъ назадъ взоры, полные безконечнаго ужаса и муки. Всякій разъ, когда гудѣла тетива, онъ ежился и ускорялъ замирающій шагъ. Люди тоже начинали испытывать муки. Блѣдные, облитые холоднымъ потомъ, съ судорожно стиснутыми зубами, томимые жаждой, они мчались съ непреклоннымъ рѣшеніемъ скорѣе пасть за-мертво, чѣмъ упустить добычу.

Долго-ли... долго-ли еще... продлится все это? — мучительно мелькало въ ихъ сознаніи, а силы слабѣли, и туманъ застилалъ глаза. У нихъ уже не хватало стрѣлъ, между тѣмъ звѣрь бѣжалъ, все бѣжалъ также тихо, но безостановочно.

— Уйбанчикъ, лови! — закричалъ хриплымъ голосомъ Джянга, выпуская послѣднюю стрѣлу. Онъ мѣтилъ такъ, чтобы, въ случаѣ промаха, стрѣла упала на дорогу брата. Съ обычнымъ жужжаніемъ пронеслась надъ звѣремъ пернатая и, нырнувъ въ воздухѣ два раза, граціозно опустилась на равнину.

Уйбанчикъ на бѣгу поднялъ ее и выпустилъ въ свою очередь. И такъ перебрасывали ее нѣсколько разъ, пока она, наконецъ, не попала въ добычу и, вонзившись глубоко въ живое тѣло, задрожала сама, точно живая. Олень взвился на дыбы и рухнулъ.

— Уруй! — закричалъ Джянга и, отбросивъ въ сторону лукъ, проворно вскочилъ на звѣря и воткнулъ ножъ въ его шею.

Олень немного побился и сталъ затихать.

— Чего ты на меня такъ худо смотришь? — злорадно

хихикнулъ Джянга и пальцемъ надавилъ полный слезъ глазъ животнаго, съ безконечнымъ упрекомъ и болью глядѣвшаго на своихъ убійцъ.

Уйбанчикъ, молча, стоялъ въ сторонѣ; опираясь на лукъ и съ наслажденіемъ вдыхая усталою грудью теплый воздухъ, онъ спокойно глядѣлъ на залитыя солнцемъ окрестности.

Минуту спустя прибѣжалъ и Нерпа. Онъ тоже непремѣнно захотѣлъ ударить оленя ножомъ, но братья не допустили этого ради цѣлости кожи; наоборотъ, они набросились на Нерпу, зачѣмъ тотъ растерялъ по дорогѣ оружіе и одежду, и послали его сейчасъ же отыскивать все.

Въ тотъ же день охотники *добыли* еще одного *звѣря* и такъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ кожей и внутренностями, нагрузили на нарту и отослали вечеромъ съ Нюстеромъ домой. Сами-же, веселые, довольные, опять вырыли въ снѣгу яму, сѣли кругомъ костра и, нѣжась въ теплѣ, отдыхая въ спокойствіи, вспоминали мелочи минувшей охоты. Хотя жажда ихъ мучила страшно, но, исполняя завѣты старины, они не пили чаю, а только теплое, топленое масло, „дающее свѣжесть груди и упругость усталымъ членамъ“. Ѣли мясо, пили оленій бульонъ и смѣялись много и громко. Не забыли также и своего покровителя, косматаго причудливаго „Баиная“, бога охотниковъ,—по временамъ бросали ему на огонь куски, что послаще, да пожирнѣе.

V.

Солнце давно взошло. Въ юртѣ Андрея проснулись. Огонь трещалъ въ камелькѣ, около котораго суетилась Лелья, постукивая посудой. Больная жена Андрея выползла изъ своей постели и, какъ подобаетъ хозяйкѣ, набросила на плечи подбитый зайчиной кафтанъ, засунула желтыя, худыя ноги въ широкія, мягкія сары *), на голову нахлобучила высокую рысью шапку и присѣла противъ огня на краю кровати. Она покашливала и злыми воспаленными глазами быстро какъ ящерица слѣдила за дѣвушкой. Андрей, умывшись за камелькомъ и старательно причесавши свои рѣдкіе волосы, торжественно выступилъ на середину избы и поднялъ морщинистое бронзовое лицо вверхъ къ образамъ. Онъ уже перекрестился, какъ вдругъ на дворѣ раздался лай собакъ, веселое посвистываніе и окрики Нюстера: „Нохъ!.. нохъ!.. нохъ!..“

Подвижная Лелья первая бросилась къ дверямъ и у входа столкнулась съ возвращавшейся изъ хлѣва Симаксинъ.

---

*) Якутская обувь изъ выдѣланной кожи.

Испуганная старуха чуть не выплеснула изъ посуды подоенное молоко, но дѣвушка, засмѣявшись, быстро выхватила у нея ведро, поставила на столъ и выскочила на дворъ.

Нохъ!.. нохъ!.. нохъ!.. — бормотала растерявшаяся Симаксинъ, согрѣвая у огня застывшіе пальцы.—Оленя, а оле-ня... а...оленя!

Въ юртѣ пришли въ движеніе.

— Большого? — спросила хозяйка, оживляясь и пробуя встать.

— Боль-шо-го?—переспросили хоромъ дѣти, высовывая косматыя головы изъ подъ мѣхового одѣяла матери.

— Боль-шо-го... ой... боль-шого!.. Бабатъ!.. нохъ... нохъ!— продолжала бормотать старуха, все еще недостаточно успокоившись, чтобъ толкомъ отвѣтить.

Между тѣмъ со двора ежеминутно долетали то серебристый смѣхъ и щебетаніе Лельи, то громкіе, торжественные отвѣты Нюстера. Дѣти не выдержали и босыя, нагія, какъ спали, соскочили съ кровати и гуськомъ, точно мышата крадучись, побѣжали къ выходу. За ними, медленно передвигая ноги и постукивая посохомъ, двинулась съ кашлемъ и оханьемъ хозяйка; за ней Симаксинъ. Послѣднимъ двинулся Андрей. Въ пустой избѣ остался только самый маленькій Ачикана; онъ не могъ собственными силами слѣзть съ кровати и въ великомъ огорченіи барабанилъ голыми ножками по доскамъ и ревѣлъ что есть мочи. Впрочемъ, кромѣ него, была еще одна человѣческая фигура; она, закутавшись съ головою въ красное одѣяло, лежала на томъ самомъ мѣстѣ, которое нѣкогда занималъ старый разбойникъ; теперь разбуженная крикомъ, она безпокойно задвигалась.

Выйдя на дворъ, Андрей нѣкоторое время съ удовольствіемъ созерцалъ знакомую картину. Тутъ было все, съ чѣмъ онъ сжился и что любилъ всѣмъ сердцемъ. По серединѣ стоялъ Нюстеръ, обсыпанный точно пудрой бѣлымъ инеемъ; румяный, загорѣлый, онъ возбужденно въ отрывочныхъ словахъ передавалъ главныя событія охоты; у ногъ мальчика улеглись въ упряжи усталыя собаки; за нимъ виднѣлась нарта и на ней темный пушистый крупъ оленя и

коралловое застывшее мясо другого ободраннаго звѣря. Передъ парнишкой стояла, опираясь на длинный посохъ, и слушала съ радостнымъ вниманіемъ мать его, жена Андрея, нѣкогда молодая и красивая, теперь желтая и сгорбленная. Сколько лѣтъ прожилъ онъ съ ней счастливо и спокойно, сколько дѣтей и хорошихъ минутъ подарила она ему. Теперь все прошло. И Андрей, насупившись, перевелъ глаза на стройную, свѣжую фигуру Лельи съ длинными, по дѣвичьи откинутыми, украшенными серебромъ косами. Дѣти, нагія, пухлыя, точно бронзовые амурчики, прятались въ складки ея мѣхового платья и оттуда, какъ у цыплятъ изъ подъ крыльевъ насѣдки, у нихъ виднѣлись только руки, да ноги, да всклокоченныя головки съ широко открытыми отъ любопытства ртами и вытаращенными глазками.

— Ступайте домой!—крикнулъ на нихъ Андрей...—А ты, Нюстеръ, прежде чѣмъ разсказывать, пошелъ бы въ избу согрѣться,—добавилъ онъ мягче.

Дѣти торопливо побѣжали и увели съ собой Лелью; за ними пошли и старики, пропустивши впередъ героя минуты, молодого охотника.

Тотъ, по обычаю, войдя въ избу, остановился посерединѣ и троекратно перекрестился; затѣмъ онъ снялъ рукавицы, ошейникъ и, молодцовато встряхнувъ ихъ вмѣстѣ съ шапкой, какъ это дѣлаютъ старшіе, повѣсилъ на вѣшалку. Онъ уже хотѣлъ присѣсть за столъ и продолжать разсказъ, какъ вдругъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что тамъ лежитъ человѣкъ. Незнакомецъ въ красной рубашкѣ закинулъ подъ голову руки и, очевидно, только что проснувшись, большими блестящими глазами внимательно присматривался къ тому, что происходило кругомъ.

— Кто это? Откуда? Какъ?—тихо спрашивалъ Нюстеръ у матери, поспѣшно спрятавшись за перегородку.

— Русскій!.. Не видишь развѣ: бородачъ... Кто его знаетъ. Должно быть... изъ мошенниковъ... Говорятъ, господинъ, богачъ... Вчера его привезли съ почтовой станціи съ строгимъ приказомъ стеречь и не пускать никуда... Должно быть — большой негодяй, отвѣчала довольно громко боль-

ная. Нюстеръ подошелъ къ перегородкѣ и взглянулъ въ щелку.

— Бородка, волоса золотые, губы точно брусника, а на щекахъ румянецъ... Мамка, онъ хорошій, правда, много лучше того стараго, что былъ раньше, хотя у него тоже длинный носъ и блѣдные глаза!..

— Хорошій... Много лучше!.. — убѣжденно поддержали брата младшія дѣти: они успѣли тоже заглянуть въ щелку.

— И совсѣмъ молодой, только бородка, какъ у старика.

— Какъ же... какъ же!.. Бородка!.. Но не бѣлая и не страшная, а маленькая, хорошенькая, точно оленій хвостикъ!..

— Клади привезъ съ собой—мочи нѣтъ!.. А все тяжелое. Должно быть, правда, богатый, — пояснила нехотя мать. — Что же, дитя мое, ты сильно иззябъ, ночуя въ полѣ?.. Сказывай, какъ было.

— Бѣлый, какъ женщина, и спитъ въ рубашкѣ, точно купецъ... — продолжалъ Нюстеръ, не открывая глазъ отъ щелки.

— А то какъ же? Спитъ въ рубашкѣ какъ купецъ... А когда встанетъ, то надѣнетъ на носъ вторые глаза, такіе же голубые, какъ и его... На ночь онъ ихъ прячетъ въ ящикъ... Увидишь, какъ любопытно!—щебетали дѣти.

— Это не глаза, а „очкы"—поправилъ ихъ серьезно старшій братъ. — Вижу ужъ я, что должно быть онъ большой господинъ!

— Ой! не маленькій...—согласились всѣ хоромъ.

Разслѣдованіе было прервано появленіемъ Андрея, который отворилъ двери и вмѣстѣ съ Лельей и Симаксинъ тащилъ черезъ высокій порогъ убитаго оленя. Дѣти бросились помогать отцу и на этотъ разъ упустили много интересныхъ моментовъ въ поведеніи чужеземца. Когда тотъ, уже совершенно одѣтый, въ красной канаусовой рубахѣ, „по-господски" засунутой въ черныя суконныя брюки, въ „купеческихъ" высокихъ сапогахъ, появился у столба перегородки, высокій и стройный, какъ тополь, то собравшіяся тамъ женщины и дѣти даже причмокнули и закивали головами:

— Фю... фю!.. Охъ-сіэ!

А когда, бросивъ мимолетный взглядъ на растянутаго передъ очагомъ оленя, онъ выразилъ жестомъ, что хочетъ умыться, всѣ одновременно вскрикнули:

— Воды!

— Лелья, дай воды!—спокойно приказалъ Андрей.

— Въ тазѣ? — спросила дѣвушка, бросая на русскаго внимательный, чуть-чуть насмѣшливый взглядъ.

— Конечно!

Позвякивая серебряными украшеніями и блеснувъ ими точно искрами, тунгусская красавица проскользнула мимо русскаго, проворно поставила передъ нимъ стульчикъ съ маленькимъ мѣднымъ тазикомъ, полнымъ холодной воды. Чужеземецъ засучилъ рукава, а дѣвушка поспѣшно спряталась за перегородку и оттуда вмѣстѣ съ другими внимательно слѣдила, что будетъ дальше.

— Охъ, охъ!.. Тяжело ему покажется жить съ нами съ якутами,—вздохнула жена Андрея, глядя на его нѣжныя руки.

— По-якутски знаетъ?— спросилъ Нюстеръ.

— Какъ-же!!. Глухой и нѣмой... совсѣмъ *мерзлый!* Когда нужно что-нибудь сказать, истинное наказаніе. Вытаращитъ глаза: ледяной столбъ и только. Когда Уйбанчикъ придетъ, не сказывалъ? Нужно бы узнать все; можетъ быть, станетъ платить за свое содержаніе... Такой богачъ, грѣхъ!.. — ворчала больная хозяйка.

— Тише...—сдержанно шеппулъ Андрей.—Кто его знаетъ, можетъ быть и понимаетъ что-нибудь, а только притворяется... Случается...

Онъ постарался придать своему строгому лицу возможно любезное выраженіе и обратился къ русскому:

— Какъ зовутъ тебя, господинъ русскій?

Незнакомецъ стоялъ передъ огнемъ и вытиралъ лицо и руки тонкимъ красиво вышитымъ по угламъ полотенцемъ. На вопросъ онъ быстро повернулся къ якуту, но ничего не отвѣтилъ.

— Какъ зовутъ тебя!? — повторилъ якутъ съ большей

выразительностью. Его пытливый взглядъ смѣло и настойчиво впивался въ молодое, нѣжное лицо.

— Не понимаю, — отвѣтилъ русскій, щуря глаза и чуть краснѣя.

— Не пой-ма-ю...—передразнилъ съ нетерпѣніемъ якутъ. — Имя!—добавилъ онъ по-русски.

— Имя?! Павелъ!

— Байбалъ... Смотрите: совсѣмъ якутское у него имя? — удивились за перегородкой.

— Мама... тятя?..—продолжалъ Андрей.

— Есть... далеко... очень далеко... Старики... я у нихъ одинъ...—охотно объяснялъ юноша, показывая палецъ.—Вы, я вижу, знаете немного по-русски. Это хорошо...—обратился онъ радостно къ Андрею; но тотъ ничего не отвѣтилъ, хотя не спускалъ съ него глазъ, и только плюнулъ сквозь зубы.

Павелъ между тѣмъ надѣлъ темную фланелевую блузу, причесалъ волосы и бородку и, взглянувъ на чайныя чашки, уставленныя въ рядъ на столѣ, присѣлъ къ сторонкѣ.

Якуты долго не трогались съ мѣста, все какъ будто чего-то ждали, и только когда Павелъ вынулъ книгу изъ-подъ подушки, Андрей подсѣлъ къ столу и, насупившись, проворчалъ:

— Въ Бога не вѣритъ!.. Ну на счастье или на несчастье послали намъ этого человѣка... Лелья, разливай чай!.. Нюстеръ, садись съ нами!

Тунгуска схватила обѣими руками ручку огромнаго чайника и, нагибаясь подъ его тяжестью, понесла къ столу. Павелъ досталъ изъ дорожныхъ мѣшковъ, лежавшихъ въ ногахъ его постели, горсти двѣ черныхъ сухарей и высыпалъ ихъ на середину стола. Это немножко примирило съ нимъ хозяевъ. Андрей позвалъ жену; та, кашляя и охая, перебралась изъ-за перегородки къ столу и взяла въ руки хозяйскій скипетръ—большую ложку для разливанія молока. Павелъ, замѣтивъ, что дѣти, Лелья и Симаксинъ не садятся у общаго стола, а выдвинули себѣ въ сторонку низенькій столикъ особо, тоже насыпалъ имъ сухарей, чѣмъ вызвалъ ихъ шумную радость.

— Ты, должно быть, много вывезъ чаю, сахару, муки?.. А можетъ у тебя есть водка?—спросилъ неожиданно Андрей, жуя сухари.

Павелъ опять прищурилъ глаза и на его подвижномъ лицѣ мелькнуло смущеніе.

— Прости, не понимаю!—сказалъ онъ послѣ минутнаго раздумья. — Вы, можетъ быть, думаете, что я не хочу съ вами говорить, что я гнушаюсь васъ... Совсѣмъ нѣтъ... Я бы очень и очень хотѣлъ и со временемъ выучусь...

Андрей внимательно прислушивался и вдругъ неожиданно выпалилъ совершенно правильно по-русски:

— Водка, чай, табакъ, ситецъ, деньги...

— Водка? — переспросилъ съ удивленіемъ русскій, — водки — нѣтъ, а чаю, табаку есть... немного, и я съ вами охотно подѣлюсь...

— Энгъ!...—пробормоталъ Андрей, но, очевидно, понялъ, потому что сейчасъ-же сладко и жалобно заговорилъ ломанымъ языкомъ, указывая на домашнихъ:— Якутъ... смотри... бѣдный... я бѣдный... люди много... ѣсть многа... нада многа!.. Чай нада, табакъ нада, ветошь нада, деньги нада!.. Даромъ никто мнѣ не даетъ... Ты, сказывай, богатый... деньги окружный городъ получай... жалованіе... Ты господинъ... ты русскій... я якутъ... бѣдный якутъ... работай нада... всякый нада!..

Во всемъ, что онъ говорилъ, проглядывалъ какой-то скрытый умыселъ и тревога. Взглядъ русскаго затуманился. Онъ внимательно посмотрѣлъ на окружавшія его лица, мѣдныя, узко-глазыя, скуластыя, некрасивыя, и всѣ такъ другъ на друга похожія, и всѣ какія-то жалкія, чужія, покорныя и раболѣпныя, что сердце у него болѣзненно сжалось, и онъ прошепталъ, отвернувшись:

— Я другой... Я у васъ ничего не попрошу...—и еще хотѣлъ что-то прибавить, но, взглянувъ вдругъ на оторопѣлыхъ слушателей, вспомнилъ, что не понимаютъ его, и умолкъ.

— Сердится или что? — спросила тихонько хозяйка, поглядывая на опечаленное лицо гостя. Андрей не отвѣтилъ и, раздумывая о чемъ-то, энергично сцлевывалъ сквозь зубы.

Завтракъ близился къ концу: сухари давно исчезли; чай, разбавляемый постоянно кипяткомъ, сталъ невѣроятно жидкимъ.

Павелъ и хозяинъ давно уже обернули чашки вверхъ дномъ, хозяйка, рыгнувъ протяжно, ушла къ себѣ за перегородку. Лелья занялась уборкой посуды; Андрей и Нюстеръ вынули изъ чехловъ узкіе якутскіе ножи и, поглядывая на оленя, стали подтачивать ихъ стальными огнивами.

Олень уже оттаялъ; запахъ лѣса, смолы, мха, крови, съ примѣсью своеобразной, свойственной оленямъ, овечьей вони, наполнилъ юрту. Наточивъ ножи, якуты присѣли около звѣря на низенькихъ стульчикахъ. Остальныя дѣти и женщины усѣлись кругомъ на землѣ, образуя молчаливую, но оживленную и чрезвычайно внимательную публику. Павелъ тоже приблизился, надѣвъ на носъ очки. Между тѣмъ Андрей проворно отрѣзалъ голени животнаго, повернулъ тушу вверхъ животомъ, подложилъ съ обоихъ ея боковъ по толстому бревну и, раньше чѣмъ Павелъ сообразилъ въ чемъ дѣло, сдѣлалъ продольный разрѣзъ вдоль „бѣлой линіи“. Какъ только края обвисли настолько, что можно было за нихъ ухватиться, дѣти и женщины принялись помогать, кто руками, а кто даже зубами. Довольныя рожи, вымазанныя кровью и жиромъ, когтевидныя руки, рвущія мясо, бѣлые крупные зубы, теребящіе влажную свѣжую кожу—во всей этой картинѣ было что-то безпощадное, волчье, каннибальское, что заставило Павла непріятно вздрогнуть. Работа совершалась чрезвычайно быстро и складно. Чрезъ мгновенье животное представляло противную кровавую массу, покрытую сѣтью синихъ кровеносныхъ сосудовъ, испещренную желтыми и бѣлыми пятнами жира и сухожилій. Содранная кожа, старательно расправленная по сторонамъ, походила на бѣлую шелковую простыню. Отъ всей красы животнаго осталась только изящная голова съ вѣтвистыми рогами. Эта голова съ застывшимъ выраженіемъ покорности и страданія, эти закрытые глаза со слѣдами слезъ, невыразимо тронули Павла; ему было не по себѣ. Андрей подмѣтилъ странное выраженіе лица юноши, насмѣшливо улыбнулся, поправилъ на головѣ

ремешокъ и мастерскимъ взмахомъ ножа вскрылъ плеву на брюхѣ животнаго. Тонкія кишки и толстый сѣрый желудокъ съ легкимъ шумомъ вырвались наружу. Павелъ поспѣшно ушелъ.

— Привыкну... привыкну!.. — твердилъ онъ, ложась на кровать и подавляя нервную дрожь. Онъ никогда не бывалъ на бойняхъ; видъ ранъ, крови, тѣла, расчлененнаго на части, а главное—видъ этихъ людей, сладострастно перебирающихъ внутренности подобнаго имъ существа, глубоко поразилъ его. Тщетно онъ доказывалъ себѣ, что это въ порядкѣ вещей, что ежедневно всюду происходитъ то же самое въ значительно болѣе крупномъ масштабѣ, — сознаніе не слушалось его и, когда вдругъ долетѣлъ до него глухой трескъ костей и сухожилій, онъ не выдержалъ, схватилъ шапку, тулупъ и выскочилъ за дверь, провожаемый смѣхомъ якутовъ и кудахтаніемъ Симаксинъ, испуганной его порывистыми движеніями.

Въ первую минуту онъ поклялся никогда не употреблять мяса, но, подумавши, понялъ, что это невозможно, и раздраженный пошелъ впередъ разсѣяться. Вскорѣ онъ очутился среди огромной снѣговой равнины. Впереди далекіе лѣса образовали едва замѣтную нить. Неясный, бѣлый слѣдъ дороги убѣгалъ въ эту даль и гдѣ-то исчезалъ тамъ, прижатый краемъ неба. Небо было тоже бѣлесоватое, и среди него повисли неподвижно нѣсколько бѣлыхъ, тяжелыхъ, какъ комки снѣга, тучекъ. Только солнце, холодное, но лучистое, неуклонно двигалось въ этомъ прозрачномъ, безмѣрномъ, но замкнутомъ склепѣ,—солнце, да одинокая тѣнь Павла. Полная тишина и спокойствіе сначала пріятно подѣйствовали на него, но по мѣрѣ того какъ онъ шелъ и видѣлъ передъ собою все тотъ же снѣгъ, все то же небо, все тѣ же лучи солнца, то золотистые, то разбитые на милліоны радужныхъ цвѣтовъ,—тоска возвращалась къ нему. Даже присѣсть было негдѣ, всюду было одинаково ровно, гладко и однообразно. Когда усталый повернулъ онъ домой, ему показалось, что онъ будто вдругъ постарѣлъ, что онъ знаетъ уже все, что можно узнать въ этой пустынѣ, знаетъ настоящее и будущее.

Тихо брелъ онъ по неровной, плохо убитой дорогѣ и ощущалъ, что тоска, — мучительное чувство, которое простой народъ такъ справедливо называетъ змѣей, — уже свиваетъ въ груди его лишнія кольца.

Замѣтивъ недалеко отъ жилища двѣ темныя человѣческія фигуры, Павелъ остановился, предполагая, что это охотники, а съ ними и переводчикъ. Путники тоже остановились и, перемолвившись другъ съ другомъ, направились къ нему. Они шли на лыжахъ, сильно нагнувшись впередъ и крѣпко упираясь въ снѣгъ длинными посохами съ деревянными кружками на концахъ. Онъ узналъ тунгусовъ по покрою старыхъ, облѣзлыхъ, но изящныхъ кафтановъ, по бахромѣ и узорамъ мѣховыхъ передниковъ. Приблизившись на разстояніе нѣсколькихъ саженей, они остановились и покорно сняли шлемовидныя мѣховыя шапки. Тогда Павелъ разглядѣлъ морщинистыя маленькія лица, узенькіе потухшіе глазки и сѣдые волосы.

— Капсе! — крикнулъ онъ имъ и дружески кивнулъ головой.

— Капсе!.. Капсе! — повторили тунгусы, отвѣчая на поклонъ.—Все хорошо... Ты капсе!

Передній тунгусъ подошелъ и смѣло протянулъ ему руку.

— Ты должно быть тотъ русскій, что живетъ у Андрея?

— Зачѣмъ она не надѣнетъ шапки? — спросилъ Павелъ, указывая на другого тунгуса, въ которомъ по серьгамъ узналъ женщину.

Старикъ крикнулъ что-то женѣ по-тунгуски, и та послушно накрыла голову и пошла за ними. Павелъ шелъ по дорогѣ, тунгусы по бокамъ на лыжахъ. Старикъ безъ умолку разсказывалъ, сильно жестикулируя.

— Да... въ стрину минъ была... ровно ты—богатѣй, хорошій, умный... а теперь... ничего нѣту!.. — закончилъ онъ неожиданно по-русски.

— Ничего нѣту...—повторилъ Павелъ, повеселѣвшій отъ знакомыхъ звуковъ. — Ничего нѣту... совсѣмъ, вижу, какъ я... Ну нѣтъ, старикъ, у тебя родина!

— Одна олень нѣту!—отвѣтилъ тунгусъ.—Я...—тутъ онъ

поднялъ вверхъ одинъ палецъ,—баба,—кивнулъ онъ на свою спутницу и добавилъ, указавъ на домъ Андрея,—Лелья.

Павелъ вспомнилъ стройную, обвѣшанную серебряными бляхами дѣвушку, вспомнилъ недружелюбный взглядъ, какимъ, случалось, провожала ее хозяйка, и ему стало жаль старика. Тотъ внимательно слѣдилъ за нимъ, мгновенно понялъ и, уже совсѣмъ фамильярно ударивши по плечу, протянулъ ему руку.

— Табакъ дай!.. Будемъ друзьями!

— Табакъ, чай, ситецъ, деньги,—повторилъ со смѣхомъ Павелъ, подражая голосу Андрея.

— Да, да! Табакъ, чай, деньги...—подхватилъ убѣжденно тунгусъ и съ почтеніемъ взглянулъ на товарища. Минуту спустя, получивши горсточку табаку, онъ добавилъ по-якутски уже совсѣмъ тихо и нѣжно:—Правда: будемъ друзьями... У меня ничего нѣту!

Павелъ не все понялъ, но кивнулъ головой. Разговоръ прекратился, такъ какъ они подошли къ воротамъ юрты.

Въ юртѣ оленя уже прибрали; остался послѣ него только непріятный запахъ, да на столѣ тарелки съ кусками сырой печени, сердца и раздробленными костями для высасыванія мозга.

— Жертва домашнимъ богамъ, должно быть!—подумалъ Павелъ, раздѣваясь и усаживаясь за столъ на обычномъ мѣстѣ.

Но Андрей, какъ только поздоровался съ тунгусами, подошелъ къ нему и настоятельно, дергая за рукавъ, сталъ просить:

— Кушай, пожалуйста... Это хорошій...

Во взглядѣ и отрицательномъ движеніи Павла было столько испуга, что и хозяинъ, и гости, а за ними и самъ Павелъ весело разсмѣялись.

— Этого даже купцы ѣсть не отказываются,—наставительно поучалъ якутъ,—попробуй!.. Бѣда будетъ съ тобой людямъ, вижу ужъ я...—вздохнулъ онъ.

При видѣ, какъ тунгусы жадно поѣдаютъ печень и сердце, Павелъ сталъ поспѣшно рыться въ своихъ бумагахъ.

— *Толмачъ надо!*—прочелъ онъ, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ.

— О, да! Толмачъ надо!—повторили всѣ хоромъ.

— Придетъ, скоро будетъ.... теперь охотится... занятъ,—пояснилъ, какъ умѣлъ, Андрей.

— Надо толмачъ, надо толмачъ! Что и говорить... Съ ними, русскими, всегда толмачъ надо!.. Помню разъ, когда я былъ на морѣ...—началъ было тунгусъ, но опять ему не повезло: на столъ подали огромную сковороду, полную мелко нарѣзаннаго варенаго мяса и чашку жирнаго бульона, которыя и поглотили всеобщее вниманіе. Передъ каждымъ изъ обѣдающихъ положили ложку, а передъ Павломъ, кромѣ того, единственную имѣвшуюся въ наличности вилку; затѣмъ всѣ набожно перекрестились и принялись за ѣду.

Проголодавшись послѣ прогулки, Павелъ тоже усердно было принялся за мясо, но лишь только утолилъ первый голодъ, какъ воспоминаніе видѣннаго проснулось, и онъ съ явнымъ отвращеніемъ отодвинулся отъ стола.

— Ѣшь! Зачѣмъ не ѣшь? Богъ далъ,—приглашали его якуты и, догадавшись, что онъ больше не хочетъ, философски замѣтили:—Русскій мало ѣстъ—мало дѣлаетъ; якутъ много ѣстъ—мнòго работаетъ. Якутъ богатырь!

Дѣйствительно, было нѣчто эпическое въ этомъ пиршествѣ измученныхъ минувшимъ голодомъ людей: они ѣли, ѣли и, казалось, конца не будетъ ихъ насыщенію. Вмѣсто исчезнувшихъ грудъ варенаго мяса появились огромныя чаши кровяной похлебки, заправленной мукою; послѣ нихъ опять мясо: сырое, вареное, жареное, кости, сухожилія, хрящи... Круглый день шло пиршество, прерываемое короткими часами тяжелаго, пьянаго сна. Поглощалось все во всевозможныхъ видахъ и подъ разными предлогами: полдничали, обѣдали, ужинали; ѣли вмѣстѣ, врозь, небольшими партіями и по одиночкѣ, у стола, за перегородкой, по угламъ, всюду... Даже собаки на дворѣ весь день грызли кости и вели изъ-за нихъ ожесточенный бой. Не громкій, но назойливый концертъ обжорства терзалъ Павла невыносимо. А видъ людей, отяжелѣвшихъ, раскиснувшихъ, тупыхъ, съ лоснящимися, выма-

занными жиромъ лицами и заплывшими глазками становился ему все противнѣе. Тщетно онъ повторялъ извѣстныя аксіомы, что „у племенъ охотничьихъ и прочее...“, ему было противно, противно, но убѣжать было некуда. Онъ лежалъ все время на кровати, пробуя углубиться въ чтеніе. Злой и усталый, онъ легъ спать раньше, чѣмъ это было въ обычаѣ. Якуты старались удержать его. Сами они долго еще что-то варили и чего-то ждали.

— Богъ далъ! Грѣхъ жалѣть... Первая добыча.

И дѣйствительно, не жалѣли. Тунгусъ, тотъ даже изъ-за стола не вставалъ; тамъ и заснулъ, упавши навзничъ на скамью, какъ пьяный, безъ сознанія.

VI.

На другой день съ разныхъ сторонъ, подъ разными предлогами и въ разное время двинулись къ юртѣ Андрея сосѣди. Прежде всѣхъ явилась Сымнай, молодая щеголевато одѣтая женщина. Это была жена одного изъ самыхъ бѣдныхъ рыбаковъ, иронически прозваннаго „Козакомъ“ за бороду, рѣдкую, жесткую, росшую, къ великому его огорченію, несмотря на неуклонное выщипываніе и бритье.

Сымнай, всегда падкая до нарядовъ, сегодня была особенно разодѣта. Мягкая желтая обувь, съ острыми загнутыми вверхъ носками, украшенная по швамъ чернымъ плисовымъ кантомъ и широкимъ плисовымъ „биле“ *), была старательно подтянута. Пестрый мохнатый „сагыняхъ“ (кафтанъ изъ телячьихъ кожъ) плотно обхватывалъ ея стройную фигурку, а черный „боа“ изъ бѣличьихъ хвостовъ обвивалъ шею и свѣшивался на выпуклую грудь. Глаза всѣхъ выжи-

*) Обшивка.

дательно остановились на ней; дѣти бросили игрушки, выбѣжали на середину избы и разинули рты; даже собаки подошли и подозрительно обнюхали гостью. Щеголиха торжественно выступила впередъ, граціозно сняла съ головы гренадерскую рысью шапку и песцовыя перчатки съ рукъ. Множество серебряныхъ колецъ сверкнуло на пальцахъ, а въ ушахъ блеснули серьги величиною въ ладонь. Она стала въ позу, свойственную самымъ отпѣтымъ якутскимъ кокеткамъ, и, поднимая руку для креста, мимолетно взглянула на Павла, читавшаго книгу.

Лелья многозначительно толкнула въ бокъ Нюстера и они оба засмѣялись.

— Ишь, гулящая!.. Подумать можно—богата, а совсѣмъ раздѣла сосѣдей: шапка Филиппихи, ошейникъ—Василія, рукавицы Мавры... Все чужое... Безстыжая!—зашипѣла жена Андрея.

Должно быть Сымнай разслышала кой-что изъ этихъ довольно громкихъ осужденій, потому что ея миловидное личико, обрамленное бѣлымъ платкомъ, вдругъ зардѣлось яркимъ румянцемъ, движенія потеряли увѣренность и, торопливо перекрестившись, она юркнула за камелекъ на женскую половину. Андрей проводилъ ее долгимъ насмѣшливымъ взглядомъ, а тунгусъ снисходительно пробормоталъ:

— Баба... Не говори!.. Моя тоже такой когда-то была... Ей Богу!..

Какъ только Сымнай очутилась за перегородкой, насмѣшливые, недружелюбные возгласы затихли; съ ней привѣтливо поздоровались и стали разспрашивать новости, какъ велитъ обычай. Лелья, по данному хозяйкой знаку, поставила на огонь небольшой мѣдный чайникъ. Чай приготовили изъ „выварокъ“ *), но Сымнай не обидѣлась, такъ какъ хорошо знала, что свѣжій чай стоитъ денегъ, зато ей все больше и больше дѣлалось не по себѣ, по мѣрѣ того какъ она замѣчала, что обычный скучный разговоръ безконечно затягивается,

*) Спитой чай.

безъ намека на удачный промыселъ, на убитыхъ оленей, что ожидаемый „кусокъ“ будетъ не скоро.

— Эта богачка, однако, совсѣмъ меня къ землѣ пригнетъ... не дастъ... разславитъ... Зачѣмъ я только первая пришла?— думала съ горечью молодая женщина, повертывая въ рукахъ дорогую чужую шапку. Она опустила голову и все тише, все неувѣреннѣе отвѣчала на вопросы; густой румянецъ жегъ ей лицо, капли пота покрыли лобъ. Напрасно Лелья, которой стало жалко подругу, нѣсколько разъ наводила рѣчь на угощеніе, хозяйка притворялась, что ничего не замѣчаетъ. Ее, больную и некрасивую, радовало замѣшательство молодой, пригожей франтихи. Былъ кромѣ того разсчетъ протянуть какъ можно дольше, авось, кто нибудь подойдетъ, а двоимъ можно меньше подать.

Залаяли собаки и откуда-то издали донеслось ржаніе лошади. Разговоръ затихъ, и всѣ, повернувшись къ выходу, стали прислушиваться. Этимъ перерывомъ воспользовалась Сымнай и юркнула въ уголокъ, гдѣ играли дѣти, и гдѣ неподвижно сидѣла тунгуска Упача на низкомъ стульчикѣ, какъ какая-то мумія, засохшая и равнодушная. Здѣсь Сымнай почувствовала себя много свободнѣе, и когда Лелья мимоходомъ шепнула ей нѣсколько словъ и шаловливо кивнула въ сторону Павла, на лицѣ ея опять расцвѣтала веселая улыбка и блеснулъ рядъ бѣлыхъ, ровныхъ мелкихъ зубовъ.

Всадники не заставили себя долго ждать; во дворѣ скоро застучали копыта.

— Кто это, однако, на лошади?—спросилъ тунгусъ, обрадованный случаемъ лишній разъ раскрыть ротъ.

— Да кто же кромѣ Филиппа,—нехотя отвѣтилъ Андрей, осмотрѣлъ бѣгло столъ, нары, избу и натянулъ на плечи кафтанъ.

Двери широко открылись, и въ юрту, съ трудомъ переступивши высокій порогъ, вкатился толстый пожилой якутъ. На немъ была крытая плисомъ лисья шуба и серебряный поясъ. Двигался онъ очень тихо, кряхтѣлъ и притворялся, что быстро идти не можетъ; сзади него шелъ, поддерживая его за локоть, молодой парень, хотя и не такъ пышно, но

тоже хорошо одѣтый въ мѣховомъ кафтанѣ, подбитомъ песцами.

Это былъ самый младшій сынъ Филиппа, Семенъ. Высокій, тонкій, съ лицомъ и проворными движеніями обезьяны, онъ въ околоткѣ пользовался прозвищемъ „Длинный“.

Оба вошедшихъ предварительно положили крестное знамя, затѣмъ Длинный, бочкомъ, незамѣтно шмыгнулъ на женскую половину, а Филиппъ, поздоровавшись за руку съ Андреемъ, гордо миновалъ остальныхъ и сейчасъ же повернулся къ Павлу. Юноша давно уже съ любопытствомъ наблюдалъ невиданную имъ церемонію встрѣчи важнаго якутскаго „тоёна“ *). Столько было надменности и наглости въ этой маленькой надутой фигурѣ, что Павелъ минуту колебался, принять ли протянутую руку или только отвѣтить поклономъ.

— Я тоже богатый!—сказалъ Филиппъ, почтительно пожимая протянутую руку Павла.—А ты богатый? И онъ сѣлъ около него въ красномъ углу подъ образами. Павелъ отложилъ книгу и глядѣлъ на него съ улыбкой, но не отвѣтилъ.

— Разсказывай!.. Что же не говоришь?—повторилъ богачъ, медленно растегивая серебряныя пуговицы своего кафтана.—Что же онъ?.. Слышно, будто, совсѣмъ не говоритъ... Мерзлый?—обратился онъ къ Андрею.

— Иногда разговариваетъ, но рѣдко и какъ съ кѣмъ,—хитро отвѣтилъ тотъ.

— Я думаю, бѣда съ нимъ будетъ? Ге... какъ-ты, Андрей думаешь? Мнѣ кажется, по всему, что о немъ говорятъ,—онъ или глупый, или хитрый!—крикливо разсуждалъ Филиппъ уже не обращая никакого вниманія на русскаго.

Андрей потупился съ двусмысленной улыбкой.

— Я смотрю и только удивляюсь: зачѣмъ онъ живетъ?—продолжалъ Филиппъ. Не разговариваетъ, не работаетъ... А впрочемъ, ты говоришь, что онъ съ нѣкоторыми разговариваетъ. Тогда онъ можетъ что-нибудь знаетъ. Ты бы, Андрей, сказалъ ему, что я не какой-нибудь послѣдній въ улусѣ

*) Тоёнъ—господинъ.

человѣкъ, что мнѣ и купцы кланяются, что я хорошій человѣкъ — богатый и почетный, что я господинъ... А можетъ быть онъ не знаетъ по-якутски?—догадался богачъ.—Да, да: слышалъ я... Откуда и знать ему, если правильно разсудить... Недавно вѣдь пріѣхалъ къ намъ... Правду говорю? — обратился онъ къ Павлу,— ты ничего не понимаешь по-якутски? Это худо! Не знаю, какъ другіе, а я такъ думаю, что ты долженъ по-нашему учиться... Среди якутовъ жить будешь, по-якутски говорить долженъ, по-якутски обращаться, ѣсть рыбу да молоко, любить якутокъ... якутскихъ женщинъ, что носятъ штаны...— и Филиппъ добавилъ неприличную шутку, надъ которой самъ первый расхохотался.

— Ой, не любятъ русскіе женщинъ, которыя носятъ штаны!.. Ей Богу... Я это хорошо знаю! — поддержалъ его тунгусъ.

На молодомъ лицѣ Павла появилось смущеніе и онъ вспыхнулъ. Онъ, конечно, не понялъ ничего, но плотоядный смѣхъ „тоёна“ и двусмысленныя усмѣшки присутствующихъ непріятно его задѣли. Онъ внимательно посмотрѣлъ на искусственно серьезное лицо Андрея, на гримасу „Длиннаго“, который кого-то передразнивалъ, и молча углубился въ книгу.

— Вотъ и разсердился,—вздохнулъ Филиппъ,—ученый, а шутки не понимаетъ!

— И какой ученый... Ой, ой!.. — причмокнулъ тунгусъ.— Печени сырой не ѣстъ, мозговъ тоже, ни мяса, ни рыбы безъ соли въ ротъ не беретъ... Хлѣбъ да хлѣбъ, чай да сахаръ, да только книги читаетъ!

— Въ рубашкѣ спитъ, какъ купецъ, и на носъ надѣваетъ два каменныхъ глаза—*очкы*... Право! — развязно вставилъ, высовываясь изъ за перегородки четырехлѣтній сынокъ Андрея.

— Оч-кы, ой!.. оч-кы!.. бабатъ! — повторила въ тонъ въ темномъ углу Симаксинъ.

— Тише!.. Что за мода мѣшать, когда старшіе говорятъ!— разсердился тунгусъ и, обернувшись къ Филиппу, политично продолжалъ.—Такъ вотъ я хотѣлъ сказать: кладетъ на носъ

очки и читаетъ, лежитъ и читаетъ, лежитъ и читаетъ, читаетъ, читаетъ! Все ему подадутъ, все ему сдѣлаютъ, а онъ будто ничего не видитъ: все читаетъ и читаетъ! Большого господина должно быть дитя, можетъ быть самого *дворянa,*—добавилъ онъ тише, наклоняясь къ слушателямъ. — Ящиковъ безъ мѣры, и все тяжелые, не поднять человѣку. Табакъ, чай, ситецъ, деньги,—самъ разсказывалъ, когда я его встрѣтилъ вчера на дорогѣ... Бо-га-тый!

— Мы тоже люди бываемъ! — проговорилъ съ обидой Филиппъ и отвернулся къ Андрею разспрашивать о новостяхъ съ тайги, о промыслѣ, вообще обо всемъ, „что слышно ушами, что видно глазами“.

Уѣхалъ Филиппъ въ очень хорошемъ расположеніи духа: его накормили, одарили, а когда влѣзалъ на сѣдло, самъ Андрей придержалъ ему лошадь. Только въ самомъ концѣ проводовъ вышла заминка: „Длинный“, помѣстившійся сзади отца на лошади—они пріѣхали двое на одной — простился съ присутствующими такимъ за-

бавнымъ и неожиданнымъ жестомъ, что Симаксинъ сейчасъ его повторила; молодежь прыснула со смѣху.

— Дѣти!.. дѣти! — крикнулъ Андрей, самъ съ трудомъ удерживая улыбку.

— Молчите!.. А то какъ?! Развѣ хорошо насмѣхаться надъ богатыми и почетными?—торопливо поддакнулъ тунгусъ.

Онъ былъ немного обезпокоенъ холодностью Филиппа на прощанье.

Между тѣмъ „тоёнъ“ выѣзжалъ уже за ворота, толстый, сытый, довольный; съ обѣихъ сторонъ чеканеннаго серебромъ сѣдла свѣшивались сумы съ мясомъ; „Длинный“, головой выше отца, забавно кривлялся, а добрый пестрый конь, испуганный смѣхомъ и шумомъ, храпя и присѣдая, перебиралъ ногами. Сзади за нимъ, съ маленькимъ мѣшечкомъ въ рукахъ, плелась Сымнай.

Еще не успѣли исчезнуть въ дали эти гости, какъ на другихъ тропахъ и прямо въ полѣ на лыжахъ появились силуэты новыхъ. Всѣхъ кормили, поили, всѣхъ надѣляли подарками, соразмѣрно ихъ богатству, вліянію, а также и надеждѣ со временемъ получить въ свою очередь подарокъ или услугу; гости изо всѣхъ силъ старались выказать свою обходительность, любезность, умъ и свою неизмѣнную благосклонность къ семьѣ Андрея. Всякій, поздоровавшись, занималъ мѣсто на нарахъ соотвѣтственно своему почету, и затѣмъ начинался стереотипный, приличный случаю разговоръ: гдѣ поймали? сколько поймали? когда поймали? когда пріѣдутъ? Слушатель вникалъ въ мельчайшія подробности, кивалъ головою, вздыхалъ, вставлялъ замѣчанія и дѣлалъ остроумнѣйшія соображенія, до смѣшного у всѣхъ одинаковыя. Наконецъ, каждый послѣ того обязательно обращался къ Павлу:

— Капсе!

Тотъ молча вскидывалъ глаза.

— Имя?

— Павелъ!

— Посмотрите: совсѣмъ якутское у него имя Байбалъ!

— Мама, тятя?

— Есть.

— Далеко ли, близко?

— Далеко.

— Ты богатый или бѣдный? Ты купецъ? Ты господинъ? Почему молчишь?

— Ты, должно быть, по-якутски не знаешь?

— Почему все въ бумаги смотришь, а не на землю, не на людей?

— Продай табакъ, продай чай, продай ситецъ, продай что-нибудь... Не хочешь? Ну подари!..

И такъ каждый. Измученный дневнымъ допросомъ, Павелъ подъ конецъ молчалъ, даже когда и угадывалъ смыслъ обращенія. Впрочемъ, его прекрасно замѣнялъ въ этихъ случаяхъ старый тунгусъ: онъ неожиданно обнаружилъ такое знаніе всѣхъ деталей, касающихся прошлаго и настоящаго своего новаго „атаса“ *), что слушатели вполнѣ оставались довольны. Тунгусъ пространно и живописно разсказывалъ имъ не только о томъ, что у Павла имѣется, чѣмъ онъ былъ и кто его родители, но даже, что онъ современемъ сдѣлаетъ и что теперь думаетъ. Родители его, по словамъ тунгуса, были „большіе господа“, да и онъ самъ былъ „господинъ не малый“. Онъ лично знакомъ царю; у царя онъ служилъ въ работникахъ и царь очень любилъ его. Отъ этого Павелъ сталъ баловаться; разъ напился и сказалъ что-то царю... Вотъ за это самое царь и послалъ его къ намъ. Куда же такой большой господинъ можетъ смотрѣть, какъ не въ бумагу? Подумайте?.. Да и не разговариваетъ, потому что о чемъ будетъ съ вами, дураками, говорить? Къ нему подходить нужно умѣючи, говорить съ нимъ нужно складно! Слышали, что онъ сказалъ самому Филиппу? И ушелъ богачъ съ надутой рожей, а онъ даже глазомъ не моргнулъ. Такъ онъ встрѣчаетъ тѣхъ, кто много о себѣ думаетъ. Съ нимъ разговаривать слѣдуетъ умно, о томъ, что дѣлается на морѣ, какіе проходы въ горахъ Джурджуйскихъ, и что вообще дѣлается на землѣ... А вы развѣ знаете, что тамъ дѣлается? Развѣ

*) „Атасъ“ значитъ: подѣлись. Такъ якуты называютъ ближайшихъ друзей.

тамъ былъ кто-нибудь изъ васъ? Онъ что услышитъ, все сейчасъ же въ бумагу запишетъ и вышлетъ царю... Потому разсказывать ему нужно съ разсужденіемъ, а не болтать, что попало... Поняли?! Ну и что же? Вы даже не знаете, что ему ѣсть дать! Вы, можетъ быть, думаете, что онъ ѣстъ сырую печень, или мозги, или „строганину?“ *). Какъ-бы не такъ!.. Его ѣда: мука, соль, сахаръ, горчица, перецъ... вотъ его ѣда!..

— Мука, соль, сахаръ, горчица, перецъ... Шутки!.. Да вѣдь все это въ городѣ покупать нужно... и все денегъ стоитъ. Откуда все это возьмемъ? Въ бумагу, говоришь, пишетъ? — повторяли слушатели, чувствуя, что деревенѣютъ ихъ языки отъ постояннаго чмоканья въ знакъ удивленія. Они поглядывали вопросительно на Андрея, на тунгуса, затѣмъ робко и почтительно на усталаго, мрачнаго Павла и, понизивъ голосъ, вкрадчиво просили своего главаря:

— Андрей, ужъ ты постарайся, ужъ мы тебя просимъ— понатужься! Ты долженъ народу помочь, а мы тебя ужъ отблагодаримъ... Ты вѣдь у насъ одинъ, вѣрный, именитый... куда его дѣнемъ?

Андрей потуплялъ глаза, чтобы не замѣтили сверкающаго въ нихъ удовольствія, и бормоталъ, „что ему это вовсе не на руку“...

— У Филиппа ему будетъ лучше!

— У Филиппа?.. Упаси Богъ! Вѣдь уже поссорился съ нимъ!

Только два гостя изъ посѣтившихъ въ этотъ день Андрея держали себя иначе. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ Матвѣй, отецъ Уйбанчика. Онъ не просилъ ни о чемъ Павла, не пробовалъ вызвать его на разговоръ, а, выслушавъ разсказъ тунгуса, внимательно посмотрѣлъ на юношу и вздохнулъ:

— Господское дитя, господское!.. *Не смѣта!..* Эхъ... эхъ! И будешь ты, соколикъ, у насъ тосковать, какъ птица о веснѣ...

Другой былъ „Козакъ“, мужъ красавицы Сымнай. Тотъ

*) Мерзлая, строганая тонкими ломтиками, рыба.

при входѣ неуклюже споткнулся и ударился, къ большому удовольствію присутствующихъ, лбомъ о дверной косякъ. Смущенный смѣхомъ, онъ спрятался въ тѣни, какъ только совершилъ обязательный обрядъ передъ образами. И долго сидѣлъ тамъ молча, пощипывая съ отчаяніемъ волоса на подбородкѣ; наконецъ, заговорилъ громкимъ басомъ, точно изъ бочки:

— Моя жена?

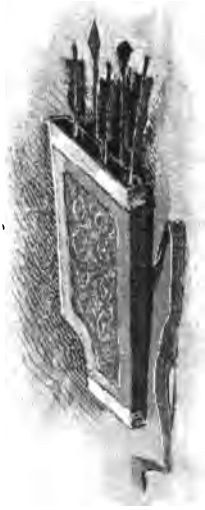
— Твоя жена? Была... была...

— Была... но проѣзжалъ богатырь на бѣломъ конѣ, увидѣлъ у нея въ ушахъ новыя серьги, на головѣ рысью шапку съ серебрянымъ кружкомъ, на плечахъ пестрый „сагыняхъ“, на ногахъ желтые сапожки съ плисовымъ „биле“... увидѣлъ и увезъ,—проговорила нараспѣвъ Лелья.

— И она приказала сказать, что не возвратится, потому что у тебя растутъ жесткіе, какъ иголки, волосы, — хоромъ подхватили дѣти.

„Козакъ“, ради. приличія, посидѣлъ немного и затѣмъ поспѣшно ушелъ, не дожидаясь ни куска, ни подарка, хотя предлагали ему и то, и другое.

VII.



Прошло нѣсколько дней ясныхъ, солнечныхъ и теплыхъ въ полдень, холодныхъ ночью, дней, полныхъ радостнаго ожиданія для якутовъ и тоскливыхъ для Павла. Онъ замѣчалъ оживленное движеніе, довольство и веселость окружающихъ, видѣлъ окровавленныя туши мяса, то приносимыя, то уносимыя сосѣдями, слышалъ алчные пересуды женщинъ и безконечно длинные разсказы мужчинъ, послѣ чего Андрей имѣлъ обыкновеніе, помощью жестовъ и нѣсколькихъ заученныхъ словъ, разъяснять ему: гдѣ, сколько и при какихъ обстоятельствахъ убили оленей, и кому изъ охотниковъ сосѣдей везетъ больше всѣхъ. Все онъ зналъ, все онъ помнилъ, всему радовался и пробовалъ увлечь въ эти интересы Павла, но тщетно—тотъ неисправимо скучалъ.

„Не могу понять... не могу... Отзвука нѣтъ... Вѣдь это для нихъ вопросъ жизни и смерти, а мнѣ все равно“,—думалъ онъ съ горечью.

— Когда же наконецъ придетъ переводчикъ? — безпрестанно спрашивалъ онъ.

— Подожди... Скоро будетъ!—отвѣчали всякій разъ.

Между тѣмъ якуты понемногу освоивались съ нимъ. Страхъ мало-по-малу исчезалъ. Все чаще охотникъ, приносившій подарокъ Андрею, клалъ на столъ отборный кусокъ для „нашего русскаго“. Павла, особенно вначалѣ, сильно трогали эти знаки дружбы и вниманія.

— Чѣмъ-же я отблагодарю, отплачу вамъ? У меня нѣтъ ничего и ничего я не знаю изъ того, что вамъ нужно,—пробовалъ онъ отказываться.

— Ты нашъ! Мы не просимъ ничего, кромѣ доброты... Не брезгай нами!—просили якуты, кланяясь.

— Зачѣмъ платить?.. Они обязаны помогать тебѣ. Ты вѣдь не можешь пойти въ лѣсъ ловить оленей... Развѣ ты виноватъ, что этого не знаешь? — училъ его Андрей, недовольный, что горсти табаку, чаю, соли или муки переходятъ вслѣдъ за подаркомъ въ руки охотниковъ.

Долго, однако, такъ не могло продолжаться. Отказаться нельзя было—дарящій всегда утверждалъ, что ему ничего не нужно, и если Павелъ не хотѣлъ брать, оставлялъ подарокъ на столѣ и уходилъ. Примириться съ совѣтомъ Андрея и получать безвозмездно подарки отъ людей, завѣдомо бѣдныхъ, Павелъ также не могъ. И его запасы таяли быстрѣе весеннихъ снѣговъ, тѣмъ болѣе, что вѣсть о щедрости русскаго мигомъ облетѣла окрестности. Между тѣмъ подарки, которые дѣлались ему, поступали въ распоряженіе Андрея и съѣдались всѣми; за то въ этихъ случаяхъ ѣда была не просто обѣдъ или ужинъ, а уже „угощеніе нашего господина русскаго“. Къ нему обязательно требовали всякихъ приправъ: соли, муки, сухарей, сушеныхъ овощей. Павелъ стѣснялся отказывать.

Андрей, увѣренный, что жертва не уйдетъ, просилъ для себя очень рѣдко и всегда бралъ подачку подъ предлогомъ займа, но эти „займы“ чуть ли не больше всего повредили запасамъ Павла, такъ какъ якутъ самъ опредѣлялъ ихъ размѣры. Впрочемъ, назойливость домашнихъ была далеко слабѣе того беззастѣнчиваго попрошайничанія, въ какое незамѣтно превратилось расположеніе къ нему сосѣдей.

„Все равно: раньше или позже останусь безъ муки и соли. Нужно привыкнуть обходиться безъ нихъ!“—утѣшалъ себя Павелъ и только жалѣлъ, что незнаніе обычаевъ и языка ставятъ его въ какое-то ложное положеніе.

Требованія и наглость со стороны тѣхъ, которые разъ получили подарокъ, становились поистинѣ изумительными.

Они являлись все чаще и иногда сразу по нѣскольку человѣкъ. Они терпѣливо пережидали другъ друга и для развлеченія осматривали вещи Павла, щупали дорожныя сумы, трогали книги и бумаги, наконецъ, неустанно толкали и дергали его за рукава и полы, чтобы обратить на себя вниманіе и заставить заговорить. Они на-перечетъ знали всѣ слова, которыя онъ понимаетъ по-якутски, и говорили только ихъ:

— Капсе! мама, тятя?! Далеко или близко? Сколько лѣтъ? Ты бѣдный? Ты богатый? Ты купецъ? Ты господинъ? Продай... одолжи... подари!..

Все это было до того наивно, спрашивающій обыкновенно при этомъ до того самодовольно и глупо улыбался, что Павелъ, несмотря на раздраженіе и тоску, не могъ сердиться.

Наконецъ, стали приходить безъ всякихъ подарковъ или приносили вещи бросовыя, никому ненужныя, и обижались, когда Павелъ наотрѣзъ отказывался отъ нихъ. Тутъ уже начинались безконечныя разсужденія, кто кого обидѣлъ и кто кому долженъ за это что-нибудь дать. Павелъ, чтобы отвязаться отъ непонятнаго, но надоѣдливаго ихъ жужжанія, обыкновенно давалъ имъ какой-нибудь пустякъ: четвертушку бумаги, пуговку, нитку; — все брали и уходили довольные. Принимали даже перецъ и горчицу, которыхъ якуты не употребляютъ. Только въ случаѣ совершеннаго отказа дѣлались скандалы:

— Всѣмъ даешь, и мнѣ дать долженъ; я другихъ не хуже!

Особенно грубъ бывалъ въ такихъ случаяхъ старикъ-тунгусъ, который смотрѣлъ на Павла, какъ на свою собственность.

— Что-же ты давно мнѣ ничего не даешь?—присталъ онъ къ нему однажды, потряхивая головой и размахивая руками.— Или ты думаешь, что я богатый? Совсѣмъ я не богатый, а изъ бѣдныхъ бѣдный... Всѣмъ даешь, а мнѣ ничего. Я вотъ на тебя давно сержусь, а ты не видишь... Какая это дружба?— И тутъ онъ пространно началъ доказывать, какъ глупы и неблагодарны бываютъ эти русскіе, и какіе вообще плуты эти пріѣзжіе, умѣющіе только много обѣщать. Однѣ хлопоты съ ними и досада...

Но вошелъ Андрей, въ отсутствіе котораго началось это бурное объясненіе, и пристыдилъ старика длиннымъ перечнемъ полученныхъ подачекъ. Павелъ былъ на этотъ разъ освобожденъ.

Въ большинствѣ же случаевъ это кончалось далеко не такъ благополучно. Иногда обиженные, получивши замѣчаніе отъ кого-нибудь изъ домашнихъ, поднимали такой шумъ, что въ избѣ воцарялся настоящій содомъ, и Павелъ, для прекращенія его, былъ принужденъ употреблять энергическія мѣры: уходилъ самъ или прогонялъ спорщика. Но его не особенно слушались. Только присутствіе Андрея сдерживало „атасовъ“. На Павла эти ссоры производили впечатлѣніе вороньихъ дракъ надъ падалью. За то такія ссоры очень нравились хозяйкѣ: вѣчно больная, одинокая, она рада была случаю и первая вызывала ихъ задорными, ѣдкими замѣчаніями... Если попадался подходящій противникъ, въ юртѣ поднимался такой шумъ, что могъ хоть кого свести съ ума. Дѣти бѣгали изъ угла въ уголъ, чтобъ видѣть лица ругающихся и не упустить ни одного словечка; Симаксинъ кудахтала, точно одержимая, даже собаки, взобравшись на плоскую крышу, присоединяли къ общему хору свой унылый вой. Оставалось или уйти, или дать что-нибудь „атасу“, или вытолкать его въ шею. Послѣднее трудно было сдѣлать въ чужомъ домѣ. При Андреѣ, сдерживаемые его суровымъ взглядомъ, гости ограничивались прямыми просьбами и затѣмъ краткими ядовитыми замѣчаніями или вздохами. Гости въ юртѣ не переводились. Достаточно было Павлу за чѣмъ-нибудь заглянуть въ свои тюки, взять платокъ, новую книгу, карандашъ или перо, какъ сейчасъ же его окружало кольцо любопытныхъ. Ни просьбы, ни угрозы, ни приказанія, ни отказы не дѣйствовали; въ лучшемъ случаѣ они не трогали ничего пальцами, но становились поодаль и не спускали съ него жадныхъ, внимательныхъ глазъ. Это была непрерывная блокада хищниковъ, выжидающихъ добычу.

— Не торгуешь?.. Зачѣмъ тебѣ столько? — наивно говорили они, когда онъ пробовалъ ихъ упрекать.

Этого „столько“ было въ дѣйствительности очень немного,

Павелъ помирился съ мыслью, что разберутъ у него все, но онъ не зналъ, какъ онъ устроится окончательно, и берегъ остатки для рѣшительной минуты.

— Когда же придетъ толмачъ? — повторялъ онъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ.

— Толмачъ? Зачѣмъ онъ тебѣ? Чего торопишься? Развѣ тебѣ у меня дурно? Сиди сколько хочешь, я не прогоняю тебя... А надоѣстъ, такъ пойди проживи нѣсколько дней у Филиппа, у Козака или у Матвѣя, обойди сосѣдей... Всѣ примутъ тебя съ радостью, потому что всѣ любятъ тебя... Развѣ этого тебѣ не говорятъ каждый день? Развѣ не приносятъ подарковъ, даже когда не хочешь? — насмѣшливо говорилъ Андрей.

— Нѣтъ! Лучше договоръ...

— Можно и договоръ, а только договоръ совсѣмъ другое, чѣмъ дружба,—пояснилъ значительно якутъ.

Кромѣ этихъ непріятностей, у Павла была еще одна затаенная причина нервнаго раздраженія и торопливости: онъ чувствовалъ, что не опорожнилъ еще до дна всей чаши, какую поднесла ему судьба, что на днѣ ея осталось нѣсколько неизвѣстныхъ капель, и онъ болѣзненно жаждалъ узнать всю ту обстановку, въ которой суждено ему провести многіе годы.

Наконецъ, совершенно неожиданно вошли однажды въ юрту Андрея запоздалые охотники. Когда они стали по серединѣ избы, вооруженные, загорѣлые, покрытые потомъ и кровью, со слѣдами пережитыхъ приключеній на смѣлыхъ мужественныхъ лицахъ; когда согласно, точно по командѣ, подняли глаза къ святымъ образамъ и жилистыми, мѣднаго цвѣта руками самоувѣренно осѣнили грудь размашистымъ крестомъ,—выбѣжавшія на встрѣчу имъ женщины и дѣти даже попятились съ легкимъ крикомъ восторга. Андрея не было дома: онъ вмѣстѣ съ Павломъ отправился въ гости къ старому Филиппу, сыновья котораго, какъ имъ сказали вчера, возвратились изъ тайги.

— Какъ поживаете? Что подѣлываете? Что тутъ у васъ слышно? Сказывайте! Гдѣ вашъ новый господинъ? — заго-

рилъ звонко и весело, какъ всегда, Джянга, заглядывая Лельѣ въ глаза.

— Какой господинъ? Просто козликъ бородатый, — разсмѣялась дѣвушка.

— Уже зубоскалите!.. Ахъ наказаніе! — кричала жена Андрея, вылѣзая изъ-за перегородки и расталкивая столпившуюся на дорогѣ молодежь.— Иди, Джянга, иди, Уйбанчикъ, разсказывайте, что и какъ было и что вы домой привезли?

Она тяжело опустилась на скамью на хозяйское первое мѣсто, которое ей торопливо уступилъ тунгусъ. Тотъ послѣднее время почти не покидалъ юрты Андрея, гдѣ проводилъ дни въ праздности, сидя непремѣнно на первомъ мѣстѣ. Ему не мѣшали, но въ случаѣ нужды выгоняли его оттуда безъ церемоніи.

— Такъ, такъ... разсказывайте, а мы послушаемъ, и сами можетъ быть что-нибудь скажемъ,—поддержалъ хозяйку тунгусъ.

Въ избѣ стало шумно: разсказчиковъ перебивали постоянными вопросами, и только въ концѣ рѣчь ихъ стала болѣе обстоятельной и плавной. Нѣкоторые, утоливъ первое любопытство, разбрелись по угламъ. Самые младшіе и нетерпѣливые побѣжали подъ руководствомъ Нюстера и Нерпы осматривать добычу; хозяйка приказала Лельѣ готовить чай, и та суетилась около камелька; Симаксинъ никогда не была большой охотницей до громкихъ разговоровъ; у стола остались только жена Андрея, тунгусъ да два старшихъ охотника.

Звучнымъ голосомъ описывалъ по порядку Джянга все случившееся съ первыхъ же дней; ему точно отголосокъ вторила возбужденная эмирячка, присѣвши въ уголку съ кожей въ рукахъ, но вниманіе слушателей черезчуръ было занято красотой развертывавшихся передъ ними картинъ, чтобы ихъ могли смѣшить выходки больной. Лелья притаила дыханіе, двигалась тихо и только изрѣдка ея блестящій взглядъ останавливался на разсказчикѣ. Даже Уйбанчикъ слушалъ съ большимъ интересомъ: до того все, что разсказывалъ Джянга было правдиво и, вмѣстѣ съ тѣмъ, красиво и ярко. Уйбан-

чикъ удивлялся: онъ все это видѣлъ и переживалъ самолично, но ничего тогда не замѣчалъ, и только теперь, отраженное въ умѣ брата, все прошлое предстало въ его воспоминаніяхъ во всей своей чудесной прелести.

Только конецъ разсказа прозвучалъ диссонансомъ.

— Упустили... послѣдняго?—переспросилъ тунгусъ.

— Упустили, — равнодушно отвѣтилъ Джянга, — настъ намерзъ толстый на снѣгахъ... не проломить — убѣгаютъ звѣри!

— Упустили... послѣдняго... нехорошо!

— Ты поймалъ бы его?—спросилъ насмѣшливо охотникъ.

— Конечно, нужно было вамъ...

Но Джянга не дослушалъ и двинулся къ выходу показывать хозяйкѣ добычу.

По серединѣ двора, гдѣ стояли нарты, въ кругу дѣтей, хлопавшихъ въ ладоши, при лаѣ собакъ, забавно притоптывалъ и танцовалъ Нерпа, одѣтый въ сюртукъ Павла:

— Посмотрите лю-ди... какой я теперь... мохнатый русскій... Бу-курдукъ, бу-кур-дукъ, а вы, дурни, хлебайте бурдукъ!..

Нерпа подпрыгнулъ и запѣлъ:

Въ углу западнаго неба
Восьмистѣнный мертвый звѣрь,
Двоелапый, троеглазый,
Но безхвостый звѣрь!?.
Эй-яхай!..

— Знаемъ: штаны!—закричали дѣти.

Ыкы-лыкы—чыкы лыкы,
Дружку любятъ,
Къ дружкѣ ходятъ?!

— Пуговицы... пуговицы!—отвѣчалъ поспѣшно хоръ.

Но надо было снести грузъ въ амбары, а звѣря, еще неободраннаго, втащить въ юрту, и игры были оставлены. Всѣ принялись за работу.

Между тѣмъ Уйбанчикъ просматривалъ книги Павла, оставленныя на полкѣ, и разспрашивалъ о пріѣзжемъ тунгуса.

— Ученый?

— Кто его знаетъ.

— Хорошій? „Псы-псы... хо-ло-гія“...— съ трудомъ разбиралъ Уйбанчикъ.

— Скупой!

— Кто для васъ, разбойниковъ, напасется? Ограбили вы его вѣрно совсѣмъ,—ворчалъ юноша по-русски.—Что... очки носитъ?

— Носитъ!

— Всегда?

— Всегда!

— „Соц-соціо-логія“... — принялся онъ за второе заглавіе.—Что, онъ разговариваетъ по-русски или иначе?

— Должно быть по-русски... кто его знаетъ!

— А по якутски малъ-мало понимаетъ?

— Ма-стеръ! А только притворяется, чтобы никому ничего не давать!

— Воронье жадное!.. Все должно быть растащили...—ворчалъ Уйбанчикъ.—„Эко-но-мія“... фу-ты! Буквы будто наши, а не понимаю... А есть и такія, что совсѣмъ не наши... Что? можетъ быть онъ жидъ?

— Должно быть жидъ... Такой скупой и Богу не молится! Уйбанчикъ задумался.

— Э... это ничего... Онъ можетъ быть нашъ, хотя и не молится,—проговорилъ онъ съ разстановкой.—Если онъ, напримѣръ, очень ученый... Такъ зачѣмъ ему попъ, зачѣмъ угодники? Онъ самъ съ Богомъ поговорить въ состояніи.

Уйбанчикъ набожно сдунулъ пыль съ обложки, положилъ книгу на то же мѣсто и, задумчивый, разсѣянный, пошелъ помогать брату. Когда все было положено на своемъ мѣстѣ, обитатели юрты опять собрались кругомъ заставленнаго чашками стола. Первое мѣсто въ этотъ разъ заняли промышленники. Домашніе видимо ухаживали за ними: имъ подсовывали лучшіе куски строганины, наливали чай покрѣпче, къ нимъ обращались съ особенной лаской во взглядѣ и голосѣ. Они принимали все это, какъ нѣчто должное за трудъ, за опасности, которыя несли за всѣхъ, и ѣли и пили за де-

сятерыхъ, такъ какъ теперь уже могли дать себѣ волю. Теплый, спертый воздухъ избы и огромное количество выпитаго чая опьянили ихъ; глаза ихъ потускнѣли, лица потемнѣли, и истома охватила все тѣло. Осовѣлые, съ трудомъ боролись они со сномъ, не желая упустить готовящагося для нихъ ужина.

— Послѣднія двѣ ночи совсѣмъ не спали,—оправдывался Джянга.

— Нерпа... Нерпа!.. Не спи... не хорошо! Поѣдимъ.. тогда!.. — будилъ засыпавшаго мальчика Уйбанчикъ. Но напрасно онъ его дергалъ за ноги, за плечи, даже за носъ: Нерпа лежалъ точно мертвый и что-то невнятно бормоталъ.

Нюстеръ давно уже храпѣлъ на кровати у матери. Наконецъ, и братья-промышленники, добросовѣстно поѣвши все, что имъ приготовили, бросились на нары и уснули тяжелымъ сномъ.

Павелъ и Андрей поздно возвратились домой; они безъ словъ угадали, по нартѣ, оставленной среди двора, по запаху крови и смолы въ избѣ, по тѣламъ оленей, что охотники, наконецъ, вернулись.

— Который толмачъ?.. Который толмачъ?—жадно спрашивалъ Павелъ, понижая голосъ и наклоняясь надъ общей постелью парней.

Андрей показалъ ему на большую курчавую голову, и юноша долго стоялъ, охваченный страннымъ чувствомъ, и всматривался въ это широкое, плоское, мѣдное лицо, застывшее въ глубокомъ снѣ.

VIII.

Затопленный камелекъ разбудилъ Павла, но онъ былъ такъ утомленъ вчерашней ходьбой, что сейчасъ же сталъ засыпать вторично. Нѣкоторое время къ нему долетали людскіе голоса, звонъ посуды, потрескиваніе дровъ, затѣмъ все исчезло, подернутое грезами. И вотъ онъ идетъ по саду, полному прохлады и сумерекъ только что исчезнувшей ночи. Дорожки усыпаны желтымъ пескомъ и мелкой дресвою. Съ обѣихъ сторонъ ихъ повисли яркія, свѣжія, отдохнувшія за ночь розы; ихъ лепестки усыпаны алмазной росою, ихъ полные бутоны нетерпѣливо ждутъ дня. Выше дремлютъ бѣлыя купы спутанныхъ вѣтокъ черемухи, жасмина, сирени, а еще выше повисли высокіе, стрѣльчатые своды яркой зелени липъ, кленовъ и грабовъ. Павелъ прекрасно знаетъ и садъ, и дорожку, тѣмъ не менѣе у него бьется сердце, и все осматриваетъ онъ жадно, точно видитъ ихъ впервые, точно не увидитъ больше. Онъ ждетъ чего-то и съ тревогой глядитъ въ конецъ аллеи, гдѣ у края террасы прозрачная занавѣсъ неба замыкаетъ выходъ. И вотъ всплылъ оттуда легкій, граціозный, желанный силуэтъ, прикрытый туманной чадрой и чуть озаренной розовыми лучами восходящей зари. Она идетъ къ нему, протягиваетъ руку, чадра колеблется и должна упасть... и Павелъ что-то будетъ говорить и будетъ что-то слушать... но въ тотъ же мигъ силуэтъ блѣднѣетъ, расплывается и исчезаетъ въ палевомъ воздухѣ утра...

Павелъ вздохнулъ, но не открылъ глазъ.

И опять снится ему, что, идетъ онъ среди цвѣтущихъ садовъ, но уже не улицей, а широкой дорогой, и на небѣ не утро, а вечеръ.

Среди зелени бѣлѣютъ богатыя, каменныя дачи и виднѣются болѣе скромные домики съ красными черепичными крышами и рѣзными ставнями. Высокія фабричныя трубы высятся тамъ и сямъ. Вдали на горизонтѣ туманно рисуются очертанія большого города и слабый гулъ долетаетъ оттуда. Узкія дорожки, что ни шагъ, убѣгаютъ отъ главной артеріи и точно сѣть мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ исчезаютъ въ глубинѣ садовъ. Павелъ пошелъ по одной изъ нихъ, усаженной по обѣимъ сторонамъ кустами крыжовника и смородины. Въ концѣ разстилается небольшой лужокъ, окаймленный куртинами цвѣтущихъ яблоней. Бѣлые лепестки упавшихъ цвѣтовъ сплошь покрываютъ землю. Весь уголочекъ тихій, пахучій, бѣлый, напоминаетъ зиму, но лишенную холода и жесткости. Подъ деревьями на землѣ сидитъ кучка одѣтыхъ въ лохмотья людей. Это все, такъ называемые отбросы общества: лѣтомъ—поденщики на фабрикахъ и заводахъ, продавцы песку, тряпичники, чистильщики, зимою — воры, нищіе, бродяги, проститутки самаго низшаго разбора и другіе завсегдатаи загородныхъ кабаковъ и тюремъ. Впереди стоитъ на колѣняхъ атлетическаго сложенія рабочій. Павелъ зналъ его, встрѣчался съ нимъ часто...

„Абрагамъ тёрётё Іаковъ, Іаковъ тёрётё Іюда, Іюда тёрётё“... загремѣло вдругъ по-якутски, быстро и четко, будто кто просыпалъ мѣшокъ гороху. Павелъ проснулся и прежде всего увидѣлъ огромную шапку курчавыхъ, черныхъ волосъ, склонившуюся надъ большой книгой въ зеленомъ переплетѣ.

„Давидъ тёрётё Соломонъ, Соломонъ тёрётё“... продолжалъ гудѣть парень, очевидно, наизусть.

Павелъ поднялся и началъ одѣваться; въ то же время изъ-за книги выглянуло широкое, расплывшееся въ самодовольную улыбку лицо съ маленькими, узенькими, точно щелки, глазками.

— А... вы уже встаете?.. Мы должно быть вамъ помѣшали? Мы тутъ читаемъ въ книгѣ, какъ Давидъ родилъ Соломона... — попробовалъ Уйбанчикъ завести ученый разговоръ. — Вы должно быть сапогъ ищете? Вотъ они, на скамьѣ... Подметали избу и положили... Сегодня у насъ праздникъ!..

Павелъ поднялъ голову и дѣйствительно увидѣлъ праздничную картину: по серединѣ юрты, поднявши кверху головы и уставивши глаза въ уголъ съ образами, стоялъ рядъ темныхъ, празднично одѣтыхъ, молчаливыхъ фигуръ. Онѣ чинно крестились и отбивали поклоны, а отъ иконъ лился на нихъ слабый свѣтъ восковыхъ свѣчей и струился дымъ ладона. Церковный запахъ горящаго воска и масла наполнялъ юрту. Павелъ поторопился убраться изъ своего угла, временно превратившагося въ молельню.

Уйбанчикъ, читавшій по его объясненію „для своего удовольствія“, сейчасъ же положилъ книгу и, замѣтивши, что Павелъ ищетъ тазъ и воды, но не смѣетъ шарить по угламъ, поспѣшилъ на помощь.

— Будемъ друзьями... — говорилъ онъ, подавая ему что нужно.—Я знаю одного изъ вашихъ товарищей, что живетъ въ городѣ на площади... Онъ говорилъ вамъ, что-нибудь обо мнѣ?

— Нѣтъ!.. А какъ твоя фамилія?

— Фамилія моя Уйбанчикъ, что значитъ Ваня, а все вмѣстѣ такъ будетъ: Иванъ Матвѣевичъ Трофимовъ рода Эсе, т. е. Медвѣдь, 2-го Юсальскаго наслега Джурджуйскаго улуса, писарь, но не тотъ большой, а маленькій...— пояснилъ онъ съ забавной поспѣшностью. — А васъ какъ звать?

— Павелъ Щербина!

— Щербина?.. И только?

— Только!..—разсмѣялся Павелъ.

Послѣ молитвы якуты подходили по очереди сперва къ Андрею, затѣмъ къ Павлу, который успѣлъ къ тому времени умыться и одѣться, протягивали руки и здоровались. Женщины разставляли на столѣ посуду и готовили завтракъ.

Когда все было готово, всѣ усѣлись у стола, по серединѣ котораго стояли два блюда: одно — полное копченой рыбы, „юкалы", другое — кусковъ мерзлаго масла, „хаяку". Андрей торжественно положилъ передъ каждымъ кусочекъ сахару, а Павелъ, уже немного знакомый съ якутскими обычаями, выложилъ на столъ немного сухарей; Уйбанчику, Джянгѣ и Нерпѣ онъ далъ больше, отдѣльно, пояснивъ:

— Васъ не было, когда я давалъ другимъ.

Лица ихъ озарились дѣтской радостью, даже Джянга дружески кивнулъ ему головою.

— Мы знаемъ вашего товарища, что живетъ въ городѣ...— началъ опять Уйбанчикъ,—и Джянга знаетъ, и Андрей знаетъ. Онъ жилъ у насъ нѣсколько недѣль... Недалеко отсюда по дорогѣ задержала ихъ вода, людей зажиточныхъ ближе не было, вотъ и привезли его сюда... Видите, у насъ тутъ, у бѣдныхъ людей, съ голоду можно умереть... Онъ тоже такой добрый, какъ и вы... Онъ намъ разсказывалъ, что вы не воры и не разбойники, и мы очень этому радуемся и согласны, чтобы вы у насъ жили... А у кого вы займете квартиру? Однако, у Андрея было бы вамъ хорошо: онъ богатый и живетъ по-русски... Есть тоже Филиппъ, богачъ... но черезчуръ скупой и неряха... не стерпите...

— А ты гдѣ живешь?

— Я?.. Я живу отсюда недалеко, верстъ съ десять...

— Недалеко?!.—разсмѣялся Павелъ.

— Ну да: мы это зовемъ въ сосѣдяхъ...

— А ты женатый?

Уйбанчикъ смутился.

— У тебя есть женщина? — повторилъ Павелъ, полагая, что его не поняли.

Темный румянецъ покрылъ лицо и уши Уйбанчика.

— А пошто?

— О чемъ онъ спрашиваетъ?—освѣдомились окружающіе, заинтересованные замѣшательствомъ парня.

— Спрашиваетъ, есть-ли у меня баба?

— Пфуй!.. Кабысь!.. Этта-та!.. — засмѣялись женщины, а

мужчины искоса взглянули на Павла; тотъ понялъ, что сказалъ что-то двусмысленное.

— Да нѣтъ же... не о томъ!.. Совсѣмъ не то... Я спрашиваю, есть ли у тебя жена, потому что хочу знать, есть ли у тебя хозяйство, или ты, можетъ быть, намѣренъ скоро основать его. Тогда я бы поселился у тебя. Здѣсь нехорошо, слова не съ кѣмъ сказать...

— Нѣтъ... Мы люди бѣдные!.. — отвѣтилъ поспѣшно Уйбанчикъ.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ Андрей.

— Онъ говоритъ, что слова не съ кѣмъ сказать...

— А книги? Вѣдь онъ по цѣлымъ днямъ съ ними разговариваетъ... Никто ему не мѣшаетъ, думаю... Ты теперь ходить станешь, онъ къ тебѣ ходить будетъ... Ты живешь недалеко... Скажи ему!

— Что онъ говоритъ? — спросилъ въ свою очередь Павелъ, но Уйбанчикъ не отвѣтилъ, погруженный въ раздумье.

— Эхъ, не то!—сказалъ онъ, наконецъ.—А жить у насъ ты могъ бы развѣ только зимою, потому что лѣтомъ мы уходимъ въ тайгу. Скота не держимъ, домъ лѣтникъ—не домъ, а просто клѣть... Комары съѣдятъ тебя. А, впрочемъ, все равно Андрей не пуститъ...— добавилъ онъ тише.

— Какъ не пуститъ?

Якутъ ничего не отвѣтилъ, повернулся къ Андрею и быстро заговорилъ съ нимъ. Все это очень не понравилось Павлу.

— Я со всѣмъ обществомъ, а не только съ Андреемъ желаю имѣть дѣло!—сказалъ онъ рѣшительно.

— Какъ же... какъ же! Собраніе... непремѣнно собраніе... Мы это сами знаемъ...—утвердительно кивалъ головою Андрей.—Толмачъ есть и собраніе будетъ... только не скоро... Сосѣди теперь заняты: переѣзжаютъ на лѣтнее жилье... на заимки... Ты это время посиди уже у меня такъ, безъ уговора, на пробу, а послѣ, какъ пожелаетъ міръ, такъ и будетъ... Хорошо?!

Павелъ давно уже замѣтилъ, что Андрей почему-то хочетъ удержать его у себя.

Онъ уже настолько узналъ богача, что не приписывалъ этого чрезмѣрному гостепріимству. Ему было непріятно, что его какъ-будто хотятъ дурачить, но дѣться было пока некуда, и онъ подчинился. Послѣ завтрака онъ попросилъ, чтобы ему отвели уголъ. Хотя хозяева хорошо не разобрали, въ чемъ дѣло, и говорили, что весь домъ его, что отдѣлить уголъ невозможно, но послѣ настойчиваго требованія Андрей указалъ на ту же скамью, которую Павелъ занималъ до сихъ поръ. При помощи Уйбанчика, Павелъ устроилъ тамъ себѣ нѣсколько полокъ, вбилъ нѣсколько гвоздей и началъ доставать и развѣшивать давно уже не провѣтриваемыя вещи. Всѣ домашніе съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за нимъ и перешептывались изрѣдка:

— Видѣли?.. Смотрите, смотрите... Зеркало... мыло, три рубахи... сапоги... брюки!.. И все тонкаго сукна!.. Ой!.. ой... богачъ!.. Купецъ!..

Когда же Павелъ открылъ самый большой изъ ящиковъ, полный бумагъ и книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были въ красивыхъ тисненныхъ переплетахъ съ позолотою, всѣ поднялись и окружили его тѣснымъ кольцомъ.

— Все законы?—серьезно спросилъ Андрей.

— Какъ законы? Тутъ не только законы, тутъ, однако, все отъ самаго начала...—отвѣтилъ возбужденно Уйбанчикъ. Онъ жадно хваталъ книги, обдувалъ съ нихъ пыль, обтиралъ плѣсень, осматривалъ со всѣхъ сторонъ, читалъ заглавія и непремѣнно требовалъ, чтобы Павелъ сообщилъ ему ихъ содержаніе:

— Хоть вкратцѣ, хоть такъ...

Затѣмъ все, что слышалъ, онъ переводилъ торжественно и громко.

Дѣти не спускали съ него глазъ; Джянга насмѣшливо поглядывалъ и все толкалъ и щипалъ Лелью, обращая ея вниманіе на Симаксинъ, забавно подражавшую движеніямъ Уйбанчика; тунгусъ ворчалъ недовольный, что другіе гово-

рятъ такъ много; Андрей снисходительно вздохнулъ и усѣлся у камелька поодаль.

Когда Павелъ досталъ послѣднюю книгу и Уйбанчикъ узналъ ея содержаніе, когда затѣмъ онъ убѣдился, что это послѣдняя, нѣкоторое разочарованіе мелькнуло на его возбужденномъ лицѣ.

— Все?.. А та... гдѣ же та?..— спросилъ онъ, заглядывая въ ящикъ.

— Какая?

— Да... главная!..— отвѣтилъ якутъ, замявшись.— Вы не сердитесь, но мы такъ... по глупости!.. Есть, говорятъ, такая на югѣ... золотыми напечатана буквами, откуда все можно узнать, гдѣ каждая буква—истина и умъ, и которую, когда прочтешь, то уже никогда не тоскуешь?!.

Павелъ глядѣлъ на него въ изумленіи.

— Такая?.. Такая...— сказалъ онъ, наконецъ, съ улыбкой... — Такой нѣтъ, другъ мой, Уйбанчикъ! А истину мы ищемъ во всѣхъ этихъ книгахъ... Трудно ее, милый мой, находить, она тамъ разсыпана точно крупинки золота въ пескѣ. У насъ на югѣ есть въ городахъ огромные дома, отъ подваловъ до верху набитые разными книгами... Ихъ зовутъ библіотеки...

— Библіотеки...—автоматически повторилъ якутъ.

Павелъ посмотрѣлъ на него внимательно и, замѣтивши, что, погруженный въ раздумье, парень не слушаетъ, умолкъ, отвернулся къ огню и самъ въ свою очередь глубоко задумался.

Вскорѣ они остались только вдвоемъ; остальные разошлись по угламъ каждый къ своей работѣ.

— Ты, Уйбанчикъ, заходи временами...—просилъ Павелъ на прощанье, провожая парня, когда тотъ, взявши часть добычи, выдѣленную ему Андреемъ, вмѣстѣ съ тунгусомъ и Нерпой направился къ воротамъ.

— Какъ же... какъ же! Буду ходить...—дружески кивалъ головою якутъ.

Поскрипывая лыжами, они тронулись въ глубину долины, надъ которой раскинулось темное звѣздное небо. Молодежь

и дѣти проводили ихъ до воротъ и стояли тамъ нѣкоторое время, пока фигуры ихъ не исчезнули во мракѣ. Молодые несли тяжести, тунгусъ что-то разсказывалъ крикливымъ назойливымъ голосомъ, который, точно однообразное жужжаніе овода, долго долеталъ къ нимъ издали. Наконецъ замолкъ и онъ. Павелъ обернулся и увидѣлъ, что Джянги и Лельи уже нѣтъ, что остались только дѣти и старая Симаксинъ.

IX.

Со временемъ Павелъ убѣдился, что это было единственное общество, на которое онъ могъ разсчитывать. Дѣти скоро его узнали и полюбили. Если отецъ или мать хотѣли ихъ наказать, они прятались къ нему подъ столъ или на кровать, увѣренные, что „нучча берехтере суохъ“—русскій не дастъ! Симаксинъ, также благодарная, что онъ ее никогда не дразнилъ, не мучилъ, а раздавая подарки не обходилъ, тоже была къ нему очень расположена и всячески старалась это выказать, но всякую ея услугу отравляло невообразимое ея неряшество. Нюстеръ первое время тоже льнулъ къ нему, и они были бы навѣрное друзьями, если бы Павлу не пришла въ голову мысль учить мальчика грамотѣ. Андрей приказалъ, и послушный отцу якутенокъ нѣсколько дней потѣлъ и мучился, стараясь запомнить знаки и звуки, путая, коверкая и возбуждая среди младшей родни много смѣха и шутокъ. Наконецъ, онъ добился у отца согласія бросить ученье, да и Павелъ, чувствуя, что ничего не выйдетъ безъ предвари-

тельнаго его знакомства съ языкомъ, не настаивалъ. Съ остальными домашними отношенія его мало-по-малу снизошли до краткихъ: „такъ“ и „нѣтъ“, которыя онъ уже зналъ твердо по-якутски. Андрей, правда, пробовалъ кой-когда вступать съ нимъ въ болѣе пространные разговоры, но несмотря на обиліе жестовъ и восклицаній, кончались они всегда обоюднымъ недоразумѣніемъ и неудовольствіемъ. Дольше всѣхъ не оставлялъ его разговорами тунгусъ; онъ всякій разъ, посѣщая Андрея, удостоивалъ Павла бесѣды на какомъ-то ему одному извѣстномъ языкѣ, гдѣ мелькали исковерканныя русскія, тунгусскія и якутскія слова съ прибавленіемъ совсѣмъ неопредѣленныхъ звуковъ. Повидимому, и самъ ораторъ плохо понималъ ихъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ въ претензіи.

— Почему не отвѣчаешь? Почему молчишь?.. Вѣдь это по-русски... Сидишь и молчишь и никакой отъ тебя людямъ пользы!..

Павелъ иногда пробовалъ хоть что-нибудь уловить изъ его галиматьи, но большей частью неудачно. Случалось, что по виду онъ слушалъ, а въ дѣйствительности думалъ про себя и такъ привыкъ къ этому, что разговоры ему совсѣмъ не мѣшали.

— Не говоритъ, потому что не хочетъ!..—рѣшили всѣ въ одинъ голосъ и оставили его въ покоѣ. Впрочемъ, съ того времени, какъ раскрылась тайна его ящиковъ, сильно ослабѣли и интересъ къ нему и пламенныя чувства. Бурный періодъ знакомства съ якутами миновалъ. Имъ перестали интересоваться, его меньше тревожили, и это его сильно радовало. Онъ чувствовалъ въ душѣ такія нетронутыя сокровища молодости, силъ, вѣры и надежды, что, казалось, ихъ хватитъ ему на долго.

„Между тѣмъ выучусь по-якутски и исчезнетъ, наконецъ, препятствіе, отдѣляющее меня отъ жизни: теперь все видишь, но участія принять не можешь!“

Наступающая весна по старой привычкѣ не давала ему, впрочемъ, сильно уходить въ самого себя. Его тянуло въ степь, въ тайгу, хотѣлось осмотрѣть неизвѣстные уголки пустыни, надышаться теплымъ воздухомъ, налюбоваться

солнцемъ. Но онъ ошибся, въ чемъ убѣдили его два-три неудачныхъ опыта. Хотя снѣга сильно уже подтаяли и сквозь нихъ, какъ сквозь рванное рубище, просвѣчивала земля; хотя уже прилетѣли вороны—здѣшнія ласточки,—окрестности все еще продолжали вызывать ощущеніе гнетущаго однообразія и мертвенности. Снѣгъ, лужи воды, прошлогоднія травы и опять снѣгъ, лужи воды и все тѣ же кусты и травы. Сосѣди жили далеко, а если и случалось зайти къ кому-нибудь, то встрѣчалъ все тѣ же малопонятныя фразы, обращеніе, полное все той же церемонной вѣжливости и выжиданія. Все уже вошло въ свою колею, было такъ же однообразно и скучно, какъ разстилающаяся кругомъ равнина, гдѣ можно было ходить пока только по дорогѣ. Приходилось ждать словъ, чтобы проникнуть въ глубину жизни, а слова и фразы, совершенно чуждыя, трудныя, запоминались и воспроизводились туго. Павелъ предпочелъ, пока не сойдутъ снѣга, сидѣть дома и наблюдать, что тамъ происходитъ.

На однообразномъ сѣромъ фонѣ окружающей жизни, миловидная фигура Лельи прежде всего привлекла его вниманіе. Несмотря на грязь, смуглый цвѣтъ тѣла, на плоскія черты лица и непріятный запахъ дурно выдѣланнаго мѣха на ея платьѣ, — онъ долженъ былъ сознаться, что она недурна собой. Отъ ея движеній, легкихъ, граціозныхъ, порывистыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свободныхъ—вѣяло лѣсомъ; ея темные, бархатные глаза смотрѣли тревожно и кокетливо, а тонкая гибкая фигура, съ широкой мужественной грудью и узкими бедрами, сама-собою напрашивалась на сравненіе съ молоденькой елкой, еще не тронутой непогодою, или съ стройной, только что расцвѣтающей березкой. Стеклянныя и серебряныя украшенія, покрывающія ея мѣховой передникъ, бусы и монеты, густо унизывающія ея косы, длинныя серебряныя серьги, свѣшивающіяся на плечи, увеличивали еще это сходство, блистали, точно капли росы, на темномъ мѣхѣ ея платья.

Наблюдая за дѣвушкой, Павелъ не могъ не замѣтить завязывающейся кругомъ нея драмы. Ему было жаль Лелью, но ни сочувствія, ни защиты онъ не могъ выказать, безъ

риска вызвать только новыя осложненія. Это онъ скоро понялъ. Даже то слабое вниманіе и подарки, которые онъ, впрочемъ, старался дѣлать въ то же время и другимъ, были замѣчены и толковались дурно.

Однажды, еще въ началѣ, когда, заинтересованный узорами ея серебряныхъ украшеній, онъ приблизился къ ней, чтобы разглядѣть ихъ лучше, дѣвушка отскочила отъ него съ крикомъ испуга, точно дикая коза; только суровое приказаніе отца, который въ то время еще протежировалъ Павлу, остановило ее. Чтобы убѣдить дикарку, что онъ не намѣренъ сдѣлать ей зло, Павелъ взялъ въ руки край ея передника и чрезвычайно смутился, коснувшись ея голой, колышущейся груди, прикрытой только этимъ передникомъ. Присутствующіе мужчины смѣхомъ встрѣтили его замѣшательство, а у дѣвушки въ глазахъ блеснули слезы, и она зардѣлась, какъ брусника. Нюстеръ, Нерпа, Джянга, даже Андрей и его жена долго преслѣдовали дѣвушку этимъ смущеніемъ русскаго, и та до тѣхъ поръ дулась и бросала на Павла гнѣвные взгляды, пока онъ не догадался совершенно не обращать на нее вниманія.

Такъ жилъ онъ среди нихъ одинокій, грустный, молчаливый и праздный.

И у другихъ обитателей юрты особенныхъ занятій не было. Домашніе кой-что дѣлали, но больше развлекались. Андрей, если былъ дома, то обыкновенно сидѣлъ посрединѣ

передъ камелькомъ и молчаливо глядѣлъ на то, что творится кругомъ; Нюстеръ и Джянга чинили сѣти; имъ помогалъ кто-нибудь изъ младшихъ сыновей Андрея; остальныя дѣти и женщины толкались больше на женской половинѣ дома. Тамъ вѣчно мяли кожи и что-то шили. Вечеромъ на дворѣ происходили какія-то игры, судя по возгласамъ, шуму и смѣху, но все это мгновенно утихало, лишь только являлся кто-либо изъ старшихъ, Андрей или Павелъ. Павелъ жилъ совсѣмъ особнякомъ, и жажда жизни, понятнаго слова, дружеской улыбки, разнообразія охватывала его подчасъ съ мучительной силой. Неудивительно, что появленіе Уйбанчика, который аккуратно посѣщалъ его каждый праздникъ, сильно волновало его. Парень, казалось, раздѣлялъ его ощущенія. Вытянувшись на нарахъ и подперевъ курчавую голову руками, онъ готовъ былъ, не мѣняя позы, по цѣлымъ часамъ слушать разсказы объ этихъ чудесахъ, болѣе чудесныхъ, чѣмъ самыя сказки, объ этихъ земляхъ, гдѣ солнце такое жгучее, гдѣ жизнь такъ кипитъ, гдѣ многолюдные города гуще стоятъ, чѣмъ ихъ усадьбы въ долинѣ; объ огромныхъ зданіяхъ, построенныхъ изъ кирпича и камня — высокихъ, крутыхъ, точно утесы; гдѣ улицы длинны и узки, точно ущелья... Онъ жадно слушалъ объ этихъ людяхъ, что вмѣсто собаки и оленя впрягли въ желѣзные поѣзда огонь и воду; что плаваютъ по безконечнымъ морямъ на корабляхъ, похожихъ на острова; слушалъ, какъ пробуютъ они летать по воздуху, какъ они покорили невидимыя силы, страшныя молніи, и какъ заставили ихъ носить далеко человѣческія слова и работать... Слушалъ... и глаза у него лихорадочно загорались.

— А все, сказываешь, потому, что хлѣбъ ѣдите?

— Ну, не совсѣмъ... Но и мы когда-то были бѣдными, какъ вы, рыбаками и промышленниками.—Тутъ Павелъ пробовалъ кратко сообщить ему все, что зналъ по исторіи культуры европейскихъ народовъ. Разсказывалъ о постоянно возрастающей ихъ мощи, богатствѣ, преуспѣяніяхъ, по мѣрѣ мирнаго сотрудничества.—И нѣтъ имъ предѣла... Развѣ что солнце потухнетъ раньше, чѣмъ люди зажгутъ себѣ соб-

ственное...— закончилъ онъ и, взволнованный, сталъ ходить по избѣ.

— А мы? Что же мы?—спросилъ помолчавъ Уйбанчикъ. — Я бы хотѣлъ васъ о чемъ-то спросить, но... стыжусь...

— Стыдишься?.. Чего же ты стыдишься? — спросилъ Павелъ, останавливаясь и разсѣянно взглядывая на якута. Парень молчалъ, а Павелъ, занятый своими мыслями, уже не повторилъ вопроса.

Въ избѣ всѣ давно уже спали, а русскій все еще ходилъ, задумчивый и взволнованный.

X.

Обувь, шитая нитью жильною,
Разукрашена складно-рубчато,
Со голяшками со шелковыми.
Бедра стройныя — сплошь узорчаты,
Поясница-то ровно клѣтчата,
А крѣпка спина — крупно-пестрая...
Крылья стрѣльчаты, мелко-зубчаты,
Перья легкія серебристыя,
Кости кованы—золоченыя,
Глотка толстая вся въ крапиночкахъ,
Клювъ, каленый рогъ, кривъ-кривехонекъ,
Голосъ мѣдный — звонъ переливчатый,
Тѣло плотное, коренастое...
Прилетѣлъ ты къ намъ, птичій царь-орелъ!
Впереди тебя снигирей стада,
Позади тебя — подорожники...
Съ облаковъ упалъ ты на темный боръ,
Девяти деревъ верхи въ горсть собралъ,
И усѣлся ты господиномъ здѣсь
И господствуешь, поднявъ голову,
Украшаешь лѣсъ звучной пѣснею...

Пѣлъ Джянга, стоя въ воротахъ „лѣтника“ Андрея, куда вся семья перебралась уже нѣсколько дней тому назадъ. Парень смотрѣлъ вдаль и пѣлъ какъ будто для себя, но за

спиной его столпилась кучка сосредоточенно слушавшей молодежи. Немного въ сторонѣ стояли Павелъ и Уйбанчикъ, стихъ за стихомъ переводившій русскому импровизацію брата. Павелъ слушалъ и разсѣянно слѣдилъ за полетомъ лебедей, гусей и другихъ птицъ, летѣвшихъ густыми стаями на сѣверъ. Выше плыли сѣрыя, золотистыя тучки, а небо было голубое и воздухъ прозрачный, теплый, насыщенный солнечнымъ блескомъ.

— Ахъ, какъ это хорошо!.. Я только не умѣю высказать, но это очень хорошо!—вздохнулъ переводчикъ, послѣ того, какъ умолкло пѣніе.

— Нравится тебѣ?

— Какъ не будетъ нравиться?! И тебѣ бы понравилось, еслибъ высказать...

Павелъ ничего не отвѣтилъ. Дикій напѣвъ, похожій не то на карканье воспѣваемаго орла, не то на волчій вой, совсѣмъ ему не понравился, а послѣднія слова, описывающія „темный боръ“ до того не шли къ окружающимъ ихъ зарослямъ, что ему, знакомому съ лѣсами юга, стало смѣшно.

Надъ лѣсомъ какъ разъ безпокойно носилась пара большихъ пестрыхъ орловъ, очевидно, въ тщетныхъ поискахъ „девяти нужныхъ лиственницъ“.

— Да, слова недурны!.. — отвѣтилъ Павелъ, не желая огорчать друга.

Широкое лицо Уйбанчика стало еще шире отъ удовольствія.

— Еслибъ ты зналъ по-якутски, ты бы самъ увидѣлъ, какія у насъ хорошія пѣсни о богатыряхъ, о ихъ промыслахъ и битвахъ... Джянга знаетъ ихъ безъ счету...

— А ты?

— Я—нѣтъ!—отвѣтилъ, краснѣя, Уйбанчикъ.—Я ни пѣть не знаю, ни сѣтей хорошо, какъ другіе, поставить не могу, ни на лодкѣ плавать, ни стрѣлять, ни топоромъ, ни ножомъ строгать... какъ другіе... Семь лучшихъ лѣтъ въ городѣ въ школѣ просидѣлъ... Насъ вѣдь заставляютъ идти въ ученіе... Каждый наслегъ, каждый родъ даетъ мальчика. Когда я воз-

вратился—совсѣмъ чужой сталъ, родители забыли меня и любить перестали, всѣ подсмѣивались, никто не жалѣлъ... Ничего я по-якутски не зналъ, ничего не могъ... всему сызнова учиться пришлось и уже не буду никогда настоящимъ якутомъ... Чего я натерпѣлся... Убѣгу въ лѣсъ, спрячусь и реву громко, точно малое дитя, а былъ я уже большой мужикъ... Вотъ видишь: Филиппъ ѣдетъ! Сейчасъ начнется собраніе! — перемѣнилъ онъ тонъ и показалъ на темную, грязную ленту дороги, извивавшейся по долинѣ среди бѣлыхъ пятенъ тающаго снѣга и рыжихъ проталинъ, среди кочекъ и прошлогодней травы.

Павелъ повернулъ голову въ указанномъ направленіи и увидѣлъ нѣсколькихъ всадниковъ, ѣхавшихъ гусемъ. Стаи всполошенныхъ чаекъ и воронъ съ крикомъ рѣяли надъ ними.

— Филиппъ, Моора и еще кто-то третій... должно быть Длинный... Всѣмъ гнѣздомъ двинулся старикъ! — поясняли зрители.

— Ѣдутъ!.. Хой, хой!.. Ѣдутъ!..

Посланный съ этой вѣстью подростокъ шмыгнулъ въ юрту, откуда сквозь открытыя двери долетали многочисленные голоса ожидающихъ. Сейчасъ же оттуда вышло нѣсколько любопытныхъ; вышелъ и Андрей, одѣтый по праздничному въ богатую песцовую шубу, крытую плисомъ. На головѣ у него была дорогая бобровая шапка, съ верхомъ изъ лапъ чернобурой лисицы; лѣтнія, новыя „сары“ *) украшены широкимъ „биле“ изъ зеленаго сукна. Онъ на ходу поспѣшно застегивалъ серебряный узорчатый поясъ; минуя Павла и Уйбанчика, Андрей оглядѣлъ ихъ внимательнымъ взглядомъ.

Филиппъ уже въѣзжалъ въ ворота; онъ былъ толстъ, надутъ и совсѣмъ такъ же одѣтъ, какъ Андрей. Джянга подскочилъ и придержалъ его коня за узду, а Андрей придерживалъ его самого за локоть, притворяясь, что помогаетъ

*) „Сары“ — мягкая обувь изъ выдѣланной, черной кожи, обыкновенно украшенная цвѣтной, суконной оторочкой „биле“.

ему слѣзть съ высокаго сѣдла. Другіе съ почтеніемъ стояли вдали.

— А!.. *Байбалъ-нучча!*.. Какъ поживаешь. Сказывай! — закричалъ богачъ, увидѣвши Павла. Онъ снялъ съ головы дорогую шапку, съ рукъ мѣховыя, шитыя стеклярусомъ, перчатки и важно подошелъ къ русскому.

— Сказывай, догоръ (другъ)!..

— Ничего нѣту! — отвѣтилъ Павелъ и невольно поморщился. Все убѣждало его, что изъ желаннаго, непосредственнаго объясненія съ міромъ ничего не выйдетъ, „кромѣ рѣшеннаго“, какъ наивно увѣрялъ его Уйбанчикъ. И вотъ эта-то непріятная и фальшивая церемонія начиналась, единственно благодаря непонятному упрямству Андрея, который вдругъ задурилъ, отказался отъ почти уже заключеннаго договора на квартиру со столомъ и сталъ непремѣнно требовать обсужденія этого вопроса на мірской сходкѣ.

Филиппъ все стоялъ передъ Павломъ, придумывая, что бы сказать такое умное, ловкое и любезное, какъ того требуютъ приличія.

— Читаешь?.. Все читаешь! — сказалъ онъ, наконецъ. — Ну, читай, читай!..

Онъ улыбнулся, кивнулъ головой и пошелъ къ юртѣ, имѣя по правую руку Андрея, а сзади двухъ сыновей, наслѣдниковъ, одѣтыхъ въ толстые бѣлые балахоны изъ верблюжьяго сукна, обшитые по краямъ широкой черной плисовой тесьмой. Кафтаны были одинаково прочны, обильны складками на бедрахъ и сзади; рукава у нихъ были съ буфами, широкіе, пуговицы серебряныя; но братья не походили другъ на друга. Моора—плотный, толстый, шагалъ тяжело и развалисто, точно рабочій быкъ; „Длинный“ — тонкій и юркій, любимчикъ матери, двигался черезчуръ торжественно, смѣшилъ всѣхъ и самъ улыбался глазами. Минуту спустя, на дворѣ остались только Павелъ и Уйбанчикъ. Павелъ видимо скучалъ и вяло слѣдилъ за полетомъ все продолжавшей летѣть съ юга птицы; Уйбанчикъ посматривалъ на него и бормоталъ отрывки словъ, порываясь что-то сказать и не смѣя.

Только видъ вышедшаго изъ юрты Джянги заставилъ его быть рѣшительнѣе:

— Помни, что говорилъ тебѣ: не давай, а требуй; должны присудить!.. Рыбу ловить, звѣря промышлять не знаю, сѣна также косить не умѣю, ничего не могу... Жить, однако, долженъ... Изъ чего жить буду?.. Рыбы ловить, звѣря промышлять не умѣю... Помни...—твердилъ Уйбанчикъ точно урокъ ненадежному ученику.

Все это разсмѣшило Павла, и когда Джянга сообщилъ ему, „что господа уже собрались и ждутъ", онъ пошелъ въ юрту веселый и благодушный.

Тамъ кругомъ уже разсѣлись міряне: на почетныхъ мѣстахъ, на нарахъ подъ образами, помѣстились самые почетныя и уважаемыя лица, по степенямъ своего богатства, вліянія и старшинства, разодѣтыя въ разноцвѣтные суконные балахоны; дальше, позади и ближе къ дверямъ, столпились менѣе почетныя, одѣтыя въ мѣха и оленьи кожи. Женщинъ и дѣтей не было видно; только въ темныхъ углахъ слышался сдержанный шопотъ.

— Ну, такъ что-же скажешь? Чего отъ насъ требуешь?— началъ Филиппъ, когда Павелъ занялъ около него предназначенное ему мѣсто.

— Ничего отъ васъ не требую, а только дѣться мнѣ некуда... Андрей меня не хочетъ принять на квартиру, а другихъ я... не знаю! — отвѣтилъ громко Павелъ. — Вы знаете, что я здѣсь не по собственному желанію, что страна моя не хуже вашей... — продолжалъ онъ, взглядывая на окружающихъ.

— Пхи! — отвѣтили якуты въ одинъ голосъ. — Какъ же можетъ быть хуже!.. Знаемъ! Твой край южный; одно слово: солнечный!

— Тамъ я могъ обходиться безъ чужой помощи, а здѣсь— рыбы ловить, какъ вы, не умѣю, звѣря промышлять тоже, сѣна — никогда не косилъ...— повторялъ онъ съ улыбкой поученія Уйбанчика.

Тотъ на видъ равнодушно переводилъ слова Павла и только изрѣдка подмигивалъ ему одобрительно.

— Само собою... Откуда знать можешь?! — соглашались присутствующіе.

— А пока выучусь все это дѣлать, съ голоду умереть могу!..

— Боже, упаси!.. Грѣхъ! Развѣ, что у самихъ ничего не будетъ!..

— За деньги здѣсь того, что для жизни нужно, не достанешь... У васъ есть на продажу мѣха, кожа, мамонтовая кость. Но пищи, какъ вижу, нѣтъ обычая продавать... Не такъ-ли?

— Что и говорить: за послѣдняго мы бы считали человѣка, что даромъ божьимъ торгуетъ!

— Вотъ видите! Что поймаете, то сами поѣдите, что возможно отложить—откладываете, а лишнее отдаете тѣмъ, кто нуждается, кому на промыслахъ не везетъ, кто боленъ... Не такъ-ли?

— Истинная правда... Должно быть о сосѣдскихъ гостинцахъ говоритъ?—догадывались слушатели.

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Павелъ, возростало всеобщее удивленіе и любопытство. Откуда все это онъ знаетъ? Слушатели толпились все ближе къ нему, не желая упустить ни слова, влѣзали другъ другу на плечи, становились сзади на стулья. Въ скоромъ времени этотъ амфитеатръ потныхъ бронзовыхъ лицъ выросъ до потолка.

— Я не могу брать у васъ этихъ подарковъ, я не могу отплатить тѣмъ-же; къ тому же они черезчуръ случайны, а мнѣ нужно ѣсть постоянно... Не такъ ли?

— Еще бы? Само собою!..

— Даже если бы вы согласились мнѣ продавать пищу, то безъ мірского согласія этого не устроишь. На промыслы лѣтомъ, говорятъ, расходитесь далеко, я не знаю дорогъ... Затѣмъ, какъ узнать, у котораго охотника лишекъ? Промышленники должны были бы сами мнѣ поставлять добычу, а кто же согласится ходить во-время промысла? Домовъ, не занятыхъ, для житья годныхъ, тоже нѣтъ... Трудно здѣсь жить одиноко въ глухой вашей тайгѣ!

— Это пойметъ и малое дитя! Земля наша ледяная!

— Думаю, что было бы лучше и для меня, и для васъ,

если бы общество нашло мнѣ уголъ у какой-нибудь семьи. Мнѣ немного нужно: нару для спанья, полку для книгъ и немного той пищи, какую сами ѣдите... Я не требователенъ...

Поднятая вверхъ любопытствомъ волна человѣческихъ лицъ быстро стала падать. Произошло замѣшательство, движеніе, и нѣсколько стоявшихъ впереди якутовъ юркнуло и скрылось въ толпѣ.

— Я знаю, что вы люди убогіе, что живете скудно, и не требую, чтобы вы дѣлали разницу... Буду жить, какъ вы... Постараюсь, чтобы вы видѣли во мнѣ вашего... друга, — добавилъ онъ съ нѣкоторой горечью.

— Да... да... непремѣнно! И я такъ думаю!.. А только ты хорошо сказалъ, русскій, что мы люди бѣдные, — со вздохомъ промолвилъ Филиппъ.

— На свое содержаніе получаю отъ правительства ежемѣсячно двѣнадцать рублей. Возьмите изъ этихъ денегъ сколько думаете, что мое содержаніе будетъ стоить... Можете даже взять все... это не мои... не заработанныя... Я знаю, что только работой за жизнь можно платить... Но что же дѣлать: пока никакого труда взамѣнъ вамъ дать не могу! Возьмите все, а мнѣ только платье на зиму нужно... Не переношу вашихъ холодовъ... Болѣю...

Волна любопытныхъ опять поднялась и плотнымъ кольцомъ окружила Павла. Уйбанчикъ, разсерженный, вдругъ пересталъ переводить. Побуждаемый старшими, онъ заставилъ себя повторить все еще разъ и нехотя разсказалъ съ пропусками. На мгновеніе всѣ замолчали. Павелъ ждалъ.

— Ну какъ же? Какъ общество? — спросилъ онъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ.

— Этого такъ, сразу, нельзя рѣшить,—отвѣтилъ Андрей.— Это нужно обсудить... по-якутски, не спѣша... Что кому и какъ, отъ кого слѣдуетъ по закону и справедливости... Что будемъ въ состояніи сдѣлать — сдѣлаемъ, что должны устроить — устроимъ... А только, думаю, нѣтъ такого закона, чтобы даромъ давать... Скажи ему, Уйбанчикъ: что его — то его, что наше — то наше!

— Вѣрно!.. Изо рта ты вынулъ у меня, Андрей, это слово: что его — то его, что наше — то наше! А и нѣтъ, думаю, такого закона... навѣрно нѣтъ, чтобы даромъ давать! По крайней мѣрѣ такъ выходитъ по нашему, по-якутски. Не правда ли? Что? — обратился Филиппъ за поддержкой къ окружающимъ.

— Непремѣнно!..— отвѣтили всѣ хоромъ.

— Ты, русскій, посиди здѣсь, а мы пойдемъ посовѣтуемся!—рѣшилъ Андрей, и далъ знакъ къ выходу. Всѣ встали шумно и, надѣвъ шапки, толпой хлынули на дворъ. Остались только Павелъ, Уйбанчикъ, нѣсколько женщинъ, вполголоса разговаривавшихъ о своихъ дѣлахъ, да старый Матвѣй, который никакъ не могъ разыскать потерянной шапки. Проходя мимо Павла, онъ неодобрительно потрясъ сѣдыми кудрями и шепнулъ:

— Худо, совсѣмъ худо!.. Не смѣта!..

Павелъ понялъ, что сдѣлалъ какой-то промахъ, но въ чемъ онъ заключался, не могъ разобрать. Да и нечего было тужить—не поправишь! Что будетъ, то будетъ!

Между тѣмъ якуты, облюбовавъ поблизости бугорокъ, усѣлись на немъ въ кружокъ, на землѣ, по-турецки, подобравъ подъ себя ноги. Посерединѣ помѣстились почетные родовичи, лицомъ къ центру, за ними, полу-стоя, полу-сидя—менѣе почетные; молодежь, дѣти, женщины стояли кучками, опираясь другъ на друга. Глаза всѣхъ были устремлены на Андрея, но онъ отказывался говорить первымъ:

— Есть болѣе почетные и старшіе... — говорилъ онъ скромно.—Начинайте, однако, Филиппъ!..

— Что жъ... Развѣ начну?.. Потому что я это могу... я объ этомъ давно думаю... Этотъ русскій... Эхъ!.. Что тутъ много толковать!.. Однимъ словомъ: брать, когда есть, брать, когда даетъ! Двѣнадцать рублей... Шутка ли?.. Деньги не малыя... Это въ годъ... составитъ... гм!..

— Сто сорокъ четыре,—подсказалъ Андрей.

— Вотъ видите: полтора мѣшка! А что онъ съѣстъ? Что съѣстъ, спрашиваю? Всѣ мы знаемъ, какъ дурно онъ ѣстъ... Клюнетъ вилкою по сковородѣ, точно куликъ, и только...

Избы тоже не убудетъ, если займетъ уголъ... А деньги плывутъ и плывутъ... Такъ-то я понимаю. Вѣрно? Брать, говорю, и сейчасъ же условіе писать на годъ, на два... писать и печати прикладывать, чтобы отказаться нельзя было, когда одумается... А вы что-же скажете, Андрей? Хорошо говорю?!

Андрей не отвѣтилъ, не поднялъ опущенныхъ вѣкъ и только улыбнулся многозначительно.

— А и то правда!.. — менѣе увѣренно продолжалъ богачъ...—Можно попросить прибавку, можно попросить... Мнѣ его не жалко... Потому что, куда дѣнется? Ѣсть, пить долженъ; въ дровахъ тоже нуждается, а гдѣ у него быкъ, собаки или олени, чтобы возить? Лопнетъ, а дастъ... Сколько захотимъ, столько и дастъ!.. А только: сколько просить? Двѣнадцать самъ даетъ. Богатаго должно быть человѣка дитя! Я такъ думаю: попросимъ пятнадцать или, можетъ быть... двадцать! — добавилъ онъ и умолкъ, пораженный размѣрами назначенной имъ суммы.

— Что же, можно и попросить!— согласился неожиданно Андрей.—Для меня все равно; я на все согласенъ, какъ общество рѣшитъ. Просить прикажутъ, буду просить, платить прикажутъ — буду платить! Не впервые: платить случалось, а слава Богу живу... Платить, — такъ платить; просить — такъ просить!.. На все согласенъ... Міръ—сила, одинъ человѣкъ противъ него не можетъ... Что онъ скажетъ, то и будетъ!

— Вѣрно!.. А только и міръ себѣ худа не желаетъ! — раздались голоса.

— Итакъ, сколько?— спрашивалъ Филиппъ, разсчитывая по пальцамъ. — Пятнадцать... довольно будетъ пятнадцать, думаю!

— Пусть будетъ пятнадцать!.. — поддержали его нѣкоторые и робко взглянули на Андрея.

— А кто-же его къ себѣ беретъ?—спросилъ тотъ рѣзко и поднялъ опущенную до сихъ поръ голову.

Филиппъ посматривалъ на окружающихъ, но медлилъ съ отвѣтомъ.

— Сперва, думаю, уговоримся, сколько дастъ, а затѣмъ уже потолкуемъ... А, впрочемъ, можно и теперь... Гм... я такъ разсуждаю!

— Хорошо: уговоримся, сколько дастъ...—сказалъ, сообразивъ что-то, Андрей и поднялся съ земли.

Якуты возвратились въ юрту; „почтенные“ усѣлись, какъ раньше, на скамьяхъ, а толпа стала поодаль.

— Русскій, мы согласны доставить тебѣ все, что просишь: уголъ теплый и спокойный, пищу и прислугу, но общество находитъ, что ты мало даешь... — торжественно заявилъ Андрей.

Павелъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ у меня больше! Я вамъ говорилъ вѣдь, что столько получаю отъ казны...

— Ладно! Мы слышали. Но самъ посчитай, что тебѣ нужно: нуженъ тебѣ уголъ спокойный и теплый, нужны дрова, нужна вода, нужно топливо, нужна ѣда, посуда. чашки, ложки... все нужно, потому что ты вѣдь ничего не привезъ, кромѣ книгъ... А все стоитъ денегъ...—добавилъ онъ съ удареніемъ.—Деньги за дрова, деньги за огонь, деньги за воду; избу подметать тоже деньги, камелекъ затопить — тоже, дровъ нарубить — деньги, ѣсть-пить — деньги, деньги — рыба, деньги — мясо...— высчитывалъ воротила, разбивая всякую вещь, всякое движеніе на мельчайшія составныя части, оцѣниваемыя на деньги.

И слово это „деньги“ онъ произносилъ часто съ особымъ удареніемъ, что производило на толпу огромное впечатлѣніе. Павелъ улыбался: до того все это было наивно.

— Чего смѣешься?—спросилъ обиженно якутъ.

— Да, вѣдь, все это не будетъ вамъ такъ дорого стоить: камелекъ и для себя топите, воду носите, пищу варите...

— Это для себя... Тебѣ что за дѣло, что мы для себя дѣлаемъ? Мы за это ни у кого денегъ не просимъ?!—быстро отвѣтилъ Андрей, охватывая взглядомъ собраніе.

— А то какъ же? То для себя, а то для тебя! — поддержалъ его Филиппъ. — Я такъ полагаю: нѣтъ такого

закона, чтобы даромъ что-нибудь дѣлать? Какъ думаете, общество?

— Должно быть,—отвѣтило неувѣренно нѣсколько голосовъ.

— Наконецъ, кой-что я самъ себѣ могу сдѣлать. Могу въ очередь принести воды, дровъ нарубить, подмести избу.

Андрей не ожидалъ подобнаго возраженія и долго молча соображалъ.

— Принести воды, подмести избу, растопить огонь...— заговорилъ онъ наконецъ...—А что же будутъ дѣлать наши дѣвки и бабы?.. Куда дѣнутся старики и увѣчные?.. Пошто тебѣ дадимъ у себя дома хозяйничать?!

— Не говори! Слыханное-ли дѣло, чтобы такой большой господинъ у насъ избы подметалъ?.. Насъ за это не похвалятъ!..—закричали присутствующіе всѣ безъ исключенія.

— А сколько же вы хотите?— спросилъ Павелъ.

Андрей подумалъ.

— Семнадцать рублей!

— Семнадцать рублей!..— повторилъ съ изумленіемъ Павелъ.—Безъ хлѣба, безъ соли, безъ мяса, за то только, что сами ѣдите!.. Впрочемъ, хотя бы вы просили даже нѣсколько копѣекъ, больше двѣнадцати дать не могу, потому что нѣтъ больше у меня... Я вамъ сказалъ: столько получаю, а заработковъ здѣсь нѣтъ!

— Какіе заработки!..— Были бы, такъ сами заработали бы...— заговорили вдругъ якуты. — Правда твоя, русскій! Нужно, видимъ, уступить: дай шестнадцать!

— Нѣтъ!

— Пятнадцать!

Павелъ отрицательно закачалъ головою.

— Пятнадцать!—давай пятнадцать.

— Нѣтъ! Сказано: двѣнадцать или везите въ городъ!

Угроза или, можетъ быть, рѣшительный тонъ подѣйствовали. Якуты, видимо, начали колебаться и уступать.

— Въ городъ! Зачѣмъ же сейчасъ въ городъ?— жалостливо упрекнулъ Павла Филиппъ.

— Въ городъ! Ты, должно быть, думаешь, что это то же самое, что пойти отъ меня къ старику Филиппу? Въ городъ и проѣзда теперь нѣтъ, и оленей нѣтъ... Сейчасъ сердишься, будто мы не старые друзья, будто мы не ѣли съ тобой изъ одной чашки? Подожди, мы опять посовѣтуемся, авось, что нибудь можно будетъ сдѣлать... унималъ Андрей Павла, кивая въ то же время мірянамъ, чтобы выходили.

Опять якуты сѣли на бугоръ, образуя пестрый вѣнокъ. Павлу надоѣло сидѣть въ душной юртѣ, онъ вышелъ и сталъ присматриваться къ ходу совѣщанія. Андрей, который началъ было говорить, вдругъ оборвалъ свою рѣчь и уставился на него выжидательно. Павелъ догадался и медленно отошелъ.

— Пусть бы стоялъ, вѣдь не понимаетъ? — замѣтилъ кто-то изъ якутовъ.

— Ты его, должно быть, ладно выспросилъ, — зашипѣлъ Андрей.—Уйбанчикъ, дитя мое, ты бы пошелъ къ русскому, а то ему, однако, скучно!

Уйбанчикъ неохотно повиновался.

— А, что? Говорилъ я! — проговорилъ онъ, становясь около Павла.

— Что же ты говорилъ?

— Не давай, а требуй! Дали-бы. Всѣмъ, что привозятъ съ юга, даютъ... Такой уже у насъ обычай... всякому даютъ! А теперь все у тебя отнимутъ, все до тла!?

— А можетъ быть и не до тла!?

— Эхъ! не знаешь ихъ. Собака не давится, якутъ не стыдится!

— Самъ говоришь, что дали бы, если бы у меня ничего не было.

— Тогда другое! А когда есть, то безъ мѣры брать желаютъ... Таковъ нашъ обычай: сперва возьмемъ, а послѣ даемъ!

— Не только это въ вашихъ обычаяхъ! — усмѣхнулся Павелъ. — Не хорошъ обычай, но только пойми, другъ мой, что я этихъ денегъ не могу беречь...

— Пошто?

Павелъ съ раздраженіемъ пожалъ плечами.

— Я ужъ говорилъ: не могу и только! Пусть берутъ! Чего тебѣ жаль? Книгъ не возьмутъ, а чего больше намъ обоимъ нужно? Зачѣмъ намъ деньги? Что мы съ ними будемъ дѣлать? Тутъ даже на нихъ не купишь ничего, кромѣ рыбы... рыба и рыба... — шутилъ Павелъ, подражая Уйбанчику.

— Рыба... правда, рыба! — согласился повеселѣвшій Уйбанчикъ.

— А рыбу мы и такъ достанемъ!

— А рыбу достанемъ!

Между тѣмъ Андрей внушалъ общественникамъ:

— А что?! Дуракъ?.. Ну!.. Не такой онъ дуракъ, какъ думаютъ нѣкоторые... Двѣнадцать рублей! Сперва думаешь много, а посчитаешь, и совсѣмъ безъ всякой выходитъ пользы. Прежде всего уголъ. Угла кой-какого ему не дашь; на дальней скамьѣ его не положишь. Нужно, чтобы ему не капало, не было холодно, не дуло, и огонь чтобы все его припекалъ. Дрова все жечь надо—богато, потому жалуется: холодно! Въ короткое время, что жилъ у меня, столько дровъ мы сожгли, что иной во всю зиму не поспѣетъ... Дрова нужно все сухія, чистыя, чтобы не воняло, чтобы не дымило! Сейчасъ боленъ: ничего не говоритъ, а голову платочкомъ подвяжетъ и... боленъ! А хуже всего пища. Когда живешь своимъ семействомъ, то, что поймаешь, то и съѣшь, а ничего не поймаешь, то и подождешь, чайкомъ перебьешься, поспишь дольше... Тутъ не то будетъ: добудь, хоть изъ камня добудь... Взялъ деньги, и давай!

И опять слово „деньги“ произнесъ онъ съ особеннымъ удареніемъ, и опять слушатели стали послѣ того тише и внимательнѣе.

— Дашь ему рыбу. Не думайте, что будетъ ѣсть, какъ мы, гнилыхъ сельдей; ему нужно рыбу хорошую. По временамъ мяса, къ чаю масла, молока, сахару; для ѣды купить надо соли, муки, а мука-то вѣдь десять рублей пудъ въ городѣ! Шутка-ли? Ѣсть-то можетъ быть и ѣлъ бы онъ, что

мы; но если отъ ѣды умретъ? Какъ будетъ? Онъ „государскій“ человѣкъ; вы слышали, какъ Уйбанчикъ въ бумагахъ читалъ! Отвѣтъ за него не маленькій. Если что случится, кто отвѣтитъ? Развѣ не тотъ, кто бралъ деньги? Если онъ пожалуется: на кого? На тебя! Если разсердится: кто ближе у него подъ рукой? Ты!.. О люди, люди!.. А кто изъ васъ помѣшаетъ ему, если онъ что дурное задумаетъ? Можетъ быть, такой найдется, только я не знаю... Не говоритъ иногда по цѣлымъ днямъ, сидитъ задумчивый, мрачный, что дождевая туча... Ни разгадать, ни узнать его, ни полюбить... Смотришь, смотришь, и ужасъ тебя охватываетъ, когда стараешься представить, что тамъ дѣлается въ этой иноземной, бородатой, нѣмой головѣ... Говорятъ — добрый, но, можетъ быть, онъ только хитрый. Развѣ такихъ не бывало. Самъ онъ о себѣ говоритъ хорошее, но развѣ родился такой, чтобы о себѣ говорилъ дурное... А я такъ думаю, что хорошихъ сюда не пошлютъ: у себя оставятъ! „Андрей, говоритъ намеднись, я у тебя останусь, возьми двѣнадцать рублей, дай уголъ, пищу“... Предлагалъ самъ, спросите его. Не могу, отвѣчаю, у насъ все міръ. Есть у насъ первые люди, почтенные, богатые, есть средніе, тоже платящіе подати, есть, наконецъ, послѣдніе, имѣющіе умъ... Развѣ будемъ совѣтоваться, какъ люди, обертывающіе два раза кругомъ большого пальца, а три кругомъ указательнаго? Если общество скажетъ: Андрей, возьми! — возьму. Но развѣ оно это сказать можетъ? Посудите сами: дома я одинъ взрослый мужикъ, остальныя — женщины и дѣти. Развѣ можно ихъ оставлять однихъ съ чужеземцемъ? А развѣ я могу бросить трудъ, торговлю, общинную службу? А развѣ не бывало, что эти пріѣзжіе платили намъ при случаѣ зломъ за наше добро? Я думаю, что лучше всего было бы русскому у Филиппа. У кого домъ обширный и высокій, у кого скотъ черный и пестрый?.. Кто спитъ на медвѣжьихъ шкурахъ, ѣстъ жирное мясо, сало рѣжетъ тонко, полощетъ горло топленымъ масломъ, точитъ зубы мягкими костями?.. Вѣдь не я?..

— Эттэ-тэ!.. Андрей!.. И ты все это ему сказалъ? — съ ужасомъ переспросилъ, ежась, Филиппъ.

— У кого сыновья - богатыри, могущіе усмирить русскаго, если онъ разгнѣвается?.. Не у меня!.. Я не хочу накликать на себя бѣдъ съ четырехъ концовъ неба... Я сказалъ!..

— Мцы!.. мцы!.. Нѣ-ѣтъ!.. — качалъ головой старый Филиппъ,—лучше въ городъ...

— Въ городъ?.. Чтобы тебѣ медаль поскорѣе за это дали?—спросилъ насмѣшливо Андрей, касаясь больного мѣста богача.

— Что медаль! — обидѣлся тотъ,—и такъ наговорилъ ты сейчасъ, точно въ сказкѣ!

— Ну хорошо: повеземъ его въ городъ, такъ вѣдь пошлютъ назадъ... Вѣдь не впервые. Будутъ только расходы да лишнія хлопоты...

Краснорѣчіе Андрея произвело желаемое дѣйствіе. Община согласилась доплачивать ему нѣсколько рублей къ двѣнадцати Павла и избавила его отъ нѣкоторыхъ мірскихъ повинностей.

— Понатужься, другъ Андрей... постарайся!.. Онъ привыкъ къ тебѣ... Куда его дѣнемъ, если ты откажешься?! — просили родовичи.

Когда Павлу доложили о результатѣ совѣщанія, не упомянувъ, конечно, по требованію Андрея, о добавочной платѣ, тотъ очень обрадовался. Ему ничуть не улыбалось путешествіе въ городъ по тающимъ болотамъ и озерамъ, по ужасающей дорогѣ. Больше года онъ все ѣхалъ и ѣхалъ безъ конца, и ему изрядно надоѣла кочевая жизнь; ему хотѣлось отдохнуть, оглядѣться, успокоиться.

— А только помни: ѣсть долженъ, что и мы; хлѣба здѣсь нѣтъ, соли тоже; покупать ихъ нужно въ городѣ, а на это нѣтъ уговору... Сахаръ купцы сюда не возятъ, мясо рѣдко у насъ случается... все рыба и рыба!— выторговывалъ Андрей, уже принявши условія.

— Хорошо, хорошо!.. Вѣдь ты меня знаешь, Андрей!... Развѣ я когда-либо привередничалъ?!

— Итакъ, договоръ! Согласенъ!?

— Согласенъ!

Они подали другъ другу руки въ знакъ заключенія сдѣлки, а Филиппъ ихъ рознялъ.

Собраніе начало расходиться. Прощаясь съ Павломъ, родовичи какъ-то особенно жали ему руку. Онъ, не зная о жертвѣ, сдѣланной для него общиной, приписывалъ все это окончательному выясненію отношеній.

— Будемъ друзьями...—сказалъ ему торжественно Андрей, когда они остались одни. — Насилу ихъ упросилъ, чтобы не отсылали тебя въ городъ; дорога—ни пройти, ни проѣхать!.. Пропалъ бы ты!.

Павелъ желалъ бы этому вѣрить; хотѣлъ бы вѣрить, что они поняли, наконецъ, что онъ возможно меньше желаетъ имъ быть въ тягость.

Все еще возбужденный и разстроенный, онъ зажегъ свѣчку, вынулъ дневникъ и сталъ наскоро заносить впечатлѣнія минувшаго дня. Домашніе уже притихли и только въ темномъ углу за печкой хихикала и шепталась молодежь. Вдругъ оттуда вылетѣлъ, какъ будто не по собственной волѣ, молодой якутъ и, покачнувшись, сталъ у самаго стола. Онъ уставилъ глаза въ землю, руки покорно опустилъ внизъ, видимо пристыженный и оробѣвшій.

— Чего нужно?—спросилъ Павелъ, замѣтивши, что тотъ не уходитъ. Якутъ поднялъ руку къ лицу и забормоталъ что-то, пощипывая жидкую бороденку.

— Бор-ро-да!.. — закаркалъ изъ угла искусственнымъ басомъ Нерпа. Павелъ съ любопытствомъ взглянулъ на стоящаго передъ нимъ рыбака, и его отуманенный задумчивостью взглядъ на мгновеніе встрѣтился съ робкимъ, молящимъ взглядомъ инородца.

— Что тебѣ нужно? — спросилъ онъ мягче.

Якутъ все бормоталъ что-то непонятное; Павелъ понялъ только:

— Докторъ... лѣкарство... волоса...

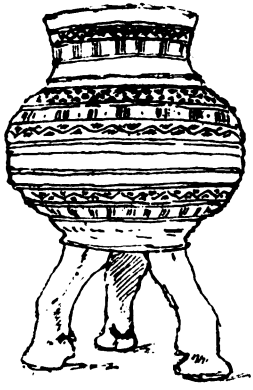
— Уу... у... озорники! — возмутился Уйбанчикъ.—Что вы ихъ слушаете? Имъ-бы только все насмѣшки... Втолковали ему, что вы докторъ и что у васъ лѣкарство отъ волосъ... въ банкѣ съ чернилами... Дурачье!..

— Да что-же ему волоса мѣшаютъ?— спросилъ Павелъ, краснѣя и незамѣтно касаясь своей бородки.

— Хотя и мѣшаютъ... однако, что говорить... больше... отъ глупости...—рѣшилъ не безъ колебанія ученый.

„Козакъ", такъ какъ это былъ именно онъ, постоялъ еще минуту, вздохнулъ, перекрестился и, неловко поклонившись Павлу, собрался уйти.

Павелъ протянулъ ему руку и крѣпко, дружески, пожалъ ее.



XI.

Стаяли снѣга. Ледъ исчезъ, спрятался въ глубину земли подъ мохъ, подъ дернъ; еще на озерахъ мѣстами плавали остатки его и, гонимые вѣтромъ, ударяя другъ о друга, вносили въ шумъ волнъ серебристые, нѣжные звуки—единственное воспоминаніе о недавнемъ владычествѣ зимы.

Долина Анды и окрестности ея быстро мѣняли свою внѣшность; убывало суши и лѣса, прибывала вода, расширялась даль. Стаи птицъ, до сихъ поръ пролетавшія мимо, вдругъ устремились внизъ и присѣли на озерахъ, лужахъ и протокахъ. Ихъ свистъ, крики замолкали лишь въ полдень да ночью. Ночь свѣтлѣла, сокращалась и, наконецъ, совершенно исчезла. Солнце не пряталось больше за горизонтъ, а бѣжало неустанно, кругомъ, точно огненный шаръ, качающійся надъ землею на исполинской невидимой лентѣ. Исчезла мертвенность, всюду замѣчалась жизнь и движеніе, колыхались воды, все чаще плыли по небу тучи, то тяже, лыя, сѣрыя, то бѣлыя, легкія какъ пухъ. Лѣса шумѣли-расцвѣтали, и перемѣнчивые вѣтры далеко разносили ихъ запахъ.

Всюду ложились прозрачныя, скользящія тѣни, пестрѣли полосы блеска и свѣта и неуловимо мѣнялись, точно разноцвѣтныя стекла въ калейдоскопѣ.

Павелъ уже не скучалъ. Онъ досталъ у Андрея старое ружье, немного пороха и дроби и по цѣлымъ днямъ пропадалъ въ тайгѣ.

Ой... промышленникъ! — восхищались якуты.

Но Павелъ рѣдко приносилъ добычу. Ему недоставало охотничьяго пыла, и всякій разъ, подымая убитую птицу, онъ чувствовалъ не то жалость, не то смущеніе. Ходилъ онъ больше для прогулокъ, для воздуха, для разнообразія. Все, что встрѣчалъ онъ, начиная съ игры вѣтровъ, всплеска волнъ, запаха лѣса и кончая необычнымъ движеніемъ солнца, было для него ново. Вначалѣ это его занимало, но душа искала другого, и, насытивши первое любопытство, онъ сталъ тосковать и уходить въ лѣса дальше, туда, гдѣ еще не былъ, гдѣ могъ думать, что не былъ до него никто. А тамъ—все то же чужое и непонятное: пустынные, дремучіе лѣса съ крошечными островами перелетной жизни на рѣдкихъ долинахъ, да тѣ же безбрежныя озера, гдѣ на плоскіе берега однообразно катились рыжія волны, да въ сизой дали рѣяли съ жалобнымъ крикомъ бѣлыя чайки. Павелъ, вмѣсто всѣхъ этихъ красотъ природы, предпочелъ бы людей, одного даже человѣка, но Уйбанчикъ что-то не приходилъ. Прогулки все-таки развлекали его, укрѣпляли и ободряли, и онъ продолжалъ бродить, хотя дичь приносилъ все рѣже. Андрей даже отказалъ ему въ порохѣ.

— Ходишь по трущобамъ... еще медвѣдя встрѣтишь... и останутся послѣ тебя только шапка и сапоги, какъ въ прошломъ году отъ Окуче. А мы — отвѣчай! Не дамъ! Нѣтъ у меня пороху... Пріѣдутъ купцы, купи себѣ, а у меня нѣтъ больше!..

Безъ ружья Павелъ почувствовалъ себя совершенно одинокимъ и бросилъ ходить.

Не онъ одинъ ждалъ купцовъ, ждали ихъ всѣ.

Подходило время промысловъ; нужно было расходиться на дальнія заимки, на рѣчки, гдѣ удобно ставить городьбу для рыбы, въ глухіе углы, гдѣ пасутся утки, гдѣ будутъ линять гуси и лебеди. У всѣхъ были дѣла къ купцамъ: тому нужно купить, другому продать, тотъ желалъ разсчитаться съ долгами, а тотъ просто, раньше чѣмъ утонуть въ лѣсахъ, желалъ повеселить сердце и свои глаза многолюднымъ собраніемъ проѣзжихъ, чудесными товарами, отвѣдать русской

пищи, русской водки, русскихъ развлеченій. Всѣ ждали купцовъ съ нетерпѣніемъ и посылали дѣтей на крышу смотрѣть, не ѣдутъ-ли.

— Нѣ-ту!.. Не видно!.. Чисто!.. — неслось неизмѣнно оттуда.

Наконецъ, послышалось и желанное:

— Ѣдутъ!

Обитатели юрты Андрея, включая и его самого, мигомъ очутились на крышѣ; внизу остались только Симаксинъ и жена Андрея, съ поднятыми вверхъ головами.

— Что-же?! Что-же не говорите?..—ворчали бабы.

— Ѣдутъ... уже недалеко... Объѣзжаютъ кругомъ долину... Скоро увидите ихъ!

Дѣйствительно, немного спустя, даже стоявшіе на землѣ разглядѣли вдали длинный рядъ бѣлыхъ коней, мелькавшихъ, точно жемчужныя четки, перебираемыя искусной рукой. Лошадей было до ста; шли они гусемъ. Вся цѣпь была разбита на нѣсколько частей; въ концѣ и началѣ каждаго отряда ѣхалъ всадникъ. Издали на фонѣ солнечнаго дня эта движущаяся длинная нить, слегка прикрытая рѣдкою зеленью, казалась живописною, но вблизи красота исчезала. Покрытые грязью и тучами комаровъ, потные, тяжело навьюченные кони бѣжали неровно, торопливо, постоянно спотыкаясь, проваливаясь въ топкія ямы, храпѣли и метались въ сторону. Проводники на все обращали вниманіе и постоянными окриками подбадривали животныхъ; лошади чувствовали близость человѣческаго жилья и сами торопились на отдыхъ.

У самой юрты трое ѣдущихъ впереди каравана пустились вскачь.

— Ухъ!.. Кони-то!.. Кони!.. — причмокнулъ завистливо Джянга.

— Извѣстно, южные!..

— Чиччахъ!!. Богатое мѣсто!.. А и везутъ, все везутъ... Каждый годъ везутъ!..

— Молчи... Вѣдь не мы отъ этого богатѣемъ! — замѣтилъ кто-то изъ старшихъ.

Приближеніе купцовъ прекратило разговоръ. Когда они въѣхали въ ворота, ожидавшіе разступились: мужчины направо, женщины налѣво, торжественно, какъ на свадьбѣ. Андрей по серединѣ, съ шапкой въ рукахъ, почтительно встрѣтилъ гостей. Впереди на прелестной сивой, въ яблокахъ, рослой лошади ѣхалъ уже не молодой, но здоровый и крѣпкій мужчина. На ногахъ у него были якутскія сары и брюки изъ оленьей кожи, но одѣтъ онъ былъ въ сюртукъ и шляпу; остальной костюмъ представлялъ такую же смѣсь европейскаго и якутскаго, какъ и его скуластое лицо; на немъ были часы, и вмѣсто сѣтки отъ комаровъ кругомъ шляпы свѣшивалось покрывало чернаго крепа, но на боку въ то же время болтался якутскій ножъ, а на рукахъ надѣты были отороченныя мѣхомъ и вышитыя корольками якутскія перчатки.

Самъ Андрей придержалъ ему лошадь и помогъ слѣзть съ высокаго, окованнаго серебромъ сѣдла.

Павелъ догадался, что это былъ купецъ, а его товарищи—приказчики.

Не здороваясь ни съ кѣмъ, они вошли въ юрту и, крестясь, положили три низкихъ поклона передъ образами; затѣмъ повернулись къ хозяину съ пасхальнымъ привѣтствіемъ:

— Христосъ воскресъ!

— Воистину воскресъ! — отвѣтилъ тотъ. Пріѣзжіе перецѣловались со всѣми по православному обычаю. Только въ очередь, подойдя къ Павлу, купецъ заколебался и, немного подумавъ, ограничился пожатіемъ руки.

— А... и вы тутъ вижу... спасаетесь въ пустынѣ среди дикихъ людей!—замѣтилъ онъ вскользь, любезно улыбаясь и, не ожидая отвѣта, ушелъ въ глубину юрты, гдѣ Андрей уже разстилалъ на почетной скамьѣ, обычномъ мѣстѣ Павла, коверъ изъ лошадиныхъ шкуръ. Приказчики сѣли рядомъ съ хозяиномъ, съ другой стороны стола Андрей посадилъ Павла и болѣе именитыхъ якутовъ: Филиппа, вдову Авдотью, мать Нерпы, такую же толстую, какъ онъ, и еще какихъ-то незнакомыхъ Павлу пріѣзжихъ. На столѣ уже стояли на

тарелкахъ мѣстныя лакомства: жирная, мелко изрѣзанная „хахта“ *), свѣжее масло, сливочныя пѣнки, сырой мозгъ изъ оленьихъ костей, куски утокъ и гусей, жареныхъ на свѣжемъ рыбьемъ жиру, и наконецъ — новинка сезона—свѣжія яйцы, красивыя, разноцвѣтныя, пестрыя и узорчатыя, точно малорусскія „писанки“.

Купецъ улыбнулся и погладилъ лысину.

— Хорошо!.. Согласны... Сначала вашего угощенія попробуемъ, а затѣмъ и своего поставимъ. Вы, однако, не пьете? — обратился онъ къ Павлу. — Нѣтъ!!? Однако въ карты, слышу, не играешь, водки не пьешь, не куришь... какое же предоставляете себѣ удовольствіе въ жизни?.. Или думаете разбогатѣть... Мы, грѣшные люди, дорожные, такъ ужъ выпьемъ, позвольте, за ваше здоровье!.. Вася, гдѣ-же фляжка-то?

Приказчикъ принесъ сумы и досталъ все, что требовалось для угощенія. Часть водки онъ перелилъ въ большую бутыль зеленаго стекла и подалъ купцу; тотъ собственноручно наполнилъ дорожную серебряную чарку, самъ выпилъ и сталъ подносить по очереди всѣмъ сидѣвшимъ у стола. Остальныхъ угощали приказчики, никого не минуя, даже подростковъ и дѣтей. Поднялась суматоха: якуты столпились и стали перекликаться, вызывая то того, то другого и обмѣниваясь между собою подносимыми чарками.

Купецъ между тѣмъ закусывалъ и разсуждалъ по-русски:

— Я это все одобряю!.. Все!.. Всякому лестно жить въ богатствѣ и почетѣ... Но разъ вышла неудача, нужно покориться! Нужно... и только! Вотъ и я, напримѣръ, сколько лѣтъ взадъ-впередъ ѣзжу, а нѣтъ у меня ничего больше, кромѣ того, что съѣмъ и выпью... Богатство межъ пальцевъ уходитъ... Нѣтъ удачи! — тутъ онъ налилъ рюмку и опять сталъ упрашивать Павла.—Можетъ быть смягчитесь?.. Скучно пить одному!

Павелъ отрицательно покачалъ головою.

— Портится народъ!.. Охъ... портится! — вздыхалъ ку-

*) Копченая рыба высшаго сорта.

пецъ, проглотивъ рюмку. — Нѣтъ удачи!.. Ни продать, какъ слѣдуетъ, ни купить, ни долговъ собрать... Андрей! — вдругъ обратился онъ къ хозяину и заговорилъ съ нимъ по-якутски.

Въ юртѣ становилось все болѣе тѣсно и душно. Въ камелькѣ, несмотря на жару, все поддерживали огонь, нужный для стряпни. Людей прибывало, постоянно являлись новыя невиданныя лица, съ ногъ до головы одѣтыя въ мѣха и кожи, загрубѣлыя, темныя и робкія. Очевидно, жили они гдѣ-то въ глуши; многихъ Павелъ не встрѣчалъ до сихъ поръ. Приносили постоянно какіе-то узлы, ящики, мѣшки, что-то разбирали, складывали, шептались. Ярмарка открылась. Табачный дымъ, запахъ водки, рыбы, кожъ—становился удушливымъ.

Павелъ поторопился послѣ завтрака выбраться на свѣжій воздухъ. На дворѣ было не менѣе людно и шумно. Сто пятьдесятъ лошадей каравана, привязанныхъ вдоль изгороди, топтались на мѣстѣ, ржали, фыркали, помахивали хвостами и головами, защищаясь отъ комаровъ и оводовъ. Среди нихъ сновали молодые люди, загорѣлые, одѣтые по-дорожному и вооруженные. Одни разводили дымокуры, другіе переставляли и осматривали пузатые тюки; въ одномъ углу что-то рубили, въ другомъ бряцали желѣзомъ и всюду смѣялись, шутили. Нѣкоторые дружелюбно боролись, иные заигрывали съ проходящими женщинами, хватали ихъ безцеремонно за грудь, обнимали и, несмотря на протесты и толчки, цѣловали. Яркіе цвѣта рубахъ, мѣховыя остроконечныя шапки, татарскія лица и татарская гортанная рѣчь, оружіе, топоры, винтовки, копья, изрѣдка мелькавшіе въ дыму, производили странное впечатлѣніе военнаго лагеря. Бѣлая палатка купца, разбитая по серединѣ двора, увеличивала еще больше это сходство. Павелъ смотрѣлъ и минутами казалось ему, что онъ видитъ не купеческій караванъ, а чамбулъ Батыя или Чингиса, отдыхающій среди дороги. И только пѣніе птицъ, долетавшее съ луговъ въ короткіе промежутки затишья, возвращало его къ дѣйствительности.

— Павелъ?!. Гдѣ же вы спрятались? — услышалъ онъ вдругъ голосъ Уйбанчика.—Иди въ избу, зовутъ!..

Павелъ не сразу отвѣтилъ.

— Да иди же, сильно просятъ! — звалъ парень, дергая его за рукавъ.—Чего ты? Людей нѣтъ—объ людяхъ тоскуешь, люди есть — тоже, вижу, скучаешь! Что жѐ будетъ?

— Ничего не будетъ!.. Совсѣмъ я не тоскую!—улыбнулся Павелъ.

— Какъ такъ!

— Да такъ: просто думаю! Вспомнилъ, какъ ваши отцы къ намъ на грабежъ ходили, а теперь мы, вотъ, ходимъ...

Уйбанчикъ уже немного привыкъ къ страннымъ, часто совершенно для него непонятнымъ отвѣтамъ друга, и теперь не пробовалъ вникнуть въ сказанное, а только отвѣтилъ съ убѣжденіемъ:

— Что же наши отцы, должно быть, были глупы... Пойдемъ въ избу, господа тебя требуютъ!

— Можетъ быть, опять станутъ глупыми и бросятся на насъ, когда на другое нужны будутъ силы... Дурной совѣтникъ, Уйбанчикъ, темнота и нужда... Дурные сосѣди обиженные люди!

— И не говори... Мы сами отъ такихъ бѣгаемъ!

Такъ философствовали они, пробираясь рука объ руку сквозь густую толпу. Купецъ, уже порядочно выпившій, сидѣлъ, развалившись у стола. Онъ распоясался и разстегнулъ воротъ рубахи. На столѣ передъ нимъ стоялъ фаянсовый судокъ съ дымящимися „пельменями“, рядомъ все та же бутылка зеленаго стекла, только опять по горлышко полная водки; тутъ-же стояли солонка, банка горчицы и нѣсколько фаянсовыхъ тарелокъ съ полнымъ приборомъ ложекъ, ножей и вилокъ въ серебряной оправѣ. Это была роскошь, необычная въ дорогѣ. Очевидно, купецъ желалъ блеснуть и доставить удовольствіе Павлу.

— А куда вы отъ насъ сбѣжали, почтеннѣйшій? — проговорилъ онъ съ улыбкою.—А, впрочемъ, и то сказать: мало здѣсь интереснаго для образованнаго человѣка: кожи да кожи, мятыя и сырыя... Только мы поневолѣ любимъ это, потому намъ отъ этого содержаніе... Бьемся!.. А и надо сознаться, цѣны нѣтъ Андрею, такой человѣкъ! Долги ли со-

брать, товаръ ли вымѣнять, уговорить ли кого... а только... плутъ! Вотъ кто настоящій грабитель... не мы. Посмотрите, какую гору наскребъ!

Дѣйствительно, на небольшомъ пространствѣ избы виднѣлись двѣ порядочныя горки разноцвѣтныхъ, блестящихъ, какъ шелкъ, мѣховъ. Андрей бралъ изъ одной штуку за штукой и, громко считая, перебрасывалъ на другую. Приказчикъ, сидѣвшій напротивъ на низенькомъ стульчикѣ, повторялъ сказанную имъ цифру и отмѣчалъ въ книжкѣ. Кругомъ тѣснились возбужденные зрители, раздавались причмокиванія и тихіе вздохи:

— Богатство какое!.. Мочи нѣтъ!.. Ума помраченіе!..

Въ сторонѣ другой приказчикъ торговалъ, раскладывая, мѣряя, швыряя куски тканей, ситцевъ, платковъ. Около него толпились больше женщины, и отблескъ цвѣтныхъ узоровъ клалъ на ихъ лица, казалось, особенно горячія тѣни.

— Николай Василичъ!—окрикнулъ вдругъ купца занятый продажею приказчикъ, — Хохо проситъ чаю безъ краснаго товара? Дать прикажете?

— Гмъ! Что же я то съ товаромъ буду дѣлать? Не возьмутъ же его назадъ! Хохо проситъ... Хохо еще не уплатилъ что съ него слѣдуетъ... А я даю, какъ мнѣ даютъ! Хохо проситъ... А сколько проситъ?

— Кирпичъ.

— Дай полъ-кирпича. Тоже безъ сердца не бываемъ, хотя въ торговлѣ, говорятъ, не щадятъ ни отца родного, ни матери... Но какъ не пожалѣть: Хохо, бѣдный, жена умерла, полный домъ ребятъ, все мелюзга... пищитъ съ голоду... — оправдывался передъ Павломъ купецъ и, хитро прищурившись, вдругъ добавилъ: — А и то нужно помнить, что если ихъ такъ время отъ времени не поддержать, такъ кто же въ концѣ концовъ лисицъ ловить станетъ... Въ конецъ обезсилѣютъ! Что?! Ага?!. Мы тоже люди не безъ политики!..

— Безусловно вѣрно... Съ этой точки зрѣнія даже черезмѣрные барыши не выгодны.

— Черезмѣрные, говорите!.. Ишь мѣтнулъ... ха, ха!..

Знаете: выпьемъ, потому что нѣтъ лучше, какъ выпить отъ задумчивости!

— Кынчай тоже проситъ безъ товара!—опять крикнулъ приказчикъ.

— Кынчай?.. Пусть проситъ!.. Ничего не будетъ. Отмѣрь ему полную препорцію—всѣ захотятъ?..

Между тѣмъ Кынчай, высокій, худой, косоглазый, выступилъ впередъ и, низко кланяясь, просилъ.

— Нѣтъ!.. Ничего не будетъ!.. Ты состоятельный!

— Какой состоятельный? Купилъ я зимою ситцевъ... у тебя-же... У меня ихъ довольно...

— И у меня ихъ довольно... Не могу! Портится народъ, охъ портится! Каждый только на чужія руки смотритъ... а чтобы самому почувствовать — такъ нѣтъ!.. Покажи имъ крошку жалости, сейчасъ съѣдятъ! Что же: ты думаешь мнѣ даютъ только то, что я самъ прошу? — Ну нѣтъ?.. ворчалъ купецъ и обратился къ Андрею.—Кончили?!. Ну, Вася, прибирай товаръ, пора обѣдать!.. Пусть завтра придутъ, а теперь—пусть очистятъ избу, будемъ укладывать мѣха!

Якуты начали выходить изъ юрты. Въ то же время нѣсколько ямщиковъ принялись подвязывать къ матицѣ на длинныхъ ремняхъ мокрую кожаную суму. Въ суму укладывались въ извѣстномъ порядкѣ шкурки; одинъ поминутно залѣзалъ въ суму и, придерживаясь за ремни, старательно утаптывалъ мѣха ногами. Старшій приказчикъ говорилъ, что класть, и дѣлалъ отмѣтки въ спискѣ. Купецъ наблюдалъ и поилъ Андрея, и безъ того возбужденнаго только что покончеными счетами. Разговоры велись преимущественно по-якутски. Павелъ, конечно, не могъ принимать въ нихъ участія: онъ понималъ только одно слово: харчи, харчига, харчинанъ—деньги, деньгамъ, деньгами, которое употреблялось очень часто и съ видимымъ удовольствіемъ.

Выпивка все усиливалась, разговоръ становился крикливѣе, а предлагаемые Павлу вопросы все рискованнѣе. Онъ поторопился ускользнуть послѣ обѣда, захвативъ по привычкѣ ружье. Прогулка, свѣжій воздухъ, знакомые голоса птицъ успокоили его расходившіеся нервы и, возвращаясь

домой, онъ ни о чемъ не думалъ, никого не осуждалъ, а искалъ только сна и отдыха.

Въ стану все притихло; дымъ догоравшихъ костровъ слабо струился; кони, отпущенные кормиться, разбрелись по лугу; люди, прикрывшись съ головою заячьими одѣялами, спали среди вьюковъ; только около палатки купца сидѣлъ Вася, очевидно, присматривая за цѣлостью товаровъ, да около него стоялъ и разспрашивалъ о чемъ-то Уйбанчикъ. Минуя ближайшіе кусты около дома, Павелъ услышалъ шопотъ и шорохъ, а когда, заинтересованный, онъ раздвинулъ вѣтки, то увидѣлъ нѣсколько загорѣлыхъ скуластыхъ рожъ, вопросительно повернувшихся къ нему: тутъ играли въ карты, и Джянга, конечно, былъ среди игроковъ.

Въ юртѣ тоже, оказалось, не спали. За столомъ сидѣлъ Андрей и тунгусъ; оба пьяные, слюнявые, противные.

— Чэ!..—кричалъ якутъ, встряхивая головой, на которой чуть держалась надѣтая на макушку шапка.—Кто меня здѣсь лучше? У кого всего больше? Кто меня сможетъ?.. Купцу лошадь подарю — будетъ благодарить! Людей накормлю — будутъ сыты... Не пожалѣю и тебѣ оленей... Ничего не пожалѣю... Бери сколько хочешь... кочуй... владѣй... опять будь человѣкомъ!..

— Енг... енг... — бормоталъ тунгусъ, качаясь безсильно. Онъ сидѣлъ на постели Павла и не обнаруживалъ намѣренія уходить.

— Идемъ, старикъ, идемъ... — увѣщевалъ его Андрей, который съ появленіемъ Павла видимо сталъ сдерживать себя.—Пусть спитъ русскій, пусть спитъ, а мы нашу бутылку тамъ кончимъ...

Павелъ настолько усталъ, что, несмотря на шумъ, сейчасъ же уснулъ. Не суждено ему было, однако, спокойно провести эту ночь; немного спустя его разбудили толчки и пронзительный крикъ. Кто-то лежалъ на его постели и копошился. Уйбанчикъ напрасно силился его оттащить.

— Онъ... ме-ня... оби-дѣлъ!.. онъ... онъ... оби-дѣлъ!.. Вставай, русскій... какой ты — такой... богатырь!.. — бормоталъ тунгусъ.—Это былъ онъ. У дверей между тѣмъ разыгрыва-

лась другая сцена: тамъ жена Андрея кричала пронзительно и била палкой Лелью, которая, блѣдная, растерявшаяся, почти нагая, сопротивлялась, не желая выйти на дворъ, куда гнала ее разозлившаяся якутка. Андрей сидѣлъ на скамьѣ, гдѣ обыкновенно спала дѣвушка, и безсмысленно глядѣлъ на жену.

XII.

На завтра, какъ говорится въ сказкѣ: „просыпались поздно, вставали неохотно“. Купецъ и Андрей сейчасъ же послѣ завтрака исчезли; они заперлись въ палаткѣ, откуда только по временамъ долеталъ ихъ шепотъ и постукиваніе на счетахъ. Въ усадьбѣ движенія было не меньше, чѣмъ вчера, но не было той бойкости и веселья. Лошади, преслѣдуемыя жарой и комарами, сами возвращались съ пастбищъ; рабочіе ловили ихъ, привязывали и начинали по очереди засѣдлывать и взнуздывать; часть рабочихъ раскладывали товары въ длинные ряды. Между работниками сновали приказчики, покрикивая, осматривая кладь и отмѣчая что-то въ счетахъ. Кучки любопытныхъ туземцевъ стояли тамъ и сямъ и въ сосредоточенномъ молчаніи глазѣли. Подъ вечеръ караванъ двинулся дальше, въ такомъ же порядкѣ, какъ пріѣхалъ. Когда онъ исчезъ въ лѣсу, Андрей вздохнулъ и перекрестился:

— Ну, слава Богу!.. До будущаго года!

Уйбанчикъ, который стоялъ рядомъ съ нимъ, съ желтымъ мѣшечкомъ чего-то зернистаго подъ мышкой, покосился

недружелюбно на богача. Все утро парень ходилъ надутый, ни съ кѣмъ, даже съ Павломъ, не разговаривалъ. Тщетно тотъ пробовалъ его разспросить что случилось ночью. Когда домашніе вмѣстѣ съ Андреемъ скрылись въ юртѣ, Уйбанчикъ остался и протянулъ Павлу руку въ знакъ того, что уходитъ домой.

— Долго не придешь?—спросилъ Павелъ, удерживая его пальцы.

— Долго!.. Придетъ вода, не пуститъ!—отвѣтилъ парень и, нахлобучивъ на уши шапку, двинулся въ путь.

„Вода“ не заставила себя ждать. Въ ясный, безвѣтренный день она явилась вдругъ изъ глубины лѣсовъ и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ затопила всю окрестность. Усадьба Андрея превратилась въ крошечный, но густо населенный островокъ. Лошади, коровы, олени, пригнанные заблаговременно, толпились въ загонахъ среди клубовъ дыма, разведеннаго отъ комаровъ. Они то стояли на мѣстѣ по цѣлымъ часамъ, то, вдругъ всполошившись, подымали невѣроятную суматоху, топотъ и ржанье... Черныя собаки; нагіе, загорѣлые ребятишки сновали среди скота, бѣгали и плескались въ водѣ; взрослые частенько выходили и внимательно смотрѣли изъ дверей юрты на колыхавшуюся, голубую гладь.

— Будетъ рыба!.. — говорили они весело.

— А то какъ!?—соглашался тунгусъ, который съ отъѣзда купцовъ все время оставался въ юртѣ Андрея.

— Любопытно, ушли ли купцы до воды въ горы? Въ горахъ ли теперь?

— Конечно!

Тутъ старый бродяга съ особымъ оживленіемъ принимался высчитывать по пальцамъ всѣ стоянки и всѣ переходы...

— Богъ поможетъ! — поддерживалъ его Андрей. — Не оставитъ добрыхъ людей...

Онъ сталъ съ нѣкоторыхъ поръ особенно набоженъ и нѣженъ. Одинъ Павелъ не зналъ, чему радоваться и отчего умиляться. Всюду замѣчался особый блескъ, рѣзвость и прохлада, пришедшіе съ водою, но вмѣстѣ съ тѣмъ жутко было

смотрѣть, какъ это прозрачная, капризная стихія закрываетъ всѣ неровности, всякій слѣдъ земли, властно, тихо поглощаетъ все, и только кое-гдѣ оставляетъ надъ своей безконечной гладью верхушки лѣсовъ, похожихъ на ничтожный тростникъ.

— Не бойся, русскій! Вода сюда никогда не доходитъ, развѣ разъ въ сто лѣтъ! — ободрялъ его Андрей, положивъ руку ему на плечо.

Это была первая фраза послѣ ночного кутежа, съ какой якутъ обратился непосредственно къ Павлу. Все это время онъ не то стыдился, не то сдерживался, видя съ его стороны большую холодность.

— Что, русскій, будемъ сыты?! А!?

— Скажи лучше, куда дѣлись другіе... Куда дѣлась Лелья? — спросилъ вдругъ Павелъ, вмѣсто отвѣта повернувшись всѣмъ корпусомъ къ Андрею. Тотъ покраснѣлъ.

— Лелья?.. Она съ Нюстеромъ рыбу промышляетъ. А зачѣмъ тебѣ знать, гдѣ она?

Теперь въ свою очередь смутился Павелъ. Дѣйствительно, зачѣмъ ему знать? Дѣвушка не жаловалась, не бѣгала, отецъ былъ повидимому въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ богачемъ: очевидно, или ничего не было, или здѣсь иначе смотрѣли на подобнаго рода приключенія.

— Тѣмъ лучше!—подумалъ онъ про себя.—И не стыдно тебѣ, Андрей, помогать иноземцамъ обирать соотечественниковъ?—спросилъ онъ громко.

Андрей не совсѣмъ понялъ его ломаную якутскую рѣчь, но замѣтилъ большую мягкость взгляда, и къ нему сразу вернулись прежняя увѣренность и оттѣнокъ превосходства, которые онъ было на время утратилъ въ сношеніяхъ съ Павломъ.

— Да, да!..—сказалъ онъ неопредѣленно, на всякій случай.

Крайне сѣро и однообразно тянулась жизнь въ юртѣ Андрея. Съ отъѣздомъ Лельи и Джянги стало еще болѣе пусто; сосѣди заглядывали рѣже. Андрей тоже, какъ только сбыла вода, началъ проводить большую часть времени внѣ дома; сюда онъ привозилъ свѣжую и сушеную рыбу, затѣмъ

спалъ, безконечно долго спалъ, да ѣлъ не въ мѣру масла и соры, которыхъ былъ лишенъ въ лѣсу. Нюстеръ, привезенный отцомъ обратно въ первую еще поѣздку, старался въ ѣдѣ не отставать отъ отца; кой-когда только, побуждаемый матерью, онъ садился подъ окномъ у столба и, напѣвая пѣсенку, чинилъ сѣти. Въ избѣ рѣдко кто шумѣлъ. Дѣти почти все время проводили на дворѣ, жена Андрея молчала или тихо про себя мурлыкала, и только когда ей окончательно становилось не въ мочь, напускалась на старую Симаксинъ. Въ результатѣ эмирячка устраивала обычное зрѣлище, что еще болѣе сердило истомившуюся хозяйку. Она кричала, а старуха кудахтала, точно всполошившаяся насѣдка, повторяла сыпавшіеся на нее упреки и, распустивъ свои лохмотья, кружилась по юртѣ. Все это было не особенно пріятно, и Павелъ уходилъ на дворъ къ дѣтямъ или къ тунгусу. Послѣдняго хозяйка съ нѣкоторыхъ поръ видимо возненавидѣла и, какъ только Андрей уходилъ, выгоняла вонъ изъ избы; тотъ не особенно этимъ смущался. Онъ разбилъ въ углу двора ровдужную палатку, остатки былой независимости, и черезъ каждые два-три дня перекочевывалъ на другое мѣсто „отъ насѣкомыхъ“, какъ увѣрялъ онъ, но вѣрнѣе—отъ бездѣлья. Каждый разъ Павелъ наблюдалъ одно и то же. Старая Упача складывала, собирала, взваливала на спину и несла все, что требовалось; затѣмъ на новомъ мѣстѣ складывала кружокъ изъ камней, тамъ, гдѣ предполагалось разложить костеръ, надъ нимъ ставила конусъ изъ жердей и покрывала его черной, сильно поношенной, въ заплатахъ, замшей. Старикъ сидѣлъ въ сторонѣ, курилъ трубку, поплевывалъ, а когда все было готово, входилъ въ юрту, торжественно добывалъ огонь, садился на подстилку изъ молодыхъ лиственничныхъ вѣтокъ и сосредоточенно наблюдалъ, какъ струится кверху синій дымокъ.

— Не родила парня... не родила!—жаловался онъ на жену, когда Павелъ заглядывалъ къ нимъ.

Они его всегда встрѣчали радушно и старались угостить чѣмъ-либо, благо Андрей давалъ имъ рыбы, а въ лѣсу было много цвѣтовъ и листьевъ для „дикаго чая“.

— Не родила парня!.. И ничего не можетъ... худая жена!— повторялъ старикъ. Тунгуска всегда молчала, очевидно, привыкнувъ считать себя виноватой.

— Осенью уйдемъ въ горы!—рѣшалъ тунгусъ.—Андрей

обѣщалъ дать оленей... Тогда мы тебя иначе встрѣтимъ, угостимъ... приходи! Мы тоже люди!

Павелъ скучалъ, книги надоѣли, а уйти было некуда. Такъ прошло нѣсколько недѣль.

Наконецъ, вода спала настолько, что опять открылся доступъ въ тайгу. Павелъ вновь было устремился туда, но уходившій разливъ оставлялъ за собою такую массу болотъ, а главное комаровъ, что прогулки стали немыслимы. Необходимо было надѣвать сѣтку и толстое суконное пальто. Подъ сѣткой было душно, густыя тучи насѣкомыхъ мѣшали видѣть, жужжаніе ихъ—слышать. Да и въ лѣсахъ было совершенно мертво: птицы отчасти улетѣли, отчасти спрятались въ травѣ, гдѣ выводили птенцовъ; вѣтры притихли. Только тучи комаровъ все болѣе и болѣе увеличивались. Скоро ихъ стало такъ много, что скотъ предпочиталъ голодать, чѣмъ подвергаться ихъ нападенію. Стояли въ дыму быки, коровы и кони, исхудалые, понурые, изъѣденные, опустивъ головы, съ прищуренными глазами, какъ будто не желая глядѣть на зеленую траву. Смѣльчаку угрожала гибель. Павелъ убѣдился въ этомъ, когда разъ молодой, неопытный быкъ, доведенный до бѣшенства насѣкомыми, бросился со двора въ

лѣсъ... На утро его нашли тамъ мертвымъ и изъѣденнымъ, точно сплошь изсѣченнымъ шиповникомъ.

Въ юртѣ, за исключеніемъ камина, заткнули всѣ отверстія, прикрыли окна, въ очагѣ постоянно поддерживали огонь, а среди избы горѣлъ огромный дымокуръ изъ коровьяго кала. Ѣдкій дымъ не позволялъ открывать глазъ, мѣшалъ дышать, и Павелъ съ головной болью, отравленный ядовитымъ воздухомъ, полу-ослѣпшій, все время лежалъ на постели, уткнувъ лицо въ подушку, и соображалъ, долго-ли такъ будетъ. А комары все жужжали, точно враждебная сила, и бились крыльями въ пузыри оконъ.

— Какъ ихъ много!

— Много, русскій, много... но бываетъ и больше! — подсмѣивались якуты.—Отъ нихъ жирѣетъ рыба!

Выходить изъ дому и исполнять необходимыя домашнія работы можно было только въ вѣтренные дни. Андрей обыкновенно уѣзжалъ тогда за рыбой. Павелъ пробовалъ нѣсколько разъ проникнуть къ Уйбанчику, но сообщеніе съ нимъ по сушѣ еще не возстановилось; нужно было ѣхать на лодкѣ. Между тѣмъ Андрей почему-то не хотѣлъ его взять, отговариваясь маленькими размѣрами своей душегубки. Наконецъ обстоятельства сложились благопріятно: день выдался вѣтреный, а якутъ принужденъ былъ остаться дома, такъ какъ поранилъ руку. Павелъ выпросилъ лодку, узналъ про дорогу и двинулся въ путь. Когда онъ выбрался изъ маленькаго, окаймленнаго кустами, заливчика на широкій, волнующійся просторъ озера, комаровъ совсѣмъ не стало, и онъ торопливо сбросилъ сѣтку. Лодка, подгоняемая сильными ударами весла, граціозно скользила по волнамъ. Рѣзкій порывистый вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, заставляя усиленно работать, но Павелъ не унывалъ, такъ какъ всѣ комары разлетѣлись, и только немногіе, спрятавшись за его спину и на дно лодки, испускали тревожные звуки. Павелъ сейчасъ же потушилъ противный, такъ надоѣвшій ему дымокуръ, который тлѣлъ передъ нимъ въ желѣзномъ котелкѣ на перекладинѣ лодки. Передъ нимъ открылся веселый, широкій видъ на плещущую воду, на ароматные прибрежные лѣса. Плылъ

онъ быстро, и берега блѣднѣли, а волны становились все выше и выше. Скоро на всемъ пространствѣ, какое только могъ охватить глазъ кругомъ, вздымались водяные бугры, застилая горизонтъ. Гребни ихъ были въ пѣнѣ, а бока, покрытые сѣтью морщинъ и жилочекъ, просвѣчивали точно кремень или темный опалъ. Борьба съ ними требовала большого напряженія, особенно отъ такого малоопытнаго пловца. Нужно было, чтобы носъ лодки рѣзалъ ихъ прямо, подобно ножу; лишь только валъ хоть чуть-чуть ударялъ въ бокъ, лодка вздрагивала, качалась, стремилась повернуться вдоль, и сейчасъ же выше ея бортовъ вскипали пѣна и брызги и набѣгали новые удары. Трудно было править при быстрыхъ паденіяхъ лодки, когда нерѣдко волна уходила изъ подъ весла, а еще труднѣе было удержаться, когда вдругъ, въ силу таинственныхъ отдаленныхъ сочетаній, съ боку вставалъ неожиданно громадный валъ съ всклокоченной бѣлой гривой. Лодочка скользила внизъ, карабкалась вверхъ, высоко поднимая то носъ, то корму, и нельзя было ей остановиться ни на минуту, — иначе она была бы совсѣмъ опрокинута. У Павла сильно устали руки и спина, когда, наконецъ, онъ увидѣлъ вдали узкій пролетъ среди прибрежныхъ тальниковъ и понялъ, что скоро конецъ его напряженной работѣ. Это было устье той рѣчки, на которой жилъ старикъ Матвѣй. Послѣ простора бурлившаго озера небольшая, глубокая лощина рѣчки пріятно поразила его своей тишиною и прохладной тѣнью. Онъ бросилъ весло, снялъ шляпу, зачерпнулъ въ нее воды и, напившись, сталъ внимательно разглядывать крутые глинистые, мѣстами сильно подмытые, берега. Теченіе быстро уносило его и, если бы не вновь появившіеся комары, удовольствіе отдыха было бы полное. Опять пришлось зажечь дымокуръ и накинуть сѣтку. Павелъ легъ на спину на дно лодочки и глядѣлъ въ небо, на тучи, на мелькавшія надъ нимъ верхушки и вѣтви деревьевъ, на темные лохматые отъ травъ и кустовъ края обрывовъ. Когда теченіе прибивало его къ берегу, онъ приподнимался немного и отталкивалъ лодочку весломъ на середину, и опять съ рокотомъ несла его рѣчка, не требуя отъ него никакихъ усилій. Разъ

только во все время пути онъ былъ принужденъ приняться въ серьезъ за весло: за поворотомъ что-то шумѣло и бурлило, точно водопадъ. Это рядъ большихъ лиственницъ обрушился съ подмытаго берега и запрудилъ теченіе. Корни многихъ изъ нихъ еще не оторвались отъ обвала и образовали зеленый сводъ, подъ которымъ быстро мчались пѣнистыя волны. Теченіе было такъ быстро, что Павелъ не могъ справиться съ лодкой, и его увлекло въ этотъ опасный корридоръ, гдѣ, съ одной стороны, грозила сѣть спутанныхъ вѣтокъ и сучьевъ, а съ другой—возвышалась мокрая, ледяная стѣна берега, поминутно роняя глыбы земли и капли грязи. Недалеко оттуда Павелъ замѣтилъ дымокъ и догадался, что достигъ цѣли путешествія. Онъ остановилъ лодку у берега, гдѣ по карнизу обрыва подымалась вверхъ узкая тропа, вытащилъ ее на песокъ, взялъ вещи, оружіе и вышелъ изъ тихой тѣнистой лощины опять на солнце и вѣтеръ. Поднявшись на вершину, онъ увидѣлъ небольшой зеленый лужокъ, а среди него низенькую, конусообразную, покрытую дерномъ „урасу“—обычное лѣтнее жилье здѣшнихъ бѣдняковъ. Сѣрый, пронизанный лучами солнца столбъ дыма колыхался

надъ остроконечной вершиной „урасы“; черныя собаки, внѣшностью похожія на лисицъ, привѣтствовали его громкимъ лаемъ, но никто не вышелъ къ нему на встрѣчу. Онъ поднялъ кожу, закрывавшую входъ, и заглянулъ внутрь: казалось, никого не было дома. Только когда онъ вошелъ, закашлялъ и зашумѣлъ, развѣшивая платье и двустволку, вдругъ зашевелились человѣческія фигуры, отдыхавшія на низенькихъ земляныхъ нарахъ, и выползли изъ темноты.

— А, это ты, русскій?! Здравствуй!.. Разсказывай!—Старикъ Матвѣй вышелъ къ нему съ протянутой рукой и въ то же время сказалъ что-то женѣ, и та засуетилась у слабо тлѣющаго огня.

— Не слышалъ ничего новаго!.. А у васъ?

— У насъ тоже ничего нѣтъ!.. Отдыхаемъ!

— Гдѣ Уйбанчикъ?

Старикъ скосилъ ротъ.

— Не *смѣта*! Гдѣ же можетъ быть, кромѣ тайги? Недалеко... Обрадуется, когда тебя увидитъ. Тосковалъ!..

— Почему не приходилъ?

— Все недосугъ!

— Что-же онъ дѣлалъ?

Но запасъ понятныхъ обоимъ словъ и жестовъ былъ исчерпанъ, и разговоръ послѣ неудачнаго опыта прекратился. Павелъ съ любопытствомъ осматривалъ „урасу“, которую видѣлъ впервые. Внутри былъ такой мракъ, что въ первый моментъ онъ не замѣтилъ ничего кромѣ четырехъугольнаго низенькаго шестка чувала и столба свѣта, падающаго на него сверху черезъ дымовое отверстіе. Только по мѣрѣ того, какъ привыкалъ глазъ, всплывали и предметы и вещи, развѣшенные и разставленные подъ покатыми стѣнами. Надъ головой Павелъ замѣтилъ полочку съ образами, тоненькія восковыя свѣчи, прилѣпленныя къ ея краю, и большую книгу въ зеленомъ переплетѣ, ту самую, которую видѣлъ раньше въ рукахъ Уйбанчика.

Старикъ Матвѣй внимательно слѣдилъ за нимъ во время осмотра.

— Мы бѣдные... — сказалъ онъ просто, безъ малѣйшаго слѣда горечи и приниженности.

— Вижу. Но гдѣ твой сынъ? Ты сказалъ недалеко? Гдѣ-же? Я бы хотѣлъ пойти!

— Пойдемъ, если хочешь.

Они вышли, и старикъ показалъ ему дорогу.

Узенькой тропой, среди кустовъ, Павелъ перебрался на сосѣдній, такой же небольшой лужокъ, со всѣхъ сторонъ окруженный лѣсомъ. По серединѣ его на откосѣ невысокаго бугра двигалась фигура Уйбанчика. Онъ былъ обращенъ спиною къ Павлу, не видѣлъ его и продолжалъ расхаживать и размахивать руками, точно отгонялъ комаровъ. Павелъ съ веселымъ окрикомъ бросился къ нему, но якутъ не разслышалъ и продолжалъ странно жестикулировать. Подойдя совсѣмъ близко, Павелъ остановился въ изумленіи: Уйбанчикъ сѣялъ хлѣбъ! Зерна съ легкимъ свистомъ разлетались по воздуху и падали на черную неумѣло взрытую землю. Знакомый видъ этой земли, влажной и рыхлой, этихъ желтыхъ падающихъ на нее крупинокъ, какъ ножомъ, полоснулъ по сердцу Павла.

— Уйбанчикъ, что ты дѣлаешь?!.—закричалъ онъ въ волненіи.

Парень вздрогнулъ, быстро повернулся къ нему и высыпалъ остатокъ сѣмянъ въ турсукъ.

— А, это вы?—разсмѣялся онъ.—Проклятые комары спокою не даютъ!—добавилъ онъ, и однимъ взмахомъ убилъ цѣлый рой присосавшихся къ его шеѣ комаровъ.

— Видите: пробую... Вы сами говорили тогда... помните?!.—оправдывался онъ, не глядя на Павла.—А только вы не сказывайте... Осмѣютъ... если неудача... проходу не будетъ! Боже упаси!.. И то отецъ ужъ сердится.

— И все это ты самъ вскопалъ?

— Самъ. А что?

— Много. Зачѣмъ ты мнѣ не сказалъ, я бы тебѣ помогъ. Почему ты прятался? Вдвоемъ мы бы скорѣе сдѣлали.

— Я это дѣлалъ не долго. Къ вамъ трудно было пройти, вода большая... А раньше нельзя—земля не оттаяла... Да я все еще не надумался. Хорошо все-таки, что вы пришли. Вы скажете, хорошо ли все?.. хорошо ли сѣяно? Вы сказывали,

и купцы говорили: ступить шагъ, бросить горсть... Но вотъ тутъ у меня смущеніе выходитъ: горсть бываетъ большая и маленькая и шагъ тоже разный!..

Павелъ тоже хорошо не зналъ, но старался разъяснить Уйбанчику, что въ данномъ случаѣ это не важно.

— Главное, лишь бы взошло!

— Такъ, думаете, удастся?

— Кто знаетъ! А какой хлѣбъ посѣялъ?

— То есть: сѣмя спрашиваете?.. Купцы возятъ изрѣдка для лошадей, такъ вотъ выпросилъ остатки. Ячмень сказывали, кто его знаетъ... сами посмотрите!

Павелъ заглянулъ въ турсукъ и покачалъ головой.

— Худо, Уйбанчикъ, что ты мнѣ раньше не сказалъ. Слѣдовало попробовать: можетъ быть, сѣмена не всхожи, какіе-то объѣдки... Затѣмъ, думаю, ихъ слѣдовало смочить: сильно сухи!

— Такъ ничего не будетъ?

— Этого я не скажу, можетъ быть, и будетъ. Ячмень растетъ тамъ, гдѣ климатъ похожъ на вашъ, высоко въ горахъ, гдѣ лѣто тоже короткое,—отвѣтилъ Павелъ.—Даже у васъ лучше; у васъ тутъ солнце не закатывается, все растетъ, какъ на дрожжахъ. Давно ли этотъ лѣсъ былъ черный? Все-таки жаль, что не сказалъ: лучше бы разрыхлили землю; затѣмъ, напрасно притворяешься: одинъ намучился сильно, земля—новь, твердая, комары... жарко... шутка сказать!

Уйбанчикъ съ гордостью оглянулъ крошечную ниву и улыбнулся.

— Только бы не попусту!

Они вдвоемъ принялись разсѣвать остатки зерна и заборонивать его граблями. Но плохо разрыхленная земля не слушалась: половина зеренъ оставалась наверху, а остальныя заборонивались очень мелко. Они рѣшили пойти домой и какъ-нибудь смастерить борону.

Старики встрѣтили ихъ упреками, что такъ долго не шли. Ихъ ждали съ ужиномъ, чай давно былъ заваренъ, десятокъ утиныхъ яицъ и груда мелко изрѣзанной вареной рыбы

стояли на столѣ. Они поѣли на-скоро и принялись за работу. Дѣло шло тихо, несмотря на то, что у столярничавшаго, между прочимъ, Матвѣя нашлись нужные инструменты. Наконецъ, имъ удалось сколотить нѣчто въ родѣ двойного зубчатаго гребня. Эту неуклюжую махину они долго таскали взадъ и впередъ по пашнѣ, пока не пришелъ разсерженный Матвѣй и не сталъ ихъ звать спать.

— Ой, ребята, ребята!.. Все вамъ шутки! Копаетесь въ землѣ, точно куропатки... Смотрите, не вышло бы бѣды. Не пришлось бы вправду землю рыть... Не любитъ она, матушка, чтобы ее попусту тревожили... Грѣхъ, ой грѣхъ!— мягко предостерегалъ онъ ихъ. Они слушали съ веселой улыбкой, страшно усталые, но довольные.

— Завтра непремѣнно городьбу доспѣть нужно,—убѣждалъ Павла въ сотый разъ Уйбанчикъ, — коровъ, правда, близко нѣту, но эти черти кони издалека, бываетъ, приходятъ. Какъ придетъ сѣнокосъ, всѣ уйдемъ въ луга, некому будетъ сторожить!

Павелъ, съ наслажденіемъ отдыхавшій на постели изъ свѣжихъ, ароматныхъ вѣтокъ лиственницы, на все соглашался:

— Хорошо—доспѣемъ!

— Потому... вы видите,—продолжалъ парень,—я все объ этомъ думаю... Вы сказывали, что если бы у насъ хлѣбъ родился, то можно бы припасти, оставить, а то одно мясо, да мясо, рыба и рыба безъ конца... ѣшь; а не съѣшь, сгніетъ... Все съѣдаемъ, а если нѣту... о господинъ Байбалъ, если бы вы знали, какія тогда приходятъ времена, какія времена!..

Павелъ, одолѣваемый сномъ, едва могъ произнести сочувственное слово.

— Ты готовъ душу изъ человѣка вытянуть,—возмутился Матвѣй.—Какъ заговоритъ объ этомъ хлѣбѣ, такъ говоритъ и говоритъ безъ конца, будто рѣчка шумитъ! Спи же, наконецъ! Не видишь, у русскаго глаза совсѣмъ маленькіе стали!

XIII.

Комары съ веселымъ жужжаніемъ кружились надъ спящимъ Павломъ. Напрасно съ просонья онъ размахивалъ руками и укрывался съ головой заячьимъ одѣяломъ, рискуя задохнуться, они все-таки находили отверстіе, пробирались къ нему и кусали немилосердно. Наконецъ, онъ не выдержалъ и присѣлъ на постели. Внутри урасы было тихо и совершенно пусто; огонь потухъ въ чувалѣ, и комары, пользуясь отсутствіемъ дыма, безконечной вереницей спускались сквозь дымовое отверстіе. Надъ чуваломъ висѣлъ мѣдный чайникъ, около—большой желѣзный котелъ; оба были старательно вычищены. Полъ былъ подметенъ чисто, вещи прибраны, и всюду господствовалъ праздничный порядокъ: замѣтно было стараніе хозяевъ угодить гостю и удалить съ его глазъ все, что могло ему не понравиться. Какъ только Павелъ поднялся, Матвѣй отдернулъ край кожи, закрывавшей дверь, и заглянулъ внутрь урасы. Вмѣстѣ съ сѣдой головой якута заглянулъ туда и блескъ солнца, и голубая даль неба.

— Встаешь уже? Такъ рано?! А говорили, что любишь спать!..

— Комары!

— Да, да—комары! Несмѣта. Ухъ, черти!!.—замахнулся онъ на летѣвшихъ мимо него насѣкомыхъ.

— Гдѣ Уйбанчикъ?.

— Пошелъ сѣти смотрѣть. Мы тоже ушли, чтобы тебѣ не мѣшать. Ты молодой, дитя еще, тебѣ много спать надо!

Старикъ сѣлъ на стульчикъ и сталъ разсказывать что-то долго и несвязно. Павелъ пробовалъ слушать, но мало по-

нималъ, потянулся, зѣвнулъ и сталъ быстро одѣваться. Старикъ предложилъ ему умыться, но Павелъ тряхнулъ головой: нѣтъ, онъ пойдетъ мыться на рѣчку и поищетъ тамъ Уйбанчика; онъ хочетъ посмотрѣть, какъ ставятъ сѣти. Матвѣй кивнулъ головой и указалъ, въ какомъ направленіи нужно искать Уйбанчика.

На лугу около урасы комаровъ было меньше: все еще сильный вѣтеръ разгонялъ ихъ, а солнечный зной сушилъ ихъ крылья, не позволяя летать; зато въ защищенной влажной лощинѣ рѣчушки милліарды ихъ мгновенно облѣпили Павла. Онъ наклонился близко къ водѣ и съ наслажденіемъ лилъ холодныя струи себѣ на голову. У него даже проснулась охота выкупаться, но раньше, чѣмъ онъ рѣшился, Уйбанчикъ уже показался изъ-за обрыва. Маленькая лодочка граціозно неслась по ясной лазури воды, съ боковъ ея поперемѣнно то поднимались, то опускались лопатки длиннаго весла, точно крылья стрекозы, и сама она издали казалась не то птицей, не то насѣкомымъ, летѣвшимъ чуть касаясь зеркальной поверхности. Павелъ заглядѣлся и забылъ даже опустить сѣтку. Уйбанчикъ плылъ не торопясь и, замѣтивъ его, кивалъ дружески головой, повязанной по-бабьи краснымъ платочкомъ. Только у самаго берега онъ разогналъ лодку.

— Не трогай, не трогай!..—закричалъ онъ, когда Павелъ хотѣлъ схватить ее за бортъ и помочь причалить. Дѣйствительно, лодка безъ всякихъ усилій, точно разыгравшаяся рыба, выскочила до половины на отлогій берегъ.

— Что, хорошо? Мы такъ всегда...—сказалъ якутъ съ самодовольной улыбкой, выйдя на берегъ и упираясь на весло. Лодку онъ вытащилъ совсѣмъ изъ воды, вынулъ изъ нея связку сѣтей и десятокъ большихъ щукъ, нанизанныхъ за жабры на тальниковую вѣтку.

— А эту вотъ Богъ далъ для тебя!,.—сказалъ Уйбанчикъ, подымая вверхъ большую рыбу съ золотистыми глазами и серебристой чешуей, — Богъ меня услышалъ, я просилъ... Теперь эта рыба рѣдко ловится, послѣ будетъ ея много... Я слышалъ, ты не любишь щуки, отъ нея, говорятъ, тебя тошнитъ и голова разбаливается.

— Откуда ты слышалъ? Вѣдь никуда, самъ говоришь, не ходишь?

— Сказываютъ... — немного таинственно отвѣтилъ парень.—Мы еще дивимся, какъ ты переносишь: щука и щука, утромъ щука, вечеромъ щука, въ обѣдъ щука... Развѣ щука рыба? Мы сами отъ нея худѣемъ и не считаемъ вовсе за рыбу... Дрянь; но откуда взять, если такая наша природа?..

— Подожди, ячмень будетъ, все перемѣнится.

— И то правда!—разсмѣялся Уйбанчикъ.

Они пошли вверхъ по тропинкѣ, подѣливъ между собою сѣти и рыбу.

Можетъ быть, благодаря однообразію Андреевскаго меню или же вслѣдствіе вчерашней работы, но серебристая рыба, сваренная просто по-якутски, безъ соли и всякихъ приправъ, показалась Павлу вкуснѣе всѣхъ испробованныхъ имъ когда-либо рыбныхъ блюдъ. Съѣлъ онъ ея почти половину, къ большому удовольствію Матвѣя, который все подсовывалъ ему, приговаривая:

— Ѣшь, ѣшь, паря... Наигрались вчера... Небось, опять скоро ѣсть захочешь!

Послѣ завтрака молодые люди пошли ставить городьбу. Въ разговорѣ и работѣ незамѣтно прошло время до обѣда.

— Ну, теперь пусть ждетъ!—сказалъ Уйбанчикъ, кивая головой на поле.—Не скоро, Павелъ, опять у меня вѣрно будешь, не скоро посѣтишь мою сироту... Андрей поправится, лодку возьметъ и опять здѣсь торчать станетъ.

— Какъ? У васъ?!.

— Нѣтъ не у насъ, конечно, не у насъ... — разсмѣялся онъ, а у себя... У Лельи...

Павелъ умолкъ. Когда онъ ѣхалъ сюда, то вспоминалъ дѣвушку, и была у него даже надежда увидѣть ее, но онъ стыдился сказать объ этомъ якуту. Тотъ впрочемъ, самъ догадался.

— Хочешь: поѣдемъ къ ней послѣ обѣда? Она отсюда недалеко.

Павелъ кивнулъ головою. На обѣдъ подали свѣжія, жирныя, прекрасно изжаренныя внутренности щуки, но Па-

велъ, хотя любилъ это блюдо, ѣлъ мало и сидѣлъ задумчивый... Ожиданіе, что онъ скоро увидитъ таинственно исчезнувшую дѣвушку, о судьбѣ которой, случалось, онъ думалъ, которое чуть-чуть волновало его, и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, онъ былъ молчаливъ и разсѣянъ. Тщетно Уйбанчикъ пробовалъ расшевелить его; наконецъ онъ подалъ ему кусочекъ измятой бумаги, сложенной въ видѣ письма; на бумагѣ были неясно карандашемъ написаны слова: „Я Васъ ОчеНьлюб Лу инородасъ джУрдж УйсАВоЛ. уса Кангаласкаво НаСлега рода Эсе Уйбанчикъ Матвеевичъ Трофимовъ".

Павелъ прочелъ и улыбнулся.

— А ты меня любишь?—спросилъ вкрадчиво якутъ.

— Почему же не любить тебя? Ты вѣдь хорошій!

— Я хорошій и всегда правду говорю и хочу быть еще лучше...—подтвердилъ парень и вдругъ неожиданно вздохнулъ:—Ну что жъ: если хочешь, поѣдемъ!

Солнце стояло какъ разъ надъ русломъ рѣчки, и она тихо струилась въ нарядныхъ зеленыхъ берегахъ. Комары сейчасъ же набросились на нихъ. Павелъ, у котораго былъ въ лодкѣ котелокъ съ дымокуромъ, отдалъ свою сѣтку Уйбанчику. Нѣкоторое время они плыли молча рядомъ, какъ пара утятъ. Но Павелъ, неопытный весельщикъ, задѣвалъ постоянно за весло якута. Наконецъ Уйбанчикъ, сбросивъ съ нетерпѣніемъ сѣтку, подалъ ее Павлу на концѣ весла:

— Возьми свою палатку... Никуда она не годится: ни слышать, ни видѣть!..

— А комары!.. Не боишься?

— Чего буду бояться? Если ихъ всѣхъ сложить вмѣстѣ, все-таки будетъ меньше меня!

— Ой... летитъ съ востока
Точитъ длинный клювъ...
Длинный клювъ, способный достигать всего,
Крылышки прозрачны, точно свѣтлый камень;
Черненькій, маленькій,
Шумный Эксеккю!..
Зазвенѣлъ, какъ ножницъ
Китайскихъ подвѣски,
И исчезъ среди травъ обширной долины...
А у насъ, а у насъ...

раздуло рожу!.. закончилъ Уйбанчикъ и весело разсмѣялся.—Угадай, иноземецъ?

— Да ты переведи по-русски!..

— Нѣтъ... По-русски не выйдетъ!.. Лучше поплывемъ... Кто скорѣе?

Павелъ самонадѣянно согласился, но послѣ двухъ, трехъ ударовъ весломъ Уйбанчикъ оставилъ его такъ далеко, что нечего было и пытаться его догнать. Отплывши далеко, Уйбанчикъ повернулъ лодочку, точно волчокъ, и поплылъ обратно. Легкая, послушная малѣйшему движенію рыбака остроносая лодочка, казалось, не плыла, а летѣла надъ поверхностью воды, чуть чуть касаясь ея грудью и крыльями—веслами.

— Какъ птица!..—вскричалъ восхищенный Павелъ.

— Эхъ, не то! Еслибъ ты видѣлъ Джянгу, ты бы правду сказалъ: птица. Онъ, дѣйствительно, такъ скоро плыветъ, что и рыба за нимъ не поспѣетъ!

— А гдѣ же теперь Джянга?

— Джянга? На Сардахѣ! А, впрочемъ, кто его знаетъ. Взялъ и ушелъ, сказалъ, что не придетъ раньше сѣнокоса.., Ищетъ мѣстовъ... Вотъ видишь, русскій, наши сѣти стоятъ!—добавилъ Уйбанчикъ, указывая на ряды желтыхъ поплавковъ изъ бересты.—Это Лелья ставила... А тамъ дальше, видишь, „заѣздка“ Андрея!

Павелъ взглянулъ въ указанномъ направленіи и увидѣлъ

протянувшійся поперекъ рѣчки узенькій изъ жердей мостикъ. Онъ укрѣпленъ былъ на многочисленныхъ тонкихъ сваяхъ. Они причалили къ мостику и взошли на него; онъ дрожалъ

и шатался подъ ихъ тяжестью и подъ напоромъ теченія. Павелъ въ первый моментъ даже зажмурился, чувствуя головокруженіе отъ этой прозрачной глубины, быстро убѣгающей изъ подъ ногъ.

— Смотри: есть рыба въ мордахъ... Не осматривали еще! Хочешь, вынемъ?

Павелъ уже освоился съ своимъ положеніемъ и съ любопытствомъ разсматривалъ „заѣздку“. Она состояла изъ густыхъ деревянныхъ рѣшетокъ, прикрѣпленныхъ къ сваямъ, которыя упирались въ дно. Въ этомъ рѣшетчатомъ заборѣ было оставлено нѣсколько отверстій; въ отверстіяхъ помѣщались громадныя корзины-верши. Въ корзинахъ плавали темныя, веретенообразныя рыбы, блистая повременамъ серебристой чешуей.

— Рыбы... рыбы!..—шепталъ Уйбанчикъ.—Хочешь, вынемъ?

— Зачѣмъ? Лучше не трогать, еще разсердятся!

— Разсердятся? За что же сердиться? Даже, если бы мы рыбъ и не отдали, ничего сказать не могутъ... Всякій, когда нужно, брать можетъ. Только для шалостей и на продажу запрещается... Таковъ нашъ законъ... Да и „заѣздка“ считается только Андреевой, а строили мы ее всѣ, міромъ... Развѣ одинъ такую работу одолѣетъ?.. Потому и Андрей долженъ помогать намъ, когда нужно!..

— И что же: онъ не отказывается... не требуетъ послѣ вознагражденія?

Уйбанчикъ замялся.

— Отказывать не отказываетъ, но... А, впрочемъ, что будетъ дѣлать? Денегъ ему за рыбу платить никто здѣсь не станетъ, а продать на сторону тоже некому... Иногда столько поймается... страсть! Гніетъ даже, возить не успѣваемъ.

— Почему же не дѣлаете запасовъ, не вялите, не солите? Вѣдь каждый годъ, говоришь, голодаете?

— Если бы знать, навѣрно, что поймается, тогда бы мы приготовились!.. А то никогда не знаешь... Людей по близости нѣтъ, припасу нѣтъ... Ничего *доспѣть* невозможно...

Такъ и гніетъ... Ты говоришь, напримѣръ, ледники рыть!.. А ты видѣлъ, какъ у насъ вода все заливаетъ, гдѣ же леднику-то быть, сейчасъ его зальетъ, одно лѣто и то не простоитъ... Безъ пользы!.. А возить опять силъ не хватаетъ... Комары, грязь... А соли, ты видишь, совсѣмъ нѣту... Самъ сидишь безъ соли! А все отъ безсилія... Понимаешь?..

Павелъ не совсѣмъ понималъ, но въ голосѣ Уйбанчика звучало столько отвращенія и скуки къ этимъ „пустымъ", какъ онъ говорилъ, разговорамъ, что Павелъ не возражалъ.

— Черезъ этотъ мостикъ, когда болота подсохнутъ, ты къ намъ безъ лодки попадать можешь,—поучалъ Уйбанчикъ.

Они подошли къ урасѣ Андрея, размѣрами и формой совершенно похожей на другія урасы. Уйбанчикъ отдернулъ кожу, закрывавшую входъ, но не вошелъ, а стоялъ нѣкоторое время въ выжиданіи.

— Нѣтъ! Куда-то ушла! И давно какъ ушла!..

Дѣйствительно, ураса имѣла видъ давно покинутаго жилья. Надъ грудою истлѣвшихъ углей, въ столбѣ сѣраго свѣта, падавшаго сквозь дымовое отверстіе, тихо вился комариный рой; порожніе чайники и котлы на крюка хъ, надъ чуваломъ, были запылены, а по угламъ висѣли какъ-то особенно грузно платье и сѣти.

— Да-вно! Больше двухъ дней... Куда бы она уйти могла? — размышлялъ вслухъ Уйбанчикъ, все внимательно осматривая. Онъ вышелъ на дорожку, изслѣдовалъ ее и траву по близости и сталъ, наконецъ, звать и кричать:

— Лелья!... Ле-ль...я...я. Го...го...го!

Даже эхо не отвѣчало ему, заглушаемое шумомъ вѣтра.

— Что же дѣлать?—спрашивали они друга друга.

Дѣвушка повидимому исчезла давно и неожиданно; зола была холодная, вода въ ведрахъ затхлая.

— У Андрея ея нѣтъ! Изъ сосѣдей только мы живемъ близко... Можетъ быть, въ лѣсу заблудилась... или вчерашній вѣтеръ на рѣкѣ опрокинулъ съ ней лодку?...

Они пошли на рѣку; тамъ нашли лодку, спокойно лежавшую вверхъ дномъ на пескѣ, въ тѣни обрыва; лодка была запылена и разсохлась.

— Должно быть, пошла, дура, далеко въ лѣсъ, и медвѣдь ее съѣлъ... Или запуталась въ кустахъ и ходитъ кругомъ по тайгѣ!

Искали они въ кустахъ, ходили въ лѣсъ, окликая безостановочно хриплымъ отъ усталости и волненія голосомъ:

— Лель—яя... Лелья...я...а! Го...го...го!

Въ отвѣтъ получался все тотъ же однообразный шумъ лѣса и жужжаніе комаровъ.

— А у васъ не случается, чтобы руку кто на себя наложилъ?—спросилъ Павелъ въ раздумьѣ.

— Какъ не случается? Всякому случается, что его чортъ опутаетъ,— возразилъ возбужденно Уйбанчикъ. — Грѣхъ загадывать такъ!.. Ничего не выйдетъ изъ нашего хожденія... Нужно людей... много людей! Мы сами еще запутаемся, бѣгая... Нечего здѣсь ждать и искать... и тебѣ не совѣтую! — добавилъ онъ рѣшительно.

Павелъ пожалъ плечами; онъ не понималъ, какъ можно заблудиться среди этихъ прозрачныхъ лѣсовъ въ здѣшній непрерывный лѣтній день. Онъ, впрочемъ, соглашался, что нужно созвать людей, такъ какъ подозрѣвалъ здѣсь не приключеніе, а драму.

— Ты, русскій, напрасно поводишь плечами...—поучалъ его Уйбанчикъ, когда они возвращались къ лодкамъ.—Намъ, якутамъ, случается иногда выйти по близости въ лѣсъ, часто безъ шапки и безъ рукавицъ и не возвращаться уже назадъ домой... Идешь, идешь, все дальше и дальше, не узнавая знакомыхъ мѣстъ, не видя юртъ, ходишь кругомъ, пока не умрешь, если только не найдутъ раньше люди... Такія-то штуки дѣлаютъ иногда черти...

— Пойдемъ скорѣе...—торопилъ его Павелъ, охваченный все возроставшей тревогой. Они усѣлись въ лодки, не обращая вниманія на комаровъ и, не разводя дымокура, поплыли противъ теченія. Павелъ не поспѣвалъ за якутомъ, отсталъ, а видя, что тотъ оглядывается и поджидаетъ, закричалъ, чтобы не обращалъ на него вниманія и торопился. Уйбанчикъ послушался и скоро исчезъ изъ виду. Павелъ даже радъ былъ этому, положилъ весло, чтобы дать отдыхъ отек-

шимъ рукамъ, вытеръ потъ съ лица и попробовалъ развести дымокуръ. Наступала полночь, солнце шло низко надъ горизонтомъ, но зной не уменьшался; наоборотъ, вѣтеръ притихъ и въ узкой лощинѣ рѣки стало душно, какъ въ банѣ. Павелъ задыхался подъ сѣткой и бросилъ ее въ лодку. Комары сейчасъ же воспользовались этимъ, тѣмъ болѣе, что дымокура не удалось ему развести: навозъ сгорѣлъ, а за дровами нужно было пристать къ берегу.

— Да и собственно зачѣмъ я спѣшу?—соображалъ Павелъ. — Уйбанчикъ все сдѣлаетъ; лучше возвращусь я и подожду въ урасѣ. А если она вернулась? — подумалъ онъ, и сердце его екнуло.

Но она не возвратилась; въ урасѣ все было такъ же пусто и тихо, надъ чуваломъ въ столбу свѣта вился все тотъ-же рой комаровъ. Онъ развелъ огонь, принесъ воды, наполнилъ чайникъ и котелъ, повѣсилъ ихъ надъ огнемъ, чтобы были готовы на случай прихода людей. Рыбу добыть изъ „заѣздки“ онъ не рѣшился, изъ опасенія что-либо испортить. Онъ ждалъ, сидя у огня, и прислушивался къ бурленію кипѣвшей воды. Время тянулось томительно, никто не являлся. Павелъ выходилъ все чаще наружу и напряженно всматривался, глядѣлъ на ночной блѣдный дискъ солнца, на тайгу, молчаливую и мрачную.

— А что, — думалъ онъ, — если правда, что она здѣсь недалеко блуждаетъ, не узнавая мѣстъ, не замѣчая жилья, измученная, отчаявшаяся, игрушка собственнаго воображенія?..

Ему отчетливо представилась стройная фигура дѣвушки, обвѣшанной серебромъ; она идетъ по травѣ сквозь рѣдкія заросли и все высматриваетъ среди древесныхъ пней, нѣтъ ли помощи или гибели... рукою отстраняетъ вѣтви... Большіе горящіе глаза расширены, грудь тяжело дышетъ... Вотъ присѣла на колоду упавшаго дерева, безконечно усталая и, закрывши лицо руками, ждетъ смерти, а надъ ней вьется темная туча жужжащихъ комаровъ.

Нѣтъ!.. Незачѣмъ здѣсь сидѣть ему! Нечего ждать! Придутъ — тѣмъ лучше, а теперь онъ самъ пойдетъ, и авось

удастся ему предвосхитить ту маленькую крошку времени, которая часто рѣшаетъ вопросъ жизни.

Онъ подтянулъ поясъ, поправилъ платье, осмотрѣлъ ружье и пошелъ въ лѣсъ, время-отъ-времени громко окликая дѣвушку.

— Лелья... Ле-ль-я!.. Го-го!

Чтобы захватить возможно большее пространство лѣса, онъ шелъ концентрически, все увеличивая круги и внимательно наблюдая страны свѣта. Онъ такъ много уже ходилъ по лѣсу, что не боялся сбиться. Онъ осматривалъ всякій кустикъ, всякую болѣе густую чащу, каждый болѣе крупный пень опрокинутаго дерева. Нигдѣ ничего, ни малѣйшихъ слѣдовъ! Наконецъ, онъ забрелъ въ такіе дикіе и мрачные углы, что самому стало жутко. Къ тому же туча комаровъ, принявшая невѣроятные размѣры, окружила его такимъ густымъ туманомъ, что сквозь него трудно было разсмотрѣть даже ближайшіе предметы... И всюду они летѣли за нимъ неотступно съ грознымъ жужжаніемъ, похожимъ на шумъ огромнаго пчелинаго роя, раздражая и пользуясь малѣйшей оплошностью, чтобы броситься въ лицо, въ ротъ, въ глаза, кусать и ослѣплять.

Усталый и изрядно изъѣденный, онъ уже подъ-вечеръ на другой день подходилъ обратно къ урасѣ. Уйбанчикъ, выбѣжавшій къ нему на встрѣчу съ головней въ рукахъ для острастки комаровъ, прищелкнулъ языкомъ отъ удивленія и жалости:

— Какой грѣхъ! Однако, ты сѣтку подымалъ!

— Всяко бывало! Чуть не задохнулся!..

— Еще бы—быка задавятъ! Глазъ у тебя не видно... рожа опухла!

— Да, покусали... Приходилось поднимать сѣтку, чтобы разсмотрѣть дорогу, совсѣмъ темно отъ нихъ стало... Все казалась мнѣ другая мѣстность... Вѣдь недалеко-же?

— Совсѣмъ близко, на мѣстѣ... Усталъ ты, должно быть? Шутка-ли, не ѣвши проходить день и ночь въ лѣсу. Мы уже думали, что и ты заблудился... Но все не вѣрили: такой охотникъ!

— Да я и не заблудился!

— А... Такъ что же?

— Искалъ.

Уйбанчикъ долго молчалъ, размышляя.

— Мы тоже искали, — сказалъ онъ вдругъ. — Но ничего не нашли ни на той, ни на этой сторонѣ рѣчки. Теперь поплывемъ водою, можетъ быть, тѣло найдемъ; да тутъ вышла задержка изъ-за тебя... Вѣдь мы уйдемъ совсѣмъ... Вотъ они и послали меня искать... Ты слышалъ, какъ я кричалъ?

— Развѣ дадутъ эти дьяволы что-нибудь разобрать!? — съ сердцемъ отвѣтилъ Павелъ, отмахиваясь отъ комаровъ и снимая ружье съ плеча у порога урасы.

Собравшіеся тамъ рыбаки встрѣтили Павла восклицаніями удивленія и сожалѣнія:

— Ой... ой!.. какъ изъѣли тебя! Гдѣ ходилъ, что видѣлъ?

Павелъ присѣлъ на скамью и сталъ разсказывать. Одинъ Андрей, злой, мрачный, сидѣлъ за столомъ съ подвязанной рукой, ни съ кѣмъ не говорилъ, небрежно слушалъ разсказъ Павла и все торопилъ, чтобы поскорѣе подавали ужинъ. Павлу поднесли чашку теплаго топленаго масла.

— Пей... пей... окрѣпнешь!

Павелъ выпилъ, и пріятная теплота и бодрость дѣйствительно разлилась мгновенно по его членамъ, какъ отъ ста-

кана хорошаго вина. Онъ настаивалъ, чтобы его взяли съ собою, и Уйбанчикъ послѣ долгихъ совѣщаній рѣшилъ взять его въ свою лодку. Якуты тронулись на пяти лодкахъ, вытянувшись въ рядъ поперекъ рѣки. Вдоль, по обоимъ бере-

гамъ, параллельно имъ, двигались промышленники съ винтовками и рогатинами. Всякій встрѣчный островокъ, всякое скопленіе водорослей, нависшій надъ водою кустъ тальника, всякую быстрину около подмытаго обвала осматривали тщательно, долго, совѣтуясь и высказывая предположенія. Такимъ образомъ, они проплыли уже съ полторы версты, какъ вдругъ старикъ Матвѣй остановился у одной изъ песчаныхъ береговыхъ отмелей и указалъ на нее весломъ:

— Лодка причаливала.

Всѣ сію же минуту подплыли къ нему и стали внимательно разсматривать чуть замѣтные слѣды.

— Смотрите, человѣкъ ходилъ!

— Правда, ходилъ! Смотрите, здѣсь тоже ступня!

— Мужчина?

— Да! Мужчина!

— Совсѣмъ недавно... Ушелъ вверхъ по рѣкѣ!

Бросивши лодки, якуты пошли по слѣду, который то велъ къ урасѣ, то опять пропадалъ.

— Кто бы это могъ быть?

— Спроси русскаго, откуда онъ къ тебѣ пріѣхалъ, снизу или сверху, и гдѣ тогда лодку оставилъ?—обратился неожиданно къ Уйбанчику Андрей, внимательно исподлобья разсматривая ноги Павла, обутыя въ якутскія сары.

Уйбанчикъ разсердился и отказался переводить, но Павелъ самъ догадался по взгляду и тону Андрея. Густой румянецъ покрылъ его лицо и онъ поспѣшилъ дать сдержанный, но обстоятельный отвѣтъ.

— Что вы съ ними разговариваете... съ дураками! Совсѣмъ дикіе люди!.. Худо, однако, что ты такъ долго ходилъ по лѣсу... Андрей еще тебѣ, пожалуй, штуку захочетъ устроить... — шепнулъ ему незамѣтно Уйбанчикъ, когда опять усѣлись въ лодки.

— Останься, русскій!—совѣтовали ему.

Но теперь онъ уже ни зачто не хотѣлъ остаться. Искусанные виски его страшно болѣли; боль эта вмѣстѣ съ опухолью мало-по-малу охватывала всю голову; стало тошнить, по тѣлу разлилась слабость, появился ознобъ.

— Ты съ комарами не шути! — уговаривали его Матвѣй и Уйбанчикъ. — Тебѣ нужно отдышаться, а такъ расхвораешься и намъ мѣшать будешь!

Вскорѣ маленькая флотилія выплыла на огромное озеро, куда вливалась рѣчка. Тутъ якуты сдѣлали привалъ и стали совѣтоваться, что предпринять дальше. Рѣшили окружить озеро, раздѣлившись на двѣ партіи.

— Возвращайся, господинъ Павелъ, съ отцомъ домой...— настаивалъ Уйбанчикъ.

— Мы должны искать, можетъ и найдемъ тѣло или что-нибудь!.. Ты только мѣшать будешь!—говорили другіе якуты.

Павелъ понялъ, что дѣйствительно будетъ лишь въ тягость въ этой трудной экспедиціи, гдѣ каждый лишній ротъ, каждый кусокъ жира на счету. Онъ возвратился домой вмѣстѣ съ старикомъ Матвѣемъ, которому поручили общій надзоръ за женщинами и дѣтьми въ околоткѣ.

Раздраженный и страдающій Павелъ провелъ въ ожиданіи нѣсколько скверныхъ дней. Онъ разспрашивалъ, какъ умѣлъ, безпокоился, но даже когда промышленники стали возвращаться, ему долго не удавалось узнать всего доподлинно. Андрей пріѣхалъ исхудалый, злой, какъ чортъ, и совсѣмъ не хотѣлъ отвѣчать на вопросы, даже когда несомнѣнно понималъ ихъ. Богачъ сталъ невозможно грубъ и придирчивъ и изъ-за всякаго пустяка набрасывался на домашнихъ, кричалъ и ругался. Всѣ присмирѣли, даже жена Андрея, большая любительница ссоры, вела себя ниже травы, тише воды; даже Симаксинъ кудахтала за камелькомъ очень сдержанно. Рыбаки, пріѣхавшіе съ Андреемъ, молча напились чаю и поторопились убраться восвояси. Павелъ узналъ отъ нихъ только, что дѣвушка жива, что слѣды ея найдены и безпокоиться ему нечего.

— Мы не понимаемъ по-русски, ты самъ знаешь, что мы не понимаемъ,—упрямо твердили они, хотя Павелъ старался говорить съ ними на томъ же ломаномъ якутскомъ языкѣ, съ помощью жестовъ, который, казалось, они до сихъ поръ прекрасно понимали.

— Ты спроси лучше Андрея или Уйбанчика,—совѣтовалъ ехидно Длинный.

Именно этого и желалъ избѣжать Павелъ, все еще продолжавшій дуться на Андрея за его нелѣпыя подозрѣнія. Онъ предпочелъ выждать, когда уйдутъ рыбаки, успокоятся разыгравшіяся страсти, и разспросить непосредственно тунгуса: этотъ долженъ былъ знать.

На другой день вечеромъ онъ пошелъ навѣстить тунгуса. Тамъ какъ разъ собирали вещи и палатку для новой перекочевки. Павелъ спросилъ для начала бесѣды: въ который уголъ двора думаютъ въ этотъ разъ перебираться, но старикъ потрясъ головою и указалъ на лѣсъ.

— Старикъ пойдетъ... Андрей прогоняетъ!.. Дѣвка нѣту... олень нѣту... ничего нѣту! — закончилъ онъ съ такимъ жестомъ, точно всему наступилъ конецъ.

Павелъ опять смутился: неужели онъ не понялъ рыбаковъ, и дѣвушка дѣйствительно погибла, нашли не ее, а мертвое тѣло. Онъ опять принялся разспрашивать, мучительно вникая въ смыслъ непонятныхъ словъ. Наконецъ, нѣсколько разъ повторенное съ ненавистью имя Джянги бросило лучъ свѣта. Павелъ разсмѣялся—происшествіе было далеко не такъ трагично, какъ онъ думалъ: красавица бросила богача и бѣжала въ лѣсъ съ прелестнымъ пѣвцомъ; гдѣ они спрятались, не удалось узнать, и погоня возвратилась ни съ чѣмъ...

Старики уложились, забросили на спины узелки кивнули Павлу головой на прощанье и побрели узкой болотистой тропой въ глубину лѣса.

Прошло нѣсколько недѣль. Приближался Петровъ день. Комары притихли; на припекѣ, въ лучахъ солнца, правда, стояли нерѣдко огромныя колонны ихъ, но они уже не кусались такъ сильно.

— Комариная свадьба, — объясняли якуты. — Только въ пасмурные, ненастные дни да позднимъ вечеромъ они набрасывались по прежнему на скотъ и людей, да и то больше въ лѣсу, вблизи болотъ. Павелъ уже не гулялъ по тайгѣ, не ходилъ ни къ сосѣдямъ, ни къ Уйбанчику, такъ какъ броды

на рѣчкахъ и тоняхъ еще не образовались, а лодки Андрей не давалъ, даже когда самъ сидѣлъ дома, подъ гѣмъ предлогомъ, что она испорчена.

Наконецъ въ послѣднихъ числахъ іюня открылась дорога къ „лѣтнику“ Матвѣя. Узкая, чуть замѣтная тропа вела туда сквозь лиственный лѣсъ и опрятныя березовыя рощи, среди кустовъ цвѣтущаго шиповника и курчаваго ракитника, среди кочекъ и осокъ, а мѣстами по желтымъ мхамъ, покрытымъ темно-зелеными пятнами кустовъ брусники и морошки. Потерять дорогу было невозможно, такъ какъ она была единственной и шла въ обходъ озера, блестящая гладь котораго просвѣчивала сквозь рѣдкія куртины деревьевъ. Павелъ шелъ быстро, весело посвистывая и посматривая по сторонамъ. Онъ здѣсь былъ впервые. Всякій разъ, когда онъ подходилъ къ озеру, въ прибрежныхъ травахъ подымался шумъ, шлепаніе крыльевъ и крикъ утокъ, и стаи ихъ торопливо отплывали на середину озера. Павелъ, не желая ночевать въ лѣсу, рѣшилъ не увлекаться охотой. Послѣ двухъ-трехъ часовъ ходьбы онъ увидѣлъ передъ собой неожиданно мостикъ Андреевской „заѣздки“. Все здѣсь было по старому: въ вершахъ на днѣ мелькали тѣни рыбъ, блистая серебристой чешуей, а надъ ними, покачивая сваи, лилась мощная, прозрачная струя зеленоватой воды. Проходя мимо урасы Андрея, онъ съ улыбкой заглянулъ въ черныя открытыя двери заброшеннаго зданія, гдѣ нѣкогда такъ волновались они вмѣстѣ съ Уйбанчикомъ.

Немного погодя, онъ увидѣлъ и парня, сидѣвшаго на порогѣ своего жилья съ косой въ рукѣ. Онъ сосредоточенно точилъ косу на брускѣ. Замѣтивши гостя, Уйбанчикъ поспѣшно выплюнулъ изо рта воду, которой поливалъ брусокъ, и закричалъ радостно:

— Павелъ!.. Павелъ... Капсе!

— Ничего нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ по-якутски.—Дай напиться; умираю отъ жажды... А сырой воды по вашему совѣту избѣгаю пить.

— Хорошо дѣлаешь! Вода у насъ губительная... Пойдемъ чай пить... Какъ разъ поспѣлъ ты къ чаю!.. Эй, старуха, ставь чашки!

— А отецъ? Развѣ отца ждать не будете?

— Не видно его... Богъ знаетъ, когда придетъ... Наливай чашки, небольшая бѣда, если старикъ и спитого напьется... Голова не отвалится.

Павла поразилъ этотъ жестокій и грубый, совершенно необычный для Уйбанчика тонъ; къ тому же якутъ былъ грустенъ и молчаливъ.

— Что же ячмень?—спросилъ его Павелъ за чаемъ.

— Ячмень растетъ. Вотъ какой высокій, но все трава, а больше ничего не видно.

— Скоро всего хочешь! Подожди, будетъ и больше.

— Лѣто уходитъ, скоро половина!—отвѣтилъ задумчиво якутъ.

Не ускользнули отъ Павла и тѣ досадливые взгляды и фразы, которыми Уйбанчикъ встрѣтилъ возвратившагося отца. Старикъ улыбнулся Павлу, но сквозь его любезность просвѣчивала какая-то забота. Павелъ настолько уже зналъ мѣстные обычаи, чтобы понять, что не побѣгъ Джянги съ Лельей самъ по себѣ могъ такъ опечалить его близкихъ. Послѣ чаю онъ выманилъ Уйбанчика въ поле, чтобы все узнать обстоятельно.

Ихъ маленькая пашня имѣла обѣщающій видъ. Ячмень принялся и выросъ; его широкіе ярко-зеленые побѣги сплошь покрыли рыжую почву. Тамъ и сямъ уже подымались толстыя трубки.

— Смотри: вотъ здѣсь-то и будетъ колосъ, — сказалъ Павелъ, перескочивъ изгородь, и сорвалъ одинъ стебель. Онъ развернулъ трубку, и оттуда выглянула кисточка нѣжныхъ блѣдно-зеленыхъ усиковъ.

— Колосъ говоришь?—переспросилъ якутъ.

— Ну да!

— А въ колосѣ?

— Зерно... а въ зернѣ мука...

— Му-ка... — протянулъ парень, улыбаясь по прежнему весело и задушевно. — Мука, сказываешь, настоящая мука, какую возятъ изъ города?

— Да, совсѣмъ настоящая... А ты мнѣ, Уйбанчикъ, скажи:

почему ты такой грустный?.. почему вы всѣ грустные и сердитые?—спросилъ Павелъ, понижая голосъ.— Можетъ быть, я могу вамъ помочь?.. Или посовѣтовать?

— Ахъ нѣтъ! Ты намъ помочь не можешь... Я знаю и постоянно со старикомъ изъ-за этого ругаюсь... Онъ все говоритъ: иди да иди... къ вамъ то есть. А я знаю, что у васъ ничего нѣту, что васъ до-чиста ограбили.

— Но въ чемъ дѣло? — допытывался краснѣя Павелъ. Уйбанчикъ долго колебался, и только настойчивые разспросы обнаружили, наконецъ, Павлу всю подноготную. Они были кругомъ въ долгу у Андрея, какъ большинство якутовъ въ околоткѣ. Джянга долженъ былъ въ этомъ году косить у богача. Теперь, когда онъ убѣжалъ и увелъ Лелью, Андрей страшно разсердился, потребовалъ сразу уплаты и грозилъ, что отдастъ въ батраки всю семью въ чужой наслегъ. Между тѣмъ и купцамъ они обязаны накосить одинъ стогъ сѣна. Вотъ и размышляютъ. Пришелъ конецъ... ложись и умирай!

— Чаю нѣтъ, масла нѣтъ, рубахи совсѣмъ износились... Какъ будемъ косить съ пустымъ желудкомъ и голымъ хребтомъ?

— Рубахи, можетъ быть, найдутся,—отвѣтилъ Павелъ.— Чай также добыть не трудно. Бралъ же у меня Андрей чай въ долгъ... А вотъ: нельзя ли такъ устроить, чтобы я жилъ у васъ? Все-таки двѣнадцать рублей, можно, думаю, кой-что отложить и по немногу выплатить.

Уйбанчикъ махнулъ рукою.

— Тогда Андрей совсѣмъ съѣстъ насъ. А деньги... такъ ты, однако, не раньше зимы получишь...—вставилъ онъ осмотрительно.

По лицу Павла пробѣжала тѣнь. Правда, онъ уже давно ждетъ денегъ, но ихъ все нѣтъ, и стыдно даже вспоминать о нихъ,—столько разъ толковалось объ этомъ и столько разъ назначались приблизительные сроки.

— А сколько вы должны?

— Много!—Уйбанчикъ сообщилъ такую крупную сумму, что Павелъ былъ прямо озадаченъ.

— И на что вы столько издержали?

— Да ни пошто!.. Богъ знаетъ... Все такъ живемъ, какъ видишь: работаемъ, трудимся, а все растетъ и растетъ долгъ и краю предѣла не видно... Всѣ кругомъ такъ... Всякій кому нибудь долженъ... Тотъ податей внести не успѣлъ, другой захворалъ и не отработалъ во время — все набавляется, и путаемся изъ году въ годъ, точно рыба въ сѣти.

Обычная исторія. Павелъ слышалъ ее въ свою недолгую жизнь уже много разъ, и не трудно было разглядѣть петли этой сѣти.

— Богатые отъ богатства, бѣдные отъ бѣдности, — ворчалъ онъ, убѣжденный, что вся бѣда отъ „распредѣленія". Якутъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на безпричинный, повидимому, гнѣвъ друга.

— А можетъ быть ячмень уродится?—улыбнулся Павелъ, чтобы смягчить непріятное впечатлѣніе.

— О! Если бы уродился... тогда...—разсмѣялся порывисто Уйбанчикъ.

XIV.

На Петра и Павла происходило въ домѣ Филиппа „большое собраніе“. Дѣлили луга, собирали подати, а богачи раздавали товары и деньги подъ работу. Павелъ былъ тоже въ числѣ приглашенныхъ и даже кой-когда обращались къ нему за совѣтомъ, но онъ понималъ, что эта была простая любезность. „Собраніе“ было точнымъ повтореніемъ видѣнныхъ имъ раньше: тотъ же кругъ съ „почетными“ въ первыхъ рядахъ и толпой позади, у дверей; то же вниманіе и глубокая тишина во время рѣчей ораторовъ и невозможное галдѣніе во время общихъ совѣщаній.

Павлу вскорѣ надоѣлъ видъ этого шумнаго малопонятнаго зрѣлища, и онъ вышелъ на дворъ, гдѣ молодежь затѣяла игры

— Джянги нѣтъ... Былъ бы онъ, все было бы иначе... — шептали женщины.

Дѣйствительно, игры не клеились. Парни прыгали на одной ногѣ, на двухъ, боролись, поднимали тяжести, тянулись на палкѣ—дѣлали все, что дѣлалось обыкновенно, но безъ всякаго увлеченія.

— Нѣтъ Джянги! — повторяла молодежь, расходясь по сторонамъ...

Игры мало-по-малу теряли старинный характеръ, когда ими любовались „почетные“, и даже изрѣдка сами принимали въ нихъ участіе. Онѣ превратились въ пустыя, подчасъ же-

стокія шалости. Парни задѣвали дѣвушекъ, дразнили „Козака“, меланхолически щипавшаго свою непослушную бородку, гоняли скотъ, стараясь ловить его за уши или хвостъ. Въ результатѣ было много смѣха, много разбитыхъ носовъ и лбовъ, но мало удали.

Только въ концѣ, когда случайно на полянку выбѣжалъ бѣлый жеребецъ съ густой развѣвающейся гривой, забава приняла немного эпическій характеръ. Играющіе бросились къ нему и послѣ короткой отчаянной погони окружили его въ чистомъ полѣ, схватили кто за гриву, кто за уши и повисли на его шеѣ. Напрасно билось животное: дюжина жилистыхъ рукъ, тяжесть десятка человѣческихъ тѣлъ давила его къ землѣ; степнякъ захрапѣлъ и упалъ на колѣни. Такъ держали его, пока не подошли женщины и Павелъ.

— Отпустите его,— говорили они,— развѣ вы не видите, какъ онъ дрожитъ!

Ослабѣвшій отъ борьбы конь, дѣйствительно, покорно опустилъ голову и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Огненные глаза его подернулись туманомъ, въ нихъ замѣтны были тревога и мука, а въ широко раздутыхъ ноздряхъ алѣла кровь.

— Пустите его!..— повторилъ Павелъ.

Его послушались. Мгновеніе конь стоялъ въ нерѣшительности, затѣмъ фыркнулъ, поднялъ голову и рысцой побѣжалъ къ табуну, откуда давно доносилось тревожное ржаніе.

— Въ старину бывали у якутовъ такіе богатыри, что одни безъ помощи могли поймать и осѣдлать въ степи жеребца!— хвасталась передъ Павломъ якутская молодежь.— А у васъ такіе были? Что объ этомъ въ книгахъ стоитъ?

Юноша пробовалъ разсказать имъ, „что объ этомъ въ книгахъ стоитъ“, но его плохой выговоръ и смѣшливое настроеніе слушателей были большой помѣхой.

Въ поискахъ развлеченій всѣ хлынули къ юртѣ, гдѣ громкіе, сердитые голоса обѣщали что-то интересное. Павелъ узналъ голоса Андрея и старика тунгуса и тоже попробовалъ было проникнуть внутрь, но общее любопытство на этотъ разъ восторжествовало надъ любезностью, и онъ былъ принужденъ остаться внѣ юрты и довольствоваться пересказомъ

событій, которыя торопливо сообщали другъ другу женщины.

— Что за грѣхъ?—стыдливо шептали онѣ.—Что за грѣхъ?

Павелъ сначала прислушивался, но хихиканіе, чрезмѣрная откровенность и излишнія подробности въ разсказахъ молодыхъ женщинъ объ. исторіи Лельи оттолкнули его. Онъ ушелъ въ сторону и прилегъ на кучѣ балокъ, закинувъ руки подъ голову. Издали долетала къ нему непонятная рѣчь, надъ нимъ висѣло чужое, блѣдное небо; онъ глядѣлъ въ него, ничего не думалъ, но незамѣтно какъ-то само собою его охватило сознаніе, что онъ никогда не станетъ здѣсь своимъ человѣкомъ, не сроднится съ окружающими, и онъ почувствовалъ вдругъ ужасъ и глубокое отвращеніе.

— Всю жизнь... всю?! Никогда!

— Павелъ!.. Павелъ... господинъ Павелъ!.. — раздался вдругъ голосъ Уйбанчика.

Сходка кончилась. Якуты разбрелись по домамъ. Старикъ Матвѣй вмѣстѣ съ сыномъ толкались по двору, очевидно отыскивая его.

— Я здѣсь!—закричалъ Павелъ.—Ну, что же?—спросилъ онъ, замѣтивъ печальныя лица якутовъ.

— Что же будетъ другое! Извѣстно: выигралъ, какъ мышь у сохатаго. Говорилъ я: лучше безъ судбищъ, лучше миромъ... Такъ нѣтъ... *Не смьта,* говоритъ! Ну, а въ отвѣтѣ-то я!..

— Дитя мое, развѣ я хотѣлъ?— защищался старикъ,— я думалъ, что общество войдетъ въ наше положеніе!

— Такъ.

— Чѣмъ-же дѣло рѣшилось?

— А вотъ тѣмъ, что ложись и умирай! Не только сѣно приказали косить, но и на зиму къ Андрею въ работники отдали.

— На зиму? А я думалъ, что здѣсь зимою и дѣлать-то нечего, что мы съ тобой поучимся!

Уйбанчикъ стоялъ съ поникшей головою.

— А вы не соглашайтесь. Подайте жалобу въ окружной... Хотите, я вамъ напишу. Съ какой стати вы должны отвѣчать за плута вашего брата?

— Плута... говоришь? Онъ еще не отдѣлился... Нельзя такъ... Онъ нашимъ считается... Пусть лучше будетъ, какъ приказали. Общество—сила, трудно съ нимъ воевать... Да и не люблю я... На кого жаловаться? Правда, намъ тяжело, но кому-нибудь должно же быть тяжело! Андрей тоже безъ человѣка остаться не можетъ. Люди говорятъ: отецъ вашъ здоровъ и еще крѣпкій, работать на себя можетъ, Джянга не выдѣлился... все же онъ вашъ братъ... должны его прикрывать... И правда!

Павелъ не возражалъ.

— А ты говорилъ отцу, что я у васъ жить хочу?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Теперь лѣтомъ это намъ не рука... Развѣ зимою... Да не уступитъ Андрей, и міръ не согласится. Онъ вѣдь договоръ сдѣлалъ съ міромъ на весь годъ держать тебя... Это очень выгодно... Я тебѣ посчитаю...

Уйбанчикъ присѣлъ около Павла и принялся высчитывать барыши Андрея. Павелъ тутъ только узналъ, что общество доплачиваетъ за него, и сильно разсердился.

— Съ какой стати? Меня не спрашивали. Да, наконецъ, двѣнадцать рублей совершенно достаточно, даже больше, чѣмъ нужно, за дрянную пищу, какую даетъ Андрей... Я пойду и объяснюсь!

— Ради Бога, не говори только, что мы сказали!.. Я отопрусь!—закричалъ Уйбанчикъ.

— Хорошо!.. хорошо!

Якуты уже расходились, но въ избѣ было ихъ еще много, когда вошелъ туда Павелъ. Онъ подошелъ къ Андрею, разговаривавшему съ Филиппомъ, и горячо заговорилъ на ломанномъ якутскомъ языкѣ.

— Я требую собранія... собранія!

У богача задрожали вѣки, но онъ притворился, что не понимаетъ.

— Что онъ говоритъ? Чего хочетъ? Собраніе... собраніе! Ты знаешь, русскій, что мы по-русски не знаемъ... Ничего не понимаемъ... А толмачъ ушелъ!..—повторяли якуты, окруживъ его.

Только, когда Павелъ ударилъ кулакомъ по столу и гнѣвно закричалъ: собраніе!—„почетные“ стали вновь разсаживаться по скамьямъ и позвали Уйбанчика. Они разыграли настоящую комедію, которую впослѣдствіи Павелъ не могъ вспомнить безъ стыда. Прежде всего они попробовали отъ имени всего общества воспротивиться его вмѣшательству:

— Это наше дѣло! Мы отъ тебя ничего не просимъ! чего тебѣ нужно? Мало тебѣ, что-ли? Больше дать мы не можемъ... мы бѣдны, ты самъ видишь, какіе мы бѣдные!

— Да не прошу я васъ, а не хочу, чтобы вы за меня платили!

— Какъ же тогда?

Андрей между тѣмъ съ обычной своей наглостью высчитывалъ, какія онъ дѣлаетъ уступки Павлу и какіе въ сущности терпитъ отъ этого убытки:

— Ежедневно подаютъ ему пѣнку съ молока на особой тарелкѣ... Все ѣстъ съ солью... Щуки не выноситъ, щи другой рыбы! Ежедневно мой котелъ, мой стаканъ, чашки и ложки... Сковороды никому не позволяетъ лизать — ни Симаксинъ, ни дѣтямъ... Сердится! Если, Боже упаси, найдетъ въ маслѣ волосъ или въ молокѣ чуточку навоза — не ѣстъ! А сами посудите: гдѣ же взять безволосыхъ женщинъ и коровы безъ навоза?

— Что и говорить!—соглашались слушатели.—Развѣ скотина—свинья? Скотина — животное чистое!

— Хотѣлъ, чтобъ я молоко цѣдилъ сквозь цѣдилку, но на это я ужъ не согласился. А самъ между тѣмъ на столѣ, гдѣ люди ѣдятъ, локти разставляетъ, пишетъ, читаетъ. Бутылочку съ чернилами на полкѣ держитъ подъ образами. Днемъ спитъ, ночью ходитъ. Дѣтей совсѣмъ избаловалъ: бить, даже кричать на нихъ не позволяетъ. Шляется по тайгѣ, по самымъ глухимъ мѣстамъ... все боишься, что его медвѣдь съѣстъ. Утокъ такъ напугалъ, что за версту облетаютъ мой домъ... Не молится, не разговариваетъ и только все тоскуетъ? Наконецъ, обѣщанныхъ денегъ изъ города все не везутъ!..

Уйбанчикъ, щадя друга, многое пропустилъ въ переводѣ, но и того, что сказалъ, было совершенно достаточно, чтобы укрѣпить Павла въ рѣшеніи.

— Я прошу... я требую!—сказалъ онъ,—чтобы міръ иначе меня устроилъ. У Андрея я жить не буду... Или иначе, или... въ городъ!

Якуты послѣ долгихъ препирательствъ и упрашиваній вышли, наконецъ, на дворъ, чтобы тамъ все обсудить. Павелъ и Уйбанчикъ остались въ юртѣ.

— Останься у Андрея! Лучше тебѣ нигдѣ не будетъ... Такъ говоритъ міръ,—уговаривали его депутаты, посланные обществомъ. — Никто тебя принять не хочетъ... время рабочее... дома останутся однѣ женщины, ѣды мало... Живи у Андрея или ходи изъ юрты въ юрту, какъ поселенецъ!

— Въ городъ!—отвѣтилъ Павелъ.

— Въ городъ запрѣщено, нельзя! За это насъ не похвалятъ!.. Ой, нѣтъ! Ты долженъ насъ жалѣть. Самъ знаешь, какіе мы люди, не то что ты!

— Хорошо. Тогда пусть мнѣ найдутъ пустой домъ на эти нѣсколько мѣсяцевъ и сейчасъ же отошлютъ мое прошеніе въ городъ. Рыбу пусть доставляетъ мнѣ община... я за все заплачу.

Депутаты закивали головами и ушли разсказать о новомъ предложеніи русскаго.

На этотъ разъ совѣщаніе тянулось дольше и депутатовъ не послали, а позвали Павла къ себѣ.

Домъ былъ найденъ: лѣтникъ Андрея. Пищу по мѣрѣ надобности обязанъ былъ доставлять десятникъ Матвѣй; объ освѣщеніи и отопленіи Павелъ долженъ былъ позаботиться самъ.

— Всѣ будутъ заняты... Ты себѣ вѣтокъ набери, валежнику... Теперь тепло, а придетъ зима—поговоримъ!

Начались переговоры о цѣнахъ, и хотя всѣ онѣ были по мѣстнымъ условіямъ крайне высоки, Павелъ согласился безъ возраженій.

— Мы другое—мы свои люди...—нашли нужнымъ оправдаться якуты. — Ты другое... Мы, правда, дешево продаемъ другъ другу, но мы другъ другу помогаемъ, а отъ тебя какая намъ польза.

Наскоро сосчитавъ, Павелъ убѣдился, что содержаніе ничуть не худшее, чѣмъ у Андрея, будетъ стоить ему меньше

двѣнадцати рублей. Изъ остатковъ можно будетъ кой-что отложить на платье, освѣщеніе и другія мелочи. Встрѣтилось одно препятствіе: новое хозяйство требовало нѣкотораго обзаведенія, а тутъ у всякой семьи имѣлось лишь столько посуды и вещей, сколько было необходимо. Долго якуты ссорились, разсчитывали и раскладывали, пока рѣшили, кому дать топоръ, чайникъ, огниво и т. п. Все обѣщали принести спустя нѣсколько дней въ юрту Андрея. Только въ послѣдней просьбѣ отказали Павлу: отослать его письма и бумаги сейчасъ въ городъ.

— Ты хочешь совсѣмъ насъ зарѣзать! — кричали они. — Время рабочее, а ты: въ городъ, да въ городъ! Кого пошлемъ?.. Подожди, пусть твои бумаги полежатъ, не живыя, не плачутъ... Установится зимняя дорога, тогда и пошлемъ. А если ужъ такъ непремѣнно желаешь скоро, то, хочешь, пошлемъ „по-якутски“?

„По-якутски“ пакетъ передавался отъ сосѣда къ сосѣду, по случаю, такъ что посылка иногда путешествовала мѣсяцы, дѣлала самые неожиданные круги и повороты и попадала иногда къ получателю совсѣмъ не съ той стороны, откуда слѣдовало. Павелъ не зналъ всего этого, да если бы и зналъ, то вѣрно согласился бы, такъ какъ сѣнокосъ, требующій участія всего населенія, приближался, а зима была далеко.

Его письма и прошеніе были взяты и пошли „по-якутски“.

Не скоро, однако, Павлу удалось устроиться собственнымъ хозяйствомъ. Якуты оставили лѣтникъ только недѣли двѣ спустя, когда работа на лугахъ настолько подвинулась, что можно было безъ ущерба для нея прогнать въ зимники скотъ. До тѣхъ поръ все оставалось попрежнему. Впрочемъ, теперь Павелъ не имѣлъ повода жаловаться на Андрея, наоборотъ: онъ былъ болѣе прежняго любезенъ и разговорчивъ и, если сердился, то скрывалъ недовольство въ душѣ. Домашніе слѣдовали его примѣру. Попрежнему ластились къ нему дѣти, ухаживала за нимъ Симаксинъ; попрежнему подавали ему „на особой тарелкѣ“ пѣнки съ молока, мыли посуду и старались, чтобы онъ не замѣтилъ попавшаго въ пищу таракана, волоса, навозу, не увидѣлъ, какъ по секрету

вылизываютъ дѣти сковороду. Попрежнему онъ писалъ, читалъ и раскладывалъ книги на столѣ... не спалъ по ночамъ и шлялся по лѣсу.

Между тѣмъ юрта мало-помалу пустѣла. Первыми ушли мужчины: Андрей, Нюстеръ, Уйбанчикъ; затѣмъ стали перевозить на саняхъ — единственномъ извѣстномъ здѣсь экипажѣ—одежду, посуду, запасы юкалы; наконецъ, тронулась жена Андрея, ожидавшая этого момента, какъ и вообще всякихъ перемѣнъ, съ большимъ нетерпѣніемъ. На саняхъ, выстланныхъ шкурами, усадили ее вмѣстѣ съ младшими дѣтьми; Нюстеръ, нарочно пріѣхавшій за матерью, взобрался на быка и, весело покрикивая, поѣхалъ впередъ. Сзади Симаксинъ съ семилѣтней дочкой хозяина гнала стадо коровъ и телятъ.

Павелъ остался въ юртѣ одинъ. Послѣ шума и суеты семейной жизни, вокругъ него вдругъ воцарились мертвая тишина и спокойствіе. На камелькѣ уже не потрескивалъ неустанно яркій огонь,—случалось, онъ потухалъ совершенно; съ наръ исчезли постели, съ вѣшалокъ — платье и сѣти, и грязь и убожество покатыхъ бревенчатыхъ стѣнъ юрты обнаружились нагляднѣе и рѣзче. Только изрѣдка, когда единственному жильцу ея приходило въ голову запѣть или зашагать, описывая круги, какъ онъ привыкъ это дѣлать въ тѣсномъ помѣщеніи, юрта вдругъ оживала и, казалось, особенно гулко и охотно повторяла эти необычные звуки. Внѣ юрты царствовала такая же тишина. Развѣ только съ крикомъ проносилась чайка или взлетали утки съ сосѣдняго озера, или вѣтеръ однообразно шумѣлъ въ тайгѣ. По временамъ, точно тѣнь отъ тучи, низко пролеталъ надъ избушкой, распустивъ широко крылья, пестрый орелъ. Эта перемѣна вначалѣ нравилась Павлу. Онъ могъ, наконецъ,

скрыться отъ этой яркой зелени, отъ раздражающей прозрачности воздуха, отъ серебра водъ, отъ золотого блеска солнца, которые надоѣли ему порядочно, но которые онъ все-таки предпочиталъ шуму и суетѣ домашней жизни якутовъ. Онъ чувствовалъ сильную потребность сосредоточиться, подумать въ тиши и въ полномъ отчужденіи отъ міра.

„Отвыкъ я... отвыкъ въ эти послѣдніе годы... отъ людей!— оправдывалъ онъ въ себѣ этотъ приливъ мизантропіи. Онъ чувствовалъ, что пресыщенъ, что слишкомъ много получилъ дикихъ впечатлѣній отъ дикаго шума и дикихъ якутскихъ картинъ.

Его потянуло опять къ книгамъ, къ замѣткамъ, къ размышленію.

Вставъ съ постели, онъ сдергивалъ съ оконъ занавѣски, которыми защищался отъ бѣлыхъ ночей, вынималъ изъ трубы большую, лохматую кочку—затычку, разводилъ огонь и шелъ за водою. Пока нагрѣвалась вода, онъ подметалъ, убиралъ избу и въ то же время жарилъ что-нибудь къ завтраку. Послѣ завтрака садился за книги, составлялъ конспекты, учился, и такъ до обѣда. Обѣдъ его состоялъ изъ рыбы жареной, вареной или копченой. Отъ хлѣба, соли онъ совершенно отвыкъ и только изрѣдка испытывалъ страстное желаніе попробовать ихъ, ощущалъ вкусъ ихъ ясно до галлюцинаціи. Иногда, перемѣны ради, онъ готовилъ себѣ изъ красной смородины нѣчто въ родѣ супа или убивалъ на озерѣ утку. Послѣ обѣда онъ шелъ съ топоромъ въ лѣсъ рубить дрова, собирать валежникъ. И то, и другое онъ складывалъ аккуратно въ сажени, какъ запасы на зиму, на всякій случай. Вечеромъ принимался за англійскій языкъ или отдыхалъ, лежа на постели и ни о чемъ не думая.

Эта установившаяся однообразная жизнь, послѣ продолжительныхъ скитаній, имѣла для Павла особую прелесть. Онъ каждый день зналъ, что завтра будетъ продолжать то, чего не успѣлъ сдѣлать сегодня; онъ впервые жилъ совершенно одинъ, внѣ общества, и въ его положеніи было что то похожее на Робинзона Крузе. Иногда только, какъ молнія, озарялъ его вопросъ: зачѣмъ? Но онъ торопливо

гналъ его прочь. Онъ не хотѣлъ вѣрить, не вѣрилъ, несмотря на многократныя повторенія постороннихъ, что онъ останется здѣсь на-всегда, что ему не нужно ни учиться, ни работать, потому что все это лишено разумнаго конца и цѣли.

Онъ съ увлеченіемъ работалъ, и въ трудѣ и чтеніи прошло у него незамѣтно нѣсколько лучшихъ недѣль въ году. Кромѣ десятника, у него за это время никого не было. Разъ только явился неожиданный гость: маленькій, бѣленькій горностай съ черными, блестящими, какъ бисеръ, глазами и чернымъ кончикомъ хвоста. Звѣрекъ сначала осторожно выглянулъ изъ подъ наръ, но увидя въ избѣ только одного Павла, неподвижно сидѣвшаго надъ книгами, прошелся сначала по юртѣ, затѣмъ прыгнулъ на скамью, а со скамьи на столъ и, поднявшись на заднія лапки, неподвижный и блестящій, точно вылитый изъ серебра, смотрѣлъ внимательно на бѣлую книгу и бѣлое бородатое лицо чужеземца. Павелъ улыбнулся и протянулъ руку, чтобы приласкать животное, но горностай поднялъ грозно шерсть, плавно спрыгнулъ на землю и скрылся.

Сосѣди, пользуясь хорошими днями, усердно косили. Павелъ посѣтилъ ближайшихъ отчасти изъ любопытства, отчасти, чтобы узнать, не пришли ли письма и газеты изъ города. Когда въ первый разъ онъ вышелъ изъ лѣса и остановился на вершинѣ холма, съ котораго виднѣлась долина, онъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ разочарованія. Онъ надѣялся увидѣть группы людей съ граблями, косами, вилами, весело движущіяся среди копенъ сѣна и свѣжихъ прокосовъ, думалъ, что услышитъ родной знакомый звукъ позвякивающихъ косъ, дружныя пѣсни и смѣхъ. Вмѣсто этого онъ увидѣлъ необъятное, однообразное море зелени, а людей — ни слѣда. Тамъ и сямъ среди травъ мелькали серебристыя лужицы уцѣлѣвшихъ топей, да надъ ними носились коршуны и чайки. Вѣтеръ игралъ пышной зеленью, и по ней волна за волной бѣжала въ даль рябь свѣта и тѣней.

Вдругъ вдали что-то сверкнуло и сейчасъ же потухло, точно крошечная искра; въ другомъ, въ третьемъ мѣстѣ тоже... Павелъ долго не могъ понять, что означаютъ эти свѣтовыя

блестки такъ низко надъ землею; наконецъ, онъ понялъ, что это сверкаютъ кривыя якутскія косы-горбуши, которыми косари взмахиваютъ раньше надъ головою, прежде чѣмъ подрѣзать траву. Онъ весело направился туда, къ этимъ таинственнымъ знакамъ, утопая по поясъ въ сочной, пахучей травѣ. Только когда онъ достигъ первой кучки рабочихъ, онъ понялъ, какъ великъ лугъ и какъ много здѣсь наработали люди. Тутъ были работники Андрея и вмѣстѣ съ ними онъ самъ. Они сидѣли передъ огнемъ, недалеко отъ маленькаго, крытаго сѣномъ, шалаша и пили чай. Они встрѣтили его любезнымъ „капсе“ и пригласили присѣсть.

— Много, вижу, Андрей, накосилъ ты!—обратился Павелъ къ богачу, принимая изъ его рукъ чашку чаю.

— Много... говоришь? Развѣ три человѣка столько выкосить должны?—проворчалъ тотъ, сурово поглядывая на Уйбанчика и на своего сына.

— А долго косить будешь?

— Сколько можно... Чѣмъ больше, тѣмъ лучше!

— Зачѣмъ тебѣ столько: скота держишь мало, а купцы развѣ все купятъ?

— Купятъ. У другихъ не купятъ, а у меня купятъ... — отвѣтилъ съ улыбкой Андрей.

Разговоръ оборвался. Хозяинъ молча докурилъ трубочку, спряталъ ее въ голенище, взялъ косу и ушелъ.

— У-у... Всю степь бы сожралъ, волкъ ненасытный... — шепнулъ Уйбанчикъ, не обращая вниманія на присутствіе Нюстера.—А ты, Павелъ, что дѣлаешь? Дрова, слышу, рубишь. Что-же: и то хорошо, все-таки что нибудь сбережешь! Зимовать гдѣ думаешь?

— Не знаю еще. Можетъ быть, въ городъ пустятъ!

— А правда, что ты дыру въ каминѣ затыкаешь кочкой?— разсмѣялся якутъ.

— Правда. Комары меньше надоѣдаютъ, огня ночью жечь не нужно.

— Вѣрно... А только мы это за большой смѣхъ считаемъ. По всей округѣ объ этомъ говорятъ... Совсѣмъ, какъ обо мнѣ, когда вздумалъ въ прошломъ году, вмѣсто платка, шляпу

надѣть на голову. Шляпу-то мнѣ твой товарищъ оставилъ... Не повѣришь: каркали, точно воронье, пройти не давали... Знаешь что: въ будущее воскресенье жди...—шепнулъ Уйбанчикъ, наклоняясь къ Павлу. — Урвусь, прибѣгу! Пойдемъ хлѣбъ смотрѣть... Должно быть выросъ. Сердце что-то безпокоится. Ты однако не былъ?!.

— Нѣтъ. Не приходило въ голову.

— Ну ладно... Не ходи, пойдемъ вмѣстѣ! А теперь прощай... Нужно идти... Смотри, уже два раза оглянулся... Пойдемъ, другъ Нюстеръ, собирайся!

Мальчикъ лѣниво потянулся, поднявъ вверхъ смуглыя, тонкія загорѣлыя плечи.

— Пойдемъ!

Минуту спустя три косы уже звенѣли, и съ шумомъ падала высокая трава. Павелъ всталъ и пошелъ дальше. Вездѣ онъ встрѣчалъ одно и то же: исхудалыя плечи, провалившіяся щеки, усталыя движенія и вѣчное безпокойство, долго-ли еще продлится хорошая погода, много-ли удастся накосить. Всѣ безъ исключенія встрѣчали его дружески, бросали на минуту работу, разспрашивали, что дѣлаетъ, рубитъ-ли дрова, что ѣстъ, что пьетъ, а главное... затыкаетъ-ли отверстіе камина кочкой, или это сказки... Разговоръ обязательно оканчивался просьбой: „Табаку... чаю... соли, муки!“ Когда же онъ отказывалъ, объясняя, что все роздалъ, что ничего не осталось, якуты вздыхали:

— Знаемъ, знаемъ! Но якутъ не можетъ русскаго не просить, таковъ нашъ обычай. Ты не сердись!—Павелъ отходилъ раздраженный и недовольный. Что-то неловкое и щемящее возбудилъ въ немъ этотъ осмотръ людей, изнывающихъ въ непомѣрномъ трудѣ. Онъ жилъ праздно и чувствовалъ себя совершенно лишнимъ, внѣ жизни. Ему и въ голову не приходило, чѣмъ бы онъ могъ быть имъ полезенъ. Не Андрею же помогать убирать сѣно, которое онъ поторопится превратить въ „деньги“, чтобы съ большей силой гнуть и пугать сородичей... А всѣ другіе, эти самые бѣдные и нуждающіеся, всѣ работали чужую работу. Да и какую онъ могъ оказать помощь, онъ, не державшій никогда въ рукахъ косы и гра-

бель? Онъ ушелъ домой съ горькимъ сознаніемъ, что не скоро, по крайней мѣрѣ сюда, на окраину жизни, залетятъ тѣ перемѣны, о которыхъ онъ мечталъ, ради которыхъ жилъ и теперь... крѣпился.

XV.

Вскорѣ настало очень тягостное время. Пошли дожди; порядокъ занятій Павла былъ естественно нарушенъ; наступила вынужденная бездѣятельность, а съ ней тоска и скука.

Морскіе вѣтры, холодные, ненастные, пригнали такую массу дождевыхъ тучъ, что о хорошей погодѣ нечего было и думать. Дождь лилъ съ небольшими перерывами день и ночь; крыша въ лѣтникѣ Андрея протекала, какъ рѣшето. Вскорѣ въ избѣ мѣста не нашлось, гдѣ Павелъ могъ-бы разложить книги и самъ лечь въ увѣренности, что не прогонитъ его холодный грязный душъ.

Прозябшій, мокрый, сонный, онъ все время проводилъ у пылающаго камелька, не сбрасывая ватнаго пальто и шапки.

Трудно было думать о серьезныхъ занятіяхъ въ этой вонючей, маленькой конурѣ, подъ шумъ долетающаго извнѣ ливня и унылыхъ звуковъ капающей съ потолка воды. Беллетристику онъ всю давно прочелъ, старыя газеты были разорваны и ушли на пыжи. Съ трудомъ онъ теперь разыскалъ кусокъ объявленій и, наклонившись къ огню, съ болѣзненнымъ любопытствомъ прочитывалъ:

— „Нужна модистка... Магазинъ № 15...“

— „Краски, лаки, политура...“

— „Паровая машина... 5 лош. силъ...“

— „Награда 10 рублей... Были утеряны въ воскресенье золотые часы...“

За дверьми раздались шаги и голоса.

— А!.. Вы вижу, какъ Ной въ ковчегѣ!.. — весело вскричалъ Уйбанчикъ, открывая двери и просовывая свою курчавую голову. И мостикъ *доспѣлъ*! Нерпа, смотри, здѣсь мостикъ, не ошибись, не попади въ воду...—шутилъ онъ съ притворной серьезностью, осторожно ступая голыми, невозможно грязными ногами по узенькой кладкѣ, брошенной поперекъ лужи у входа. Его товарищъ шелъ сзади съ обувью подъ мышкой. По серединѣ онъ нечаянно или умышленно споткнулся, схватилъ за рукавъ Уйбанчика и оба со смѣхомъ шлепнулись въ лужу. Павелъ тоже разсмѣялся при видѣ, какъ они вмѣстѣ вылѣзаютъ изъ грязи, толкаются и препираются.

— Энгъ!.. Чурбанъ!.. Не мазали тебѣ, вижу, рожи саломъ. Господинъ Байбалъ мостикъ сдѣлалъ, а ты мимо!

Замѣтивши, что приходъ ихъ доставилъ удовольствіе Павлу, что тотъ живо принялся готовить для нихъ чай и закуску, они продолжали шутить, обсушивая у камелька платье.

— Что подѣлываешь, Байбалъ?

— Что-же мнѣ дѣлать? Бѣгаю отъ дождя изъ угла въ уголъ, а онъ за мной гонится.

— Ну, не за однимъ тобою! Во всемъ Анды не найдешь теперь юрты, которая бы не протекала. Нерпѣ, сказываютъ, въ ротъ этой ночью во снѣ налилось.

— Да врешь!

— Какое, врешь? Да и что будетъ человѣку, если его смочитъ сверху или даже въ серединѣ... Въ середину всякій даже самъ наливаетъ. Сѣно—другое дѣло,—добавилъ Уйбанчикъ уже серьезно-по якутски.

Нерпа тоже пересталъ смѣяться.

— Эхъ, не говори. Сгніетъ, насквозь промокнетъ!..

— Намъ хоть то утѣшеніе, что своего нѣтъ. Скота кормить не требуется, а купцы должны взять какое есть... Куда дѣнутся? Не мы виноваты, что дожди идутъ... Для насъ все одно... А вотъ твоя мать, Нерпа, такъ, должно быть, плачетъ, ручьемъ заливается...

— Ручьемъ... — махнулъ рукой парень.—Мать моя—баба водяная... больно плакать охоча!

— А Андрей? — спросилъ Павелъ, который внимательно слѣдилъ за разговоромъ, пользуясь мѣстами переводомъ Уйбанчика.

Андрей... человѣка съѣсть готовъ! Всѣ боятся его, и я убѣжалъ... — разсмѣялся якутъ. — Что-же, поѣдемъ, какъ думаешь?—спросилъ Уйбанчикъ, кивая въ сторону озера.

— Въ такой дождь?

— Можетъ, перестанетъ: вѣтеръ перемѣнился. А впрочемъ я думаю, что въ полѣ не хуже, чѣмъ здѣсь, и тамъ каплетъ и здѣсь каплетъ... Только тамъ чистая, тучевая вода, а здѣсь... съ крыши... Богъ знаетъ, что тамъ на крышѣ дѣлали дѣти и собаки! Что-же... пойдемъ! Возьмемъ котелокъ, чайникъ, чаю. Нерпа рыбы намъ принесетъ. Устроимъ маевку, какъ въ городѣ. Проночуемъ въ нашей урасѣ, она сухая, не течетъ. Огонь растопимъ богатый: цѣлую лиственницу поставимъ, какъ это ты любишь... Пойдемъ, а то безъ тебя будетъ какъ-то скучно.., а можетъ быть тамъ... новенькое окажется... Въ вёдро Андрей не пуститъ, не вырвешься!

Павелъ колебался. Удары холоднаго вѣтра, трепавшіе размокшій пузырь въ окнѣ, ясно говорили, что наврядъ-ли „въ полѣ также хорошо“. Съ другой стороны, Павлу сильно надоѣло сидѣть въ спертомъ вонючемъ воздухѣ, и манила его возможность провести ночь въ сухой теплой урасѣ. Опасался онъ только за книги, что подмокнутъ въ его отсут-

ствіе. Уйбанчикъ устранилъ и это препятствіе, устроивши надъ ними родъ двускатной палатки изъ одѣяла и простынь.

— А что? Мы, якуты, всегда такъ!.. похвалился парень, присматриваясь съ удовольствіемъ къ собственному сооруженію. Павелъ, собираясь въ путь, хотѣлъ было, какъ они, сбросить сапоги и завернуть брюки, но Уйбанчикъ остановилъ его.

— Не дѣлай этого, не дѣлай... Мы вѣдь поѣдемъ. На озерѣ холодно, тамъ и мы обувь надѣнемъ, а по лѣсу ты ноги порѣжешь, захромаешь... лучше сапоги испортить!

Озеро сильно волновалось. Лодочки у нихъ были маленькія, отяжелѣвшія отъ дождя. На середину выплыть побоялись и двинулись, надбавляя пути въ объѣздъ, вдоль береговъ. Нерпа свернулъ налѣво, гдѣ у его семьи была собственная „заѣздка“, а Уйбанчикъ и Павелъ поплыли направо къ устью рѣчки.

Плыть пришлось противъ вѣтра. Павелъ сидѣлъ въ кормѣ лодки, опираясь плечами о спину Уйбанчика, и чувствовалъ, какъ напряженно работалъ послѣдній.

— Остановись у берега... пересядемъ... поработою я немного... будетъ легче...—тщетно настаивалъ Павелъ.

— Не двигайся... не двигайся... Я одинъ... Страсть боюсь я твоей русской ѣзды!

Павелъ понялъ, что это значитъ, когда нѣсколько разъ совершенно неожиданно набѣжалъ изъ глубины озера исполинскій валъ, плеснулъ, окатилъ, поднялъ вверхъ и бросилъ ихъ къ берегу. А у берега изъ воды торчали многочисленные сучья и вѣтви упавшихъ деревьевъ, — потерпѣть тамъ крушеніе было самое простое дѣло, и утонулъ-бы навѣрно не умѣющій плавать Уйбанчикъ. Павелъ старался не двигаться. Пріятно возбужденный сознаніемъ нѣкоторой опасности и шумомъ и движеніемъ бушующаго кругомъ водоворота, онъ глядѣлъ съ любопытствомъ на лѣсъ, черный, намокшій, на пѣнистые уходящіе вдаль гребни и ждалъ съ нѣкоторымъ замираніемъ новаго набѣгающаго удара, отъ котораго и лодка, и онъ, и Уйбанчикъ содрогались, будто одно тѣло. Наконецъ пловцы пробрались въ русло рѣчки. Уйбанчикъ положилъ весло и вытеръ мокрое лицо.

— Ну и непогода!... Дуетъ, какъ въ трубу.

— Пускай дуетъ, ненастье разгонитъ!..

Дѣйствительно, низко плывущія надъ лѣсомъ тучи какъ будто стали рѣдѣть, прорываться, и въ пролетахъ высоко показались ряды болѣе свѣтлыхъ облаковъ, плывущихъ какъ разъ въ обратномъ направленіи. Раньше, чѣмъ они достигли урасы, дождь пересталъ, и на мгновеніе блеснуло блѣдное солнце.

— А что! Будетъ ведро! Согрѣемся и обсушимся, немного... Хорошо? А затѣмъ, въ поле...

Быстро развели огонь и выжали воду изъ платья.

— Торопись, торопись... Не хотѣлъ-бы я, чтобы Нерпа пріѣхалъ и насъ не засталъ. Пока ничего не будетъ, не скажу никому: осмѣютъ!—Чай пить будемъ... послѣ... вмѣстѣ... Хорошо?!

— Хорошо... хорошо!—соглашался снисходительно Павелъ. Онъ не хотѣлъ огорчать Уйбанчика, но холодный вѣтеръ, заставлявшій стучать зубами въ іюлѣ мѣсяцѣ несмотря на толстое ватное пальто, убилъ въ немъ окончательно вѣру, чтобы въ этой проклятой странѣ могло расти что-нибудь, кромѣ морошки.

Темные лохмотья разорванныхъ дождевыхъ тучъ быстро уходили вдаль и скрывались за зубчатой гранью лѣса, обнажая гряды высокихъ, спокойно плывущихъ сѣдыхъ облаковъ.

— Только-бы до завтрашняго утра не прояснилось совсѣмъ, а то Андрей заѣстъ!.. болталъ въ дорогѣ Уйбанчикъ. Наконецъ подошли къ самой городьбѣ поля и остановились съ нѣкоторымъ изумленіемъ: часть ячменя, болѣе буйная, вылегла отъ дождя, но другая весело шумѣла большими усатыми колосьями.

— Уруй!.. Уруй! — крикнулъ Уйбанчикъ, перепрыгивая ограду. Онъ сорвалъ одинъ колосъ, оглядѣлъ его, понюхалъ и, подымая высоко вверхъ, вскричалъ:

— Смотрите... вы тамъ!.. — И мы будемъ, какъ другіе!.. Солнце, какъ будто повинуясь воззванію, выглянуло сквозь отверстіе въ облакахъ и позолотило зеленые влажные лѣса, крошечную ниву и темную фигуру якута съ рукой, вызы-

вающе поднятой къ небу. Павелъ положилъ локти на изгородь, голову на руки и задумчиво улыбался. Онъ не хотѣлъ портить радость своего друга разсказомъ, что еще далеко до побѣды, что еще много нужно и тепла и времени, чтобы эти пустые, раздутые водою колосья наполнились драгоцѣннымъ веществомъ.

— А что? Ледяная...—ледяная! А все-таки не послѣдняя... говорилъ возбужденно Уйбанчикъ на обратномъ пути.— Ахъ, еслибъ ты еще у насъ... остался... на всегда... какъ-бы это было хорошо!.. робко добавилъ онъ, взглядывая на Павла. Но тотъ не отвѣтилъ, и только опущенныя его вѣки какъ-то особенно задрожали. Огорченный якутъ умолкъ; уже въ урасѣ, когда, согрѣвшись, сѣли у стола чаевать, продолжалъ онъ свою мысль:

— Ты бы насъ научилъ, какъ зерно въ муку перемалывать, какъ сѣять по настоящему, пахать, боронить... Послѣ, когда мы бы стали богатые, мы бы могли, какъ ты говорилъ, помимо Андрея у купцовъ товары покупать, устроили бы лавку общую, общій скотъ завели... Все какъ ты говоришь... Мы бы вѣдь тогда стали отъ богатства большіе господа... Общество слушалось-бы насъ, а мы бы всегда были хорошіе и умные... Я объ этомъ думалъ! Ты тогда сказалъ: человѣкъ злой потому, что голодный и жадный... Ты забылъ, а я все помню.

Павелъ все не отвѣчалъ, задумчивый и грустный.

— Что вы тамъ все буль! буль! буль!. по-своему только!.. возмутился наконецъ Нерпа.

— Это правда. Нужно говоритъ что-нибудь и для Нерпы интересное... Ты по-якутски говори, Уйбанчикъ, а мнѣ переводи!

— Ты не хочешь отвѣчать... Ты перемѣнился?... — отвѣтилъ съ досадой Уйбанчикъ.

— Нѣтъ, Уйбанчикъ, но я... говорилъ уже... Теперь ваша очередь!

Общій разговоръ, понятно, не состоялся. Вечеромъ, когда дождь опять забарабанилъ по крышѣ, и они убѣдились, что возвращаться домой незачѣмъ, принесли лиственныхъ вѣтокъ,

обсушили ихъ и устроили постели. Тогда-же создался проектъ слушать сказку.

— Ты, Уйбанчикъ, разсказывай, я стыжусь русскаго,— упирался Нерпа.

— Нѣтъ—ты. Ты лучше знаешь, я буду переводить!

Переговоры затянулись, пока Павелъ не узналъ, что Нерпа—ученикъ Джянги, лучшаго въ окрестности пѣвца и сказочника, и не сталъ на сторону Уйбанчика.

— Знаю... одну... хорошую... За выучку отдалъ новый платочекъ...—застѣнчиво пробормоталъ Нерпа.

— Платочекъ найдется, а только разсказывай медленно, чтобы Уйбанчикъ успѣвалъ переводить... хорошо?

— Жилъ нѣкогда человѣкъ по прозванію Беръ-Хара, лучше людей на длину рукавицы, а якута — на толщину березовой корки. Былъ у него блестящій домъ, виднѣвшійся за три переѣзда. Стѣны дома изъ разнаго дерева въ числѣ девяноста. Было въ домѣ восемьдесятъ обширныхъ оконъ.

Были у Беръ-Хара чашки, что по приказу двигались сами, былъ кубокъ — „чоронъ“, ходящій тихимъ шагомъ толстаго человѣка, были грузно ступающіе стаканы, были шагающія доски, на которыхъ рубятъ мясо, былъ летающій топоръ. Были песцовыя одѣяла, были шахматныя постели. Спалъ онъ на узорчатыхъ кроватяхъ, на подушкахъ съ колокольчиками. Одѣвалъ онъ домашнихъ въ крѣпко выдѣланную ровдугу, покрывалъ сѣдымъ мѣхомъ сохатаго, изъ собольихъ мѣховъ брали только хребты, изъ рысьихъ—крестцы, отъ волковъ—лапы съ черными полосками; наряжались въ лучшія изъ красныхъ лисицъ.

Каждую зиму приказывалъ онъ обшивать плотно запирающіяся двери семью медвѣжьими кожами, которыя семь дней и семь ночей шили, растягивали и равняли, валяясь и играя, семь дѣвушекъ-женщинъ. Среди серебрянаго двора, такого гладкаго, что на немъ не устоять девятитравному жеребцу, стояли три высокіе столба коновязи, подобные тремъ князьямъ улуснымъ, что поспорили, сказавши: „у того царя такой законъ, а у этого царя такой законъ“, и разошлись въ разныя стороны. Главный столбъ былъ золотой, средній—сереб-

ряный съ чернью, послѣдній просто серебряный. Если эти столбы пожелаютъ кому хорошаго, то благословляютъ за три переѣзда, говоря: „Живи три человѣческихъ жизни!“ Если пожелаютъ худого, проклинаютъ за девять переѣздовъ, говоря: „Стойте, шумя – высыхая, обнявши сухое дерево!“

Все есть у Беръ-Хара и однако ежедневно, чуть заря зажжется, и вечеромъ, лишь она поблекнетъ, выходитъ онъ изъ дому и, поднявъ вверхъ свой острый мечъ, проситъ бѣды съ высокаго неба, съ широкаго неба проситъ наказанія, съ могучаго, грознаго неба вызываетъ кровавое пораженіе, съ западнаго неба—гибели!

Вырылъ онъ яму въ семь саженей; развелъ костеръ, исщепавъ семь большихъ деревъ. Взлетѣлъ на верхнее небо бѣлымъ, молодымъ ястребомъ и бросился оттуда въ огонь внизъ головою.

Костеръ затрещалъ и погасъ.

— Ахъ, досада моя, ребята! Меня даже огонь не жжетъ! сказалъ онъ.

Воткнулъ торчмя въ землю вверхъ остріемъ всѣ свои остроконечныя копья и низвергнулся на нихъ съ самаго верхняго мѣста. Всѣ лезвея свернулись, всѣ жала затупились.

— Ахъ, досада моя! Для меня сгибаются острія остроконечныхъ копій.

Раздосадованный, привязалъ онъ къ ногамъ по огромной глыбѣ камня, а къ ушамъ по еще большей и прыгнулъ головою въ омутъ моря, но вскорѣ выбросило его оттуда, точно берестяный свертокъ.

— Не беретъ меня даже водяная глубь!

Отвязалъ тетиву лука, затянулъ шею такъ, что сталъ хрипѣть... Оторвался, упалъ.

— Вѣрно не возьметъ меня смерть! — сказалъ онъ и пошелъ домой.

Рано утромъ встали, говоря: „однако мы поспѣли въ синюю матушку ночь“, и мылись водою синяго моря, говоря: „однако мы почернѣли въ темную матушку ночь“, вытирались полотенцемъ яснаго ручья. Усѣлись за столъ. Зубы отчачивали мягкими костями, горло прочищали выбродившимъ

кумысомъ, желтымъ масломъ полоскали ротъ. Затѣмъ Беръ-Хара пошелъ осматривать свои стада: скотъ конный и рогатый. Собравъ его, стоялъ, поилъ, кормилъ. Вдругъ съ четырехъ концовъ неба загремѣли четыре сердитые грома. Необыкновенно сильно завѣтрилась погода. Отъ этого вѣтра, отъ этого дуновенія едва домой добрался Беръ-Хара, отъ напора поводъ на столбъ набросить не былъ въ состояніи. Оставилъ коня у ограды и вползъ въ домъ на четвереньках.

— Экая жалость, дружочекъ! Что съ тобою? — сказала жена. Подняла и посадила его на стулъ.

— Просилъ я бѣды съ верхняго мѣста, взывалъ изъ-подъ земли, искалъ испытаній посерединѣ: пришли! Когда умру, схороните мои кости на мысу о девяти ступеняхъ, гдѣ садятся перелетные гуси. Поставьте памятникъ свѣтлый, блестящій. Съ запада покройте его мѣдью, съ юга серебромъ, съ восточной стороны разукрасьте нѣжно мелкими узорами, съ сѣвера выложите оловомъ! Въ ту ночь, когда снѣгъ выпадетъ до колѣнъ молодому оленю, иди, жена, на мою могилу обмести снѣгъ. Изъ двухъ плечей моихъ выростутъ двѣ травы. Съѣшь ихъ, не ломая вѣтвей и корней. Если суждено стать тебѣ человѣкомъ, станешь отъ этого человѣкомъ великимъ, если не суждено... умрешь!..

Уйбанчикъ пересталъ переводить и, подперевъ голову руками, слушалъ жадно, поддакивая по временамъ:

— Енгъ!.. Бай!.. Айкабынъ!.. Видѣли?!. Ладно!.. Чэ!.. Точно такъ!..

Павелъ лежалъ съ открытыми глазами и тоже слушалъ. Оригинальное начало, переводъ котораго ему сообщили, а затѣмъ мягкій речитативъ разсказчика настроили его мечтательно. Онъ задумался и забылъ, гдѣ находится. Вмѣсто того видѣлъ передъ собою край далекій, край родимый, залитый теплымъ солнцемъ, накрытый мягкимъ небомъ; видѣлъ поля, сады, города и деревни, гдѣ звучитъ родная, понятная рѣчь, гдѣ кипитъ жизнь и движеніе. Нѣкогда было тамъ и у него свое мѣсто, своя доля; онъ зналъ, кому онъ нуженъ и чего ждутъ отъ него... И окружили его тѣни бѣлолицыхъ бородатыхъ мужчинъ, съ большими свѣтлыми глазами, женщины

высокія, стройныя съ задушевной рѣчью и добрымъ взглядомъ, свѣтло-головыя дѣти... Увидѣлъ опять домъ, гдѣ родился, садъ, гдѣ бѣгалъ мальчикомъ, дѣвушекъ, за которыми ухаживалъ, товарищей, друзей и враговъ...

На фонѣ темныхъ задымленныхъ стѣнъ урасы, въ красномъ отблескѣ горящаго на чувалѣ огня, все это образовало до того удивительный хороводъ, что Павелъ терялъ минутами сознаніе дѣйствительности, не зналъ, вѣрить ли тому, что было, или тому, что есть, и соннымъ движеніемъ коснулся пылающаго лба.

„Сынъ мой!.. Дитя мое!..“ — вдругъ пронизалъ эти воспоминанія сердечный, наболѣвшій женскій окрикъ. Съ глухимъ стономъ отвернулся Павелъ къ стѣнѣ, не желая ни думать, ни вспоминать.

Якуты прекратили разсказъ и поднялись съ удивленіемъ съ постелей.

— Тебѣ что, чужеземецъ?!.

— Ахъ, ничего... Оставьте меня!..

XVI.

Ненастье съ короткими перерывами все продолжалось, только характеръ его измѣнился: ливни лѣта превратились въ мелкій холодный полу-дождь, полу-туманъ осени. Крыши перестали протекать, но сѣно попрежнему гнило, и собирать его было немыслимо. Якуты, обреченные на бездѣйствіе, зачастили къ Павлу; они приходили къ нему поговорить, развлечься, посмѣяться, какъ у насъ ходятъ въ клубъ, въ театръ, на зрѣлища. Обязательно приходили компаніей, вытаскивали изъ угла несчастную „кочку“, требовали, чтобы онъ имъ показалъ сотню разъ осмотрѣнный ими магнитъ, рисунки, разныя мелкія вещицы, а главное мучили его вопросами, всегда одинаковыми у всѣхъ, какъ по заказу. Каждый изъ нихъ, очевидно, „тоже“ хотѣлъ услышать, что слышали другіе, чтобы быть увѣреннымъ, что и онъ „тоже какъ другіе...“ Павелъ, страдавшій приступами жестокой тоски, часто не въ состояніи былъ отвѣчать имъ; тогда они сердились и упрекали его.

— Ты съ нами не разговариваешь, ты думаешь, мы не люди!..

Только появленіе на столѣ чая и закуски, вещественныхъ доказательствъ расположенія Павла, смиряло ихъ.

— Какъ жаль, что ты не знаешь языка... Былъ бы ты, думаемъ, совсѣмъ, какъ человѣкъ. Вотъ и вѣрь людямъ: намъ сказывали, что всякій поселенецъ разбойникъ и грубіянъ!

Передъ уходомъ обязательно справлялись:

— Ну, а „календбаръ“ твой... что говоритъ? Завтра погода?

— „Календбаръ“ мой не здѣшній... — защищалъ Павелъ науку.

— Ага!.. Да... да... Ну, прощай!

Небо, подернутое сѣрыми тучами, не обѣщало скорой перемѣны. Между тѣмъ также быстро, какъ нѣкогда наросталъ день, стали удлиняться ночи. Да и дни въ дождѣ и туманахъ немногимъ были свѣтлѣе ночей. Запасъ свѣчей у Павла близился къ концу, и онъ со страхомъ думалъ о времени, когда ихъ не станетъ. Утѣшался онъ надеждой, что къ тому времени придетъ разрѣшеніе на поѣздку въ городъ. Все сильнѣе охватывала его жажда какой-либо перемѣны, и все чаще навѣщали приступы глубочайшаго отвращенія ко всему окружающему. Даже книги, которыя были здѣсь у него, начиналъ онъ ненавидѣть. Въ душѣ бывало минутами такъ мучительно сѣро, холодно, равнодушно, какъ будто тотъ туманъ, что носился надъ этой землею, проникнулъ туда и все заполонилъ. Тогда, какъ единственное средство, онъ бралъ двустволку и, несмотря на холодъ и сырость, уходилъ бродить по тайгѣ. Въ тайгѣ было совсѣмъ неинтересно: животныя и птицы спрятались передъ ненастьемъ въ кустахъ, даль закрывала мгла, и всюду онъ видѣлъ на берегахъ вблизи черныя вспѣненныя волны и промокшую унылую траву. Но онъ уставалъ, и это ослабляло приливы ностальгіи. Нѣсколько разъ повстрѣчалъ онъ въ лѣсу женщинъ и дѣтей, собирающихъ ягоды; при видѣ его они разбѣгались, какъ стая всполошенныхъ птицъ. Когда впослѣдствіи онъ упрекалъ за это сосѣдей, они, смущенные, извинялись и старались объяснить это глупостью, а въ результатѣ посѣтила его... Сымнай! Первый разъ привела она съ собою какую-то дѣвушку-хохотунью, которая за каждымъ словомъ Павла толкала въ бокъ подругу, и обѣ онѣ разражались безпричиннымъ смѣхомъ. Впрочемъ вели себя прилично и передъ уходомъ протяжно рыгнули, въ знакъ того, что онѣ сыты и довольны. Второй разъ Сымнай пришла одна и попала въ день особеннаго разстройства Павла. Павелъ, глядя на миловидное личико взволнованной, чего-то опасающейся и вмѣстѣ съ тѣмъ чего-то ожидающей якутки, смутился и радъ былъ, когда она ушла.

Такъ прошла вторая половина короткаго лѣта. И опять изъ тучъ блеснуло долго ожидаемое солнце, но другое: холодное, осеннее; изъ-за тумановъ, прогнанныхъ сухими юго-западными вѣтрами, выглянули окрестности и зардѣли пестрыми цвѣтами. Но цвѣта были блеклые, лѣса помятые, а надъ ними небо—совсѣмъ блѣдное, точно дожди унесли его синеву. Наступили темныя ночи и замерцали сонмами звѣздъ. Изъ каминовъ жилищъ уже неустанно струился дымъ; мелькали въ сумеркахъ искры, и пурпурный отблескъ ярко пылающаго пламени свѣтился въ окнахъ. Люди все охотнѣе подсаживались къ камельку. Ежедневно на разсвѣтѣ, пока не пригрѣло солнышко, стлались низко надъ землею молочные туманы: это начинали дышать подземные льды. Наконецъ въ одно утро туманы не поднялись, а осѣли на землѣ, въ видѣ бѣлаго, искристаго инея; небо поблѣднѣло еще больше, убѣжало выше и пріобрѣло стекляный, холодный блескъ; ржавыя пятна появились на зелени лѣсовъ и быстро стали увеличиваться; земля стыла и начала гулко звучать подъ ударами копытъ и человѣческихъ шаговъ.

Опять закипѣла работа на лугахъ: опасались снѣга. Уйбанчикъ, несмотря на то, нашелъ минутку времени и прибѣжалъ къ Павлу, встревоженный за судьбу ячменя.

— Пойдемъ, пойдемъ!.. настаивалъ онъ.—Авось часть хотя вызрѣла!..

— Возможно, что вызрѣла, хотя сомнѣваюсь... Времени прошло правда много, но все стояли холода и, главное... влажно!

Пошли сухопутьемъ черезъ лѣсъ. Таежная тропочка, усыпанная желтой лиственничной хвоей, освобожденная отъ пышной зелени оброставшихъ ее травъ и кустиковъ, опрятная, подсохшая, не казалась въ этотъ разъ Павлу такой узкой и неудобной, какъ впервые. Шли бодро, но предчувствіе, что надежды и разсчеты ихъ будутъ разрушены, лишало ихъ веселія. Все кругомъ какъ то черезчуръ быстро на взглядъ Павла свернулось; только растущіе въ водѣ осоки и ситникъ все еще сохраняли свою зелень и свѣжесть. Путники появленіемъ своимъ постоянно вспугивали въ зарослях стада пест-

рыхъ, уже начинающихъ бѣлѣть, куропатокъ; на водѣ плавали стада утокъ. Ихъ была масса; жирныя, вспархивающія по самому пустому поводу, онѣ далеко не были такъ оживлены и веселы, какъ весною. Русло рѣчки произвело на Павла впечатлѣніе чего-то умирающаго; пятна желтыхъ мелей, песковъ, камня и высохшихъ водорослей облегали узенькую струю воды, точно обрывки высохшей, почернѣвшей кожи. „Заѣздка“ Андрея, торчавшая высоко надъ водою, накренилась—подмытая и сломанная. Подъ ней мчался пѣнистый потокъ; не было видно сквозь сердитыя бѣлыя струи больше ни дна, ни вершъ, ни рыбъ...

На противоположномъ берегу умирающій лѣсъ, пурпурные кусты шиповника и смородины, золотисто-желтыя березы и рыжіе, непріятные скелеты полуобнаженныхъ чахлыхъ лиственницъ. Пышно разстилались только ковры сѣдыхъ мховъ съ темно-красными узорами брусники и янтарными—созрѣвшей морошки. На полянкѣ увидѣли они густую стѣну хлѣба съ повисшими внизъ почернѣвшими колосьями.

Долго глядѣли они, положивъ руки на верхнюю жердь, на этотъ хлѣбъ, побѣжденный и какъ бы пристыженный.

— Нечего!.. Пойдемъ... вздохнулъ Уйбанчикъ.—Андрей замѣтитъ, что меня долго нѣтъ, будетъ серчать!..

— Ты, Уйбанчикъ... не тужи...

— Нѣтъ... Мы, вижу, люди вѣчно съ лицомъ, обращеннымъ къ землѣ!

Холодная, короткая осень быстро пронеслась. Улетѣли

птицы, на лугахъ вмѣсто копенъ выросли одинокіе стога. Женщины засѣли по домамъ у огней шить и починять зимнее платье; мужчины устремились въ лѣса на промыселъ.

Павла больше не посѣщалъ никто, да впрочемъ и онъ самъ мало сидѣлъ дома; онъ чувствовалъ, что скоро совсѣмъ придется распроститься съ лѣсомъ, съ водою, и на послѣдяхъ неустанно бродилъ по тайгѣ. Изрѣдка завертывалъ онъ отдохнуть къ какому-нибудь отдаленному сосѣду и, грѣясь у огня, узнавалъ новости, которыхъ по мѣрѣ того, какъ подсыхали топи, залетало сюда все больше, неизвѣстно кѣмъ принесенныхъ, часто смѣшныхъ, нелѣпыхъ, сказочныхъ.

— Нашъ царь поссорился съ китайскимъ... Чай, сказываютъ вздорожаетъ!..“ сообщали ему таинственно.

— Въ городѣ, говорятъ, русская дѣвушка родила щенка... И мать и дитя посадили въ сибирку... Ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ!

— Дьячку изъ Момы снился сонъ, что черезъ пять лѣтъ непремѣнно будетъ свѣтопреставленіе!..

Наконецъ будто громъ пронесласъ по околотку вѣсть:

— На тундрѣ—бабушка *)!

Все зашумѣло и зашевелилось отъ этого извѣстія въ готовящихся къ зимнему сну поселкахъ. Разсказывали ужасающія подробности, все передѣлывали и пополняли ихъ, создалась легенда о чукотскомъ шаманѣ, который три дня не ѣлъ, не пилъ, не спалъ, все барабанилъ и заклиналъ, желая прогнать общаго врага, но не смогъ, уступилъ и этимъ обрекъ свое племя на погибель. Разсказывали о богачѣ чукчѣ, что, оставшись одинъ послѣ гибели всѣхъ, убилъ себя... И многое другое разсказывали... На небѣ и на землѣ, какъ у насъ передъ войной, замѣчали вѣщія знаменія, снились многимъ вѣщіе сны... Община рѣшила, наконецъ, обратиться къ шаману Матвѣю съ просьбой погадать... Случилось, что шаманъ зашелъ къ Андрею, у котораго собралось какъ разъ нѣсколько „болѣе почетныхъ“.

Стали его упрашивать:

---

*) Оспа.

— Поворожи... уважь міру!

— Не смѣта!..—отнѣкивался строгій старикъ.—Что кому предназначено, пусть будетъ!

Только послѣ продолжительныхъ просьбъ онъ сдался. Сѣлъ старикъ передъ огнемъ, сѣдую голову на грудь повѣсилъ и потребовалъ трубочку табаку. Курилъ, глоталъ дымъ, запивалъ холодной водою и все безъ движенія сидѣлъ, понуря голову. Въ юртѣ воцарилось торжественное молчаніе; люди сдерживали дыханіе, и только огонь потрескивалъ, отбрасывая на середину горящіе угольки и красный блескъ. Такъ прошли томительныхъ четверть часа, и уже кто-то сказалъ, что „должно быть ничего не выйдетъ", когда старикъ неожиданно поднялся, сдѣлалъ нѣсколько неувѣренныхъ движеній и замеръ. Глаза прикрылъ ладонью, затѣмъ пристально обвелъ взглядомъ всѣ углы, всѣ лица поблѣднѣвшихъ столпившихся кругомъ людей, и прошепталъ;

— Туманъ... тучи... ничего не вижу! Покинули меня духи мои... Пришедшій съ юга тронулъ землю... Идутъ... скрипя лыжами...

Тутъ онъ въ судорогахъ упалъ на землю. На Павла и всѣхъ присутствующихъ эта сцена произвела удручающее впечатлѣніе.

Общая тревога болѣзненно отразилась и на немъ; ему подчасъ становилось тягостнымъ одиночество, и онъ подумывалъ, какъ бы, не дожидаясь собранія, переселиться къ кому-нибудь. Но платежная неисправность, хотя и не зависѣвшая отъ него, стѣсняла и удерживала его. Въ это какъ разъ время пришла почта и отвлекла его вниманіе въ совершенно другую сторону.

Это была не та почта, которой онъ ждалъ, а другая, высланная изъ города давно, еще въ началѣ весны. Путешествуя „по-якутски", она пришла только теперь. Конечно, она не заключала отвѣтовъ на письма и прошенія, посланныя въ половинѣ лѣта. Добрые друзья въ этотъ разъ посылали ему изъ города нѣсколько кирпичей чаю, немного сахару, соли, кипу русскихъ газетъ и журналовъ и два письма со многими почтовыми штемпелями, которыя онъ схватилъ и вскрылъ поспѣшно:

— Живы... то есть: были живы... годъ тому! — подумалъ онъ, разсматривая подпись и число. Жадно сталъ онъ пробѣгать строки, начертанныя дорогими руками, и сердце его билось сильно и неровно.

Пошатнувшійся было кредитъ Павла поправился съ получкой посылки, гдѣ былъ чай, сахаръ, соль, и которая, главное, указывала, что есть тамъ кто-то, кто о немъ заботится. Андрей, который въ послѣднее время сталъ утверждать, что въ сущности „Байбалъ“ такой же должно быть „бродяга“, какъ и другіе, и что слова его не больше стоятъ, чѣмъ „всякая болтовня“ подобныхъ людей, теперь самъ навѣстилъ его и въ концѣ длиннаго дипломатическаго разговора, полнаго изліяній и увѣреній, осторожно намекнулъ ему:

— А деньги... должно быть придутъ не раньше, чѣмъ дороги установятся?

— Не знаю. Я вѣдь вамъ далъ расписки! — сухо отвѣтилъ Павелъ.—Для меня все равно... я не виноватъ, что они не приходятъ...

— Ну и я не виноватъ... А отъ расписокъ малая польза... Но я это только... такъ! Свои мы люди, сосѣди... подождемъ!

Якутъ ушелъ очень довольный, что ему удалось выманить четверть кирпича чаю, стоющаго здѣсь 75 коп., въ обмѣнъ на жирнаго гуся, цѣною всего въ 25 коп. Другіе сосѣди тоже пробовали возобновить прежнюю выгодную торговлю, но Павелъ рѣшительно отказался.

Они не настаивали, но повторяли, вздыхая:

— Поумнѣлъ русскій... ой, поумнѣлъ! Какъ выучился поякутски, такъ и поумнѣлъ!

Павелъ дѣйствительно „поумнѣлъ“ и понялъ, что, несмотря на нищенскую внѣшность, многіе изъ числа просящихъ богаче его. Бѣднымъ онъ и теперь давалъ, только сильно уменьшилъ размѣры подарковъ. Якуты это тоже поняли и отнеслись къ этому одобрительно.

Подошла, наконецъ, и зима. Озера и рѣки покрылись льдомъ. Съ сѣвера безъ вѣтра и шума надвинулись полчища тучъ, сѣрыхъ, тяжелыхъ, всклокоченныхъ, точно стадо медвѣдей. Они обложили все небо, спустились низко надъ зем-

лею и стали сначала беззвучно и спокойно ронять крупные пушистые хлопья снѣга; затѣмъ порывисто задула непогода и, постоянно мѣняя направленіе, все похоронила въ своемъ молочномъ водоворотѣ.

Павелъ сидѣлъ дома, читалъ, занимался, ободренный и подкрѣпленный вѣстями съ родины. Сосѣди совсѣмъ рѣдко посѣщали его; развѣ мимоходомъ завертывали они, когда шли мимо на отдаленные уловы, ставить подъ льдомъ сѣти на мелкую рыбу или настораживать подальше отъ жилищъ самострѣлы на оленей и лисицъ. Отъ этихъ случайныхъ посѣтителей узналъ Павелъ послѣднюю новость сезона: Лелья вернулась!

— А Джянга?

— О немъ не слышно.

— Гдѣ же теперь дѣвушка?

— Гдѣ будетъ, кромѣ Андрея? Отецъ привелъ ее.

Новость эту впервые разсказалъ Длинный.

Павелъ не особенно склоненъ былъ вѣрить, но и другіе подтвердили, а затѣмъ пришелъ и самъ тунгусъ.

— Дочка пришла!..—сказалъ онъ съ достоинствомъ человѣка, у котораго опять оказалось нѣчто, и смѣло усѣлся за столъ на первомъ мѣстѣ. Долго разговаривали, хотя обоюдному пониманію сильно мѣшалъ вычурный „русскій“ языкъ старика.

Съ наступленіемъ холодовъ, въ „лѣтникѣ“ Павла, дурно построенномъ, съ массой щелей, стало нестерпимо студенно. Сквозь пузыри въ окошкахъ, сквозь плохо притворяющіяся двери дуло, какъ изъ трубы. Павелъ не снималъ тулупа и буквально считалъ дни, когда наконецъ придетъ Семеновъ день, возвратятся съ промысловъ родовичи и соберутъ сходку. Безъ сходки здѣсь по отношенію къ нему—ни шагу! это онъ зналъ. Утѣшалъ онъ себя тѣмъ, что всюду теперь также холодно, и въ домахъ у якутовъ дуетъ, такъ какъ нигдѣ еще не начали справлять на зиму юртъ, обмазывать ихъ глиной, навозомъ и закрывать окна льдинами. Наканунѣ праздника увѣдомили его черезъ нарочнаго, что сходка соберется завтра въ юртѣ Андрея, и что міръ его ждетъ.

Въ назначенное время Павелъ пришелъ туда и, усѣвшись

въ кругу „почетныхъ“,— сталъ прислушиваться къ дѣламъ. Несмотря на большіе успѣхи въ якутскомъ языкѣ, онъ понималъ далеко не все. Особенно при быстромъ произношеніи все для него сливалось въ одну непрерывную струю непонятнаго шума. Только зная мѣстныя отношенія и характеръ большинства участниковъ, онъ могъ догадываться о содержаніи разговора по выраженію лицъ и отрывкамъ словъ. Остальное пополнялъ, какъ умѣлъ, Уйбанчикъ.

На середину круга выступилъ въ свою очередь, опираясь на длинный посохъ, старый тунгусъ. Онъ поклонился во всѣ стороны мірянамъ и повелъ длинную рѣчь съ пріемами опытнаго оратора; около него, постоянно и низко кланяясь, стояла Упача. Не трудно было угадать, въ чемъ дѣло, а подзадоривающія восклицанія, раздававшіяся среди бѣднѣйшихъ родовичей, позволяли угадывать настроеніе окружающихъ. Было интересно.

Павелъ взглянулъ нѣсколько разъ на Андрея, и ему казалось, что на застывшемъ холодномъ лицѣ богача мелькаетъ выраженіе скрытаго удовольствія.

— Дѣвушку... позовите дѣвушку!.. — послышалось въ толпѣ.

— Какъ же... какъ же!.. зовите дѣвушку! — согласился Филиппъ, руководящій совѣщаніемъ.

Окружающіе раздвинулись и въ кругъ втолкнули сопротивлявшуюся немного Лелью. Павелъ съ трудомъ узналъ лѣсную русалку въ этомъ исхудаломъ, блѣдномъ призракѣ въ грязномъ оборванномъ платьѣ.

Покорно стояла она, опустивши руки вдоль тѣла, повѣсивъ голову на обвисшую грудь; изстрадавшаяся, пристыженная, тяжело дышала она и не знала, куда дѣться передъ наглыми взглядами окружающихъ ее мужчинъ. Въ ея движеніяхъ, въ выраженіи лица замѣтилъ Павелъ что-то новое и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомое, и всматривался, желая угадать, что это такое. Вдругъ припомнилъ, что точь-въ-точь такіе же судорожные жесты и неувѣренные взгляды онъ наблюдалъ у старой мирячки Симаксинъ.

— Какъ хочешь, Андрей, а ты долженъ дать за нее что-

нибудь старику... Дѣвка совсѣмъ испорчена, а ты сдѣлалъ начало! Всѣ это знаютъ...— гудѣли общественники.

— Я въ этомъ не виноватъ!—отрицательно качалъ головою богачъ, — спросите ее, пусть разскажетъ, какъ было, пусть скажетъ, кто? Тотъ пусть и платитъ... Если на меня скажетъ, заплачу!..

Тщетно домогались отвѣта у дѣвушки, тщетно толкалъ ее отецъ: она молчала и только двѣ струи крупныхъ слезъ быстро текли по ея лицу и падали на серебряныя украшенія передника.

Андрей, низко кланяясь, сталъ излагать доводы въ свою защиту. Въ этотъ разъ имя Джянги повторялось такъ же часто, какъ въ иныхъ случаяхъ слово „деньги“, но міръ не позволилъ одурачить себя и твердо стоялъ на своемъ.

— Грѣхъ тебѣ, Андрей, такъ обижать старика. Дай хотя половину обѣщанныхъ оленей!

Андрей долго торговался, наконецъ махнулъ рукою и согласился. Договорились, подали другъ другу руки, розняли ихъ, дѣвушкѣ позволили уйти, а тунгусъ воспользовался случаемъ и сказалъ длинную благодарственную рѣчь, которую терпѣливо выслушали до конца.

— А гдѣ же Джянга?—спросилъ Уйбанчика Павелъ.

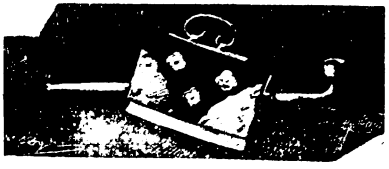
— Неизвѣстно. Говорятъ—въ городѣ. Должно быть спрятался, а когда первый гнѣвъ пройдетъ, покажется... Не бойтесь, онъ не пропадетъ! Не таковъ!..

Покончивши дѣло тунгуса, сходка обратилась къ Павлу. Спросили, гдѣ онъ думаетъ провести зиму и чего отъ общества проситъ. Павелъ описалъ поврежденіе дома, гдѣ онъ жилъ, и просилъ, чтобы его помѣстили у кого-нибудь изъ сосѣдей; пищу онъ будетъ брать на тѣхъ же, что теперь, условіяхъ и стряпать себѣ самъ.

— Скоро долженъ придти отвѣтъ изъ города о разрѣшеніи мнѣ поѣздки туда; долго вамъ надоѣдать вѣрно не буду, а деньги изъ города сейчасъ же вышлю... Я не виноватъ, что не посылаютъ! — объяснялъ онъ, смущенный грубымъ напоминаніемъ одного изъ присутствующихъ о неуплаченныхъ долгахъ. Якуты не охотно выслушали его предложеніе и прежде всего отказались искать ему квартиру.

— Зачѣмъ тебѣ переходить?—толковали они.—Самъ говоришь, что не долго жить здѣсь будешь, такъ останься въ лѣтникѣ Андрея. Мы домъ прикажемъ обмазать навозомъ, обсыпать снѣгомъ, будетъ тепло! Дровъ хватитъ тебѣ, самъ ты ихъ нарубилъ достаточно... а не хватитъ, тогда поговоримъ. Время терпитъ!.. Тебя же брать къ себѣ намъ не рука; каждому неудобно: и тѣсно, и холодно, и съ ѣдой возня; и женщины и дѣти, и телята... Все тутъ! Лучше ты какъ-нибудь пробейся эти нѣсколько недѣль. Общество очень тебя проситъ... Годъ тяжелый, сѣно сгнило, уловъ плохой!..

Глядя на ихъ хитро улыбающіяся, довольныя лица, Павелъ догадывался, что врутъ, что устроить и квартиру и согласіе сосѣдей не было такъ трудно. Вѣдь помѣщались же они иногда по двадцати человѣкъ въ махонькой юрточкѣ въ три-четыре кубическихъ сажени! Что же касается промысла, то Павелъ хорошо зналъ отъ Уйбанчика, что годъ этотъ далеко не дуренъ. Очевидно, общинники почему-то предпочитали, чтобы онъ былъ подальше отъ нихъ.—Можетъ быть, боялись новыхъ осложненій? Павелъ подумалъ и согласился. Не могъ же онъ насильно заставить ихъ перемѣнить мнѣніе, а лѣзть непрошеннымъ было ему обидно. Онъ даже обрадовался, что его оставятъ, но онъ самъ не смѣлъ этого предлагать, считая это для нихъ же неудобнымъ; лѣтникъ стоялъ далеко, а нѣтъ-нѣтъ за чѣмъ-нибудь къ нему нужно было посылать, навѣдаться общинникамъ или десятнику... Якуты нашли, что все это зимою, когда времени много, пустыя неудобства. Подсчитали, сколько общинѣ слѣдуетъ отъ Павла, и попросили у него дать довѣренность на получку денегъ въ городѣ на имя одного изъ „почетныхъ“, который какъ разъ туда собирался. Павелъ охотно согласился и предложилъ „почетному“ зайдти завтра за довѣренностью и письмами.



XVII.

Пурги толстымъ слоемъ снѣга засыпали юрту Павла. Стала она совсѣмъ похожа на снѣжный бугоръ. Только дымокъ, вьющійся изъ низкой трубы свидѣтельствовалъ, что тамъ живутъ. Мертвую тишину кругомъ нарушалъ только шумъ мятелей. Случалось, что въ хорошіе дни разыгравшіеся зайцы, обманутые спокойствіемъ, взбирались на отлогую крышу дома, гдѣ ярче сіяло солнце, и только тутъ, изумленные долетающими изъ нѣдръ звуками, бряцаніемъ металлической посуды, отголосками человѣческихъ шаговъ или пѣнія, замирали, становились на заднія лапки, настораживали длинныя уши и ждали новыхъ сигналовъ, неподвижные, бѣлые и пушистые, точно окружающій снѣгъ. А то цвѣтная лисица останавливалась вдругъ у воротъ; распустивъ хвостъ, поднявъ вверхъ лапку и вытянувъ острую мордочку, она внимательно изучала положеніе дѣлъ и затѣмъ плавно исчезала въ сосѣднихъ кустахъ, среди красныхъ и сѣрыхъ пятенъ, какія тамъ образовали рыжіе пни лиственницъ, тѣни вѣтвей и нависшаго снѣга. Только этихъ гостей встрѣчалъ Павелъ, когда выходилъ изъ юрты за дровами или на прогулку. Онъ старался обыкновенно подольше не пугать ихъ,

до того пріятенъ былъ для него видъ живыхъ существъ среди умирающей природы. Онъ могъ бы видѣть ихъ чаще, если бы не оставилъ почти совсѣмъ далекихъ прогулокъ по лѣсу. Но холода и мятели требовали болѣе теплаго и приспособленнаго платья, чѣмъ было у него; затѣмъ лыжи и необходимость закрывать лицо до того связывали свободу движенія и мѣшали дышать, что прогулки перестали быть заманчивы. Не было охоты безцѣльно шляться по лѣсу, сплошь покрытому бѣлымъ саваномъ снѣга. Въ холодные солнечные дни онъ не рѣшался стрѣлять дичь: его плохая, сильно промерзнувшая двустволка легко могла лопнуть; въ теплую-же пасмурную погоду ему не совѣтовали ходить далеко, да и онъ самъ зналъ, что тогда можетъ неожиданно подняться пурга и онъ, чего добраго, не возвратится домой. Сосѣдей посѣщалъ онъ изрѣдка, въ случаѣ крайней нужды или особенно сильнаго прилива хандры. Лѣтникъ его, какъ всѣ вообще лѣтники, стоялъ въ сторонѣ отъ зимнихъ путей и далеко отъ зимнихъ жилищъ, идти приходилось долго, а возвращаться скоро, не ночуя, въ противномъ случаѣ его обширная пустая юрта могла остыть и промерзнуть до негодности. Сосѣди тоже теперь рѣдко навѣщали его. Онъ потерялъ для нихъ интересъ.

Случалось, что въ продолженіе недѣли Павелъ не видѣлъ человѣческаго лица, не слышалъ человѣческаго голоса. Жилъ онъ, какъ узникъ, имѣя передъ собою все тѣ же покатыя, задымленныя стѣны; тѣ же предметы и книги и ту же кругомъ тишину и снѣгъ, и ледъ... Одинъ только былъ у него другъ,—веселый, розовый, все что-то шепчущій и напѣвающій въ камелькѣ огонь.

Мало-по-малу настроеніе Павла стало совсѣмъ какъ въ тюрьмѣ. Мечты пріобрѣли болѣзненную живость и самодѣятельность, являлись то врагами, то спорщиками, чѣмъ-то такимъ, чему можно было улыбаться, чего можно было бояться и ненавидѣть. Не разъ Павелъ ловилъ себя, что онъ громко доказываетъ въ пустой юртѣ, что трясетъ и грозитъ кому-то рукою... Тогда охватывала его мучительная тревога. Неужели... неужели!? Къ книгамъ у него постепенно

возникало неодолимое отвращеніе; напрасно заставлялъ онъ себя читать... хотѣлось двигаться, жить... Въ груди закипали тяжелые, суровые упреки... Принимался онъ за занятія, точно шелъ въ ярмо.

Напрасно предпринималъ онъ мѣры, чтобы ободриться: рубилъ до усталости дрова, гулялъ, избѣгалъ думать, изучалъ языки... Напрасно: душевный разладъ не уступалъ. Все чаще охватывала его безотчетная тревога, все сильнѣе чувствовалъ онъ одиночество и... нетерпѣливѣе ждалъ почты.

Въ особенно тяжелыя минуты бѣжалъ къ сосѣдямъ:

— А... русскій!.. встрѣчали его.—Разсказывай! что подѣлываешь?

— Почта пришла?

— Нѣтъ! А что?.. Гей, дѣвушки, бросьте въ огонь дровъ, пусть согрѣется чужестранецъ. Бѣдняжечка, льду съ бороды не успѣлъ ощипать, а почту спрашиваетъ... Что слышно у тебя? Въ твоей избѣ что новаго? Сказывай!..

— Новостей нѣтъ!.. Новости я у васъ пришелъ узнать!..

— Что же новаго можетъ быть у насъ? Все та же бѣдность, все та же рыба, та же тьма да зима...

— И у меня то же самое!

Садился онъ за столъ, пилъ чай и въ одну минуту узнавалъ онъ всѣ новости минувшей недѣли: у Филиппа сука ощенилась, сука хо-ро-шая, пере-до-вая, щенята чу-де-сные!.. Всѣ просятъ, старикъ никому не даетъ... „Длинный“ въ прорубь пѣшню упустилъ... опять рыба въ сѣти не пойдетъ въ озерѣ... чистая бѣда съ парнемъ, непремѣнно какую ни на есть пакость выкинетъ!.. У „Козака“ лисицы или волки лисицу хо-ро-шую... чернобурую изъ ловушки вынули... съѣли, только хвостъ оставили... Не везетъ человѣку... охъ... не везетъ!..

Но и эти убогія происшествія исчезали по мѣрѣ того, какъ все стыло и замирало кругомъ. Часто ничего не узнавалъ онъ кромѣ неопредѣленныхъ вздоховъ и жалобъ и

возвращался домой еще болѣе тоскующій и грустный, чѣмъ уходилъ. О почтѣ—ни слуху, ни духу! Очевидно, въ городѣ не торопились, а уѣхавшій туда якутъ обѣщалъ возвратиться только къ Рождеству.

Прошелъ сентябрь, прошла большая половина октября; утихли пурги и мятели, уступая мѣсто короткимъ, яснымъ студенымъ днямъ и жестоко холоднымъ, длиннымъ, мертвеннымъ ночамъ. Еще менѣе продолжительны сдѣлались прогулки Павла, а болѣе отдаленныя экскурсіи совсѣмъ пришлось оставить. Въ его юртѣ—старой, подержанной, приспособленной для лѣта, становилось очень неудобно. Несмотря на то, что Павелъ не жалѣлъ дровъ и постоянно поддерживалъ сильный огонь, лютый холодъ пробирался къ нему внутрь и дѣлалъ все возрастающіе захваты. Предварительно завладѣлъ онъ, конечно, дверьми и ближайшими къ ней углами. Тутъ было почти такъ же бѣло и холодно, какъ на дворѣ. Оттуда онъ проникалъ въ тѣнь, въ углы, лежащіе подальше отъ камелька, основывалъ тамъ бѣлыя свои крѣпости и изъ нихъ разсылалъ всюду свои форпосты, пользуясь каждой щелочкой, всякимъ уголкомъ, дающимъ защиту отъ непосредственныхъ ударовъ огня. Морозная паутина расползалась по стѣнамъ все шире, клѣточки ея выполнялись искристой снѣговой плѣсенью... и уголъ былъ потерянъ для тепла и жизни. Павелъ выносить не могъ вида этихъ бѣлыхъ, все возрастающихъ пятенъ, но скоро глазъ было некуда дѣть: пятна виднѣлись всюду. Когда, случалось, охваченный обычнымъ припадкомъ душевной смуты, онъ ходилъ въ волненіи по избѣ и взглядъ его падалъ вдругъ на нихъ, ему казалось, что не иней, а бѣлые мертвящіе зрачки страннаго чудовища глядятъ на него изъ тьмы. Они глядятъ неустанно, ни на минуту не смежая вѣкъ, увѣренные въ его гибели! Своимъ холоднымъ и влажнымъ дыханіемъ проклятая плѣсень уже прогнала его прочь отъ стѣнъ. Онъ перебрался со столомъ и книгами на середину, передъ самое жерло камелька. Пространство, достаточно теплое и сухое, все уменьшалось. А Павелъ, котораго эта борьба начала занимать и раздражать, все крѣпился и не шелъ къ сосѣдямъ, все онъ выжидалъ

почты. Вѣдь подходилъ уже оффиціальный срокъ прихода въ Джурджуй зимней почты; ее должно быть и ждутъ въ городѣ, чтобы за-разъ послать ему все: и письма, и газеты, и разрѣшеніе пріѣхать въ городъ. Да и мірской нарочный скоро долженъ былъ возвратиться.

Хуже было то, что у него вышли свѣчи; ни ихъ, ни жиру, чтобы ихъ сдѣлать, ближе города достать было невозможно. Единственный остался у него союзникъ — огонь. Его онъ страстно полюбилъ и чуть ли не готовъ былъ считать за живое существо.

Наступили дни настолько короткіе и темные, что, несмотря на головныя боли и слезящіеся отъ жары глаза, онъ принужденъ былъ и читать и писать все время при огнѣ. Все это, однако, не могло продолжаться безконечно. Необходимость уйти на другую квартиру, даже если осталось нѣсколько дней до выѣзда, была очевидна. Какъ то по утру, починивъ порванную обувь и платье, уложивъ книги въ ящики и узелки, Павелъ затопилъ послѣдній прощальный огонь и, дождавшись, когда тотъ выгорѣлъ, вышелъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ изъ избы, чтобы уже больше сюда не возвращаться.

Направился онъ къ Уйбанчику, на тотъ конецъ долины.

Старикъ Матвѣй и его жена привѣтливо встрѣтили Павла, а Уйбанчикъ даже сильно обрадовался.

— Ты пришелъ, наконецъ! А я думалъ, что ты сердишься... или забылъ насъ!.. Слышимъ: ходишь къ Филиппу, къ Нерпѣ, къ Козаку, а къ намъ и къ Андрею вовсе не показываешься...

— Къ вамъ далеко...—улыбнулся Павелъ...—а Андрей черезъчуръ большой господинъ, чтобы къ нему часто заходить!... Почему же ты ко мнѣ не приходилъ?

— Носъ утереть некогда было... не давали! Сѣно долженъ былъ возить, дрова рубить, сѣти смотрѣть, оленей собирать, и все на два дома: и у себя и у Андрея! Джянга то-вѣдь только недавно возвратился!..

— Развѣ Джянга возвратился?!

— Какъ же... У Андрея... отрабатываетъ...—разсмѣялись одновременно отецъ и сынъ.

— А вы знаете, что я къ вамъ совсѣмъ собрался?

— Совсѣмъ?.. Какъ это: совсѣмъ?—переспросили озадаченные якуты... а твой домъ?.. а общество?

Павелъ разсказалъ имъ, въ чемъ дѣло.

— Мы отъ души рады тебѣ, но мы не можемъ противъ всѣхъ... Что, если міръ разсердится и откажетъ тебѣ въ припасахъ... мы—люди бѣдные, самимъ насилу хватаетъ... А главное... Андрей!.. Онъ мутитъ! Съ того времени, какъ ты его обидѣлъ и жить у него не захотѣлъ, онъ у другихъ тебѣ жить спокойно не дастъ... Думать нечего!

Долго втроемъ совѣтовались они, и даже старая жена Матвѣя приняла участіе въ обсужденіи этого труднаго вопроса. Павелъ больше слушалъ.

— Ну, пусть тогда везутъ меня въ городъ...—въ заключеніе сказалъ онъ угрюмо.

— Въ городъ-то тебѣ, однако, безъ разрѣшенія не повезутъ, а только и въ сыромъ, мерзломъ домѣ сидѣть тебѣ не смѣта!.. —возмутился Матвѣй.—Пока останься у насъ... Завтра пойду къ Филиппу; онъ теперь у насъ вмѣсто князя... Андрей, должно быть, уѣхалъ... Объясню ему какъ и что... а между тѣмъ возвратятся всѣ и собраніе устроимъ... Согласенъ?..

— Гдѣ же Андрей?

— Должно быть поѣхалъ... Давно собирался... Джянгу взялъ, Моору взялъ... Всѣмъ обозомъ на море двинулись, къ чукчамъ...

— А оспа?

— Что-то не слышно, утихло... А можетъ быть и не было ея... Вѣдь у насъ, у якутовъ, ходятъ другой разъ сказки безъ толку... Съ тундры вѣдь лѣтомъ никто не пріѣзжалъ... ну, такъ и знать никто не могъ! Сказывали, сказывали, а затѣмъ и замолчали. Андрей не можетъ на такую болтовню полагаться, долженъ ѣхать, иначе сразу разорится. Отъ этого онъ и богатѣетъ... отъ чукчей!—обстоятельно разъяснялъ Павлу Матвѣй, а Уйбанчикъ слово въ слово переводилъ рѣчь отца.

На завтра шаманъ отправился, какъ обѣщалъ, къ Фи-

липпу; Уйбанчикъ между тѣмъ, не дожидаясь рѣшенія князя, пошелъ къ женѣ Андрея, попросить собакъ, чтобы перевести вещи Павла.

— Пусть говорятъ, что хотятъ... ужъ я отца упрошу, чтобы ты у насъ остался... Дастъ Богъ, не помремъ, даже если въ помощи откажутъ! Только худо, что ты далъ имъ расписки. Я тебѣ говорилъ: всегда требуй и никогда не давай... У насъ такой обычай: всякій тащитъ къ себѣ, сколько можетъ, а другіе не соглашаются... А ты на все согласенъ!.. Вотъ и худо выходитъ!

Много въ этомъ было правды и Павелъ не первый разъ убѣждался, что и себя и другихъ своей неумѣлостью ставитъ въ затрудненіе.

— Такой ужъ я кривой уродился, дорогой мальчикъ!..— сказалъ онъ съ улыбкой въ отвѣтъ Уйбанчику.—Горбатаго могила исправитъ! Не умѣю тащить!

Якутъ посмотрѣлъ на него внимательно и широко улыбнулся.

— За то мы тебя и любимъ!

Вечеромъ возвратился Матвѣй и объявилъ, что они собрали „малое собраніе“ и что оно рѣшило: „пусть живетъ, гдѣ понравится; въ городъ везти нельзя и не повезутъ раньше, пока не получится бумага“.

— А если совсѣмъ не придетъ!—вскричалъ Павелъ.

Матвѣй пожалъ плечами.

— Тогда я пойду пѣшкомъ.

— Пѣшкомъ?.. Богъ съ тобой!.. Въ такой морозъ... Да вѣдь мы, якуты, и то боимся ходить далеко, а что же ты! Дороги не знаешь, гдѣ люди живутъ не знаешь!.. Не смѣта, ой не смѣта! Да и не пуститъ тебя общество... не пуститъ. Его тоже не похвалятъ, если ты, чего упаси, замерзнешь!

Павелъ больше не затрогивалъ этого вопроса, хотя про себя не отказался окончательно отъ пѣшаго путешествія.

Въ юртѣ Матвѣя, крошечной и не особенно чистой, но сухой и теплой, среди дружески расположенныхъ людей, онъ сразу почувствовалъ себя бодрѣе.

— А что, видишь: все-таки тутъ веселѣе. Дерево къ де-

реву, звѣрь къ звѣрю, а человѣкъ къ человѣку жмется. Такая всѣмъ отъ вѣковъ положена смѣта.. доказывалъ благодушно Матвѣй, а Уйбанчикъ добавилъ съ улыбкой:

— И лучше вамъ здѣсь будетъ, думаю, хоть немного... А то въ вашей юртѣ бѣлехонько... точно солью посыпано!.. Всѣ удивляются, какъ вы могли выдержать...

— Удивляются?..—усмѣхнулся Павелъ.—Говоришь: удивляются? Недавно не особенно удивлялись!

Жизнь въ юртѣ шамана, впрочемъ, мало отличалась отъ жизни сосѣдей. Спали здѣсь много; ѣли худо, но часто; поговорить были не прочь, а только толмача всегда почти не хватало. Уйбанчикъ постоянно былъ занятъ внѣ дома: то въ тайгѣ осматривалъ ловушки, то у Андрея въ домѣ нужную работу справлялъ, то къ кому-нибудь изъ сосѣдей звали его помогать... занятъ былъ постоянно, какъ вообще здѣсь всѣ молодые люди. Возвращался онъ домой обыкновенно до того усталый и сонный, что безсовѣстно было требовать отъ него какихъ-то переводовъ или разговоровъ. О занятіяхъ самъ парень не напоминалъ, да и свѣчей не было. Павлу казалось, что, вообще, онъ сталъ замкнутѣе и равнодушнѣе, что предпочитаетъ молча грѣться у огня или дремать, прислонившись къ столбу.

— Почитать... хочешь?

— Ужо... ужо... промыселъ кончится... тогда засядемъ, а то теперь у меня башка, что берестяной туесъ!

Промыселъ окончился: тайга окаменѣла въ сплошной кусокъ льда; все живое тамъ замерло, и большую часть времени царила ночь. Уйбанчикъ уже не ходилъ „добывать“, тѣмъ не менѣе охота заниматься не возвращалась къ нему. Когда Павелъ настаивалъ, парень слушался; бралъ книгу, но обязательно засыпалъ надъ ней, а то во время громкаго чтенія вдругъ вмѣшивался въ хозяйственные разговоры отца съ матерью.

— Да вѣдь уѣдешь... все равно „наукъ“ не окончимъ...— оправдывался онъ.

Больше всего любилъ онъ читать Евангеліе и именно то мѣсто, гдѣ говорилось, какъ „Авраамъ родилъ Якова и

Яковъ—Іуду", которое онъ зналъ наизусть и произносилъ съ особымъ апломбомъ.

Его любопытство приняло какой-то странный, загадочный для Павла характеръ.

— Изъ чего дѣлаютъ чашки? — спрашивалъ онъ неожиданно, когда замѣчалъ со стороны Павла желаніе поговорить.

— Изъ чего бумага?—А желѣзо?—А порохъ?—Ситцы?

Получая отвѣты, онъ автоматически восклицалъ:

— Да... да! Удивительно... Вотъ видите, господа!—а самъ въ то же время, видимо, думалъ о другомъ.

— Ты, Уйбанчикъ, черезчуръ легко теряешь охоту... Одинъ опытъ съ ячменемъ...— пробовалъ было объясниться Павелъ.

— Да нѣтъ!..—съ досадой перебилъ его парень.—Совсѣмъ нѣтъ... Ну что ячмень... Безъ ячменя живы были!.. А только... всякому судьба... Я ужъ объ этомъ думалъ... Мы якуты будемъ...

— Такъ что же, что вы якуты? Все современемъ перемѣниться можетъ... и мы...

— Тогда насъ не будетъ!.. какая польза...—упирался парень.—Мы якуты и якуты!

Павелъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Онъ не могъ употреблять въ спорѣ тѣ доводы, которые были на его взглядъ доказательны, а другіе всѣ звучали фальшиво, и Уйбанчикъ чутко это понималъ. Оба старательно стали избѣгать разговоровъ о югѣ, и между ними легла какая-то тѣнь.

Тѣмъ неотступнѣе этотъ югъ преслѣдовалъ Павла. Юноша уходилъ весь въ мечты... Никому онъ не былъ нуженъ... и ничто не связывало его съ окружающими. И имъ тоже страннымъ и дикимъ долженъ былъ казаться этотъ блѣднолицый, мрачный, молчаливый, измученный низкой температурой, отсутствіемъ впечатлѣній и тьмою человѣкъ. Въ тулупѣ, въ мѣховыхъ „этербесахъ" [1]), не снимая шапки, онъ неровными шагами расхаживалъ по юртѣ, освѣщенной мерцающимъ бле-

[1]) Обувь.

скомъ камелька. Сжавъ плотно безкровныя губы, онъ глядѣлъ куда-то вдаль, не замѣчая по цѣлымъ часамъ, что передъ нимъ дѣлается.

— Тяжело... Правду Андрей говорилъ... тяжело съ ними жить!..—жаловался Матвѣй.

— Ѣшь, русскій... ѣшь!—подсовывала ему хозяйка мороженную сливочную пѣнку, въ тщетной надеждѣ развлечь его. Иногда Павлу удавалось стряхнуть съ себя уныніе; онъ опять былъ веселъ, любезенъ и опять они всѣ собирались у стола въ дружеской бесѣдѣ. Но вѣчно это продолжаться не могло: здѣсь черезчуръ много спали, черезчуръ мало думали. Книги Павелъ всѣ прочелъ... перечитывать не хотѣлось... вообще... ничего не хотѣлось! Онъ предпочиталъ блуждать по юртѣ. Якуты храпѣли, огонь догоралъ, а онъ все ходилъ, какъ маятникъ, какъ часовой... Все онъ передумалъ, всю жизнь перебралъ, всѣхъ знакомыхъ вспомнилъ, всякое событіе разчленилъ, проанализировалъ все, все... что зналъ и во что вѣрилъ... и этотъ смотръ наполнялъ его то безконечнымъ горемъ, то гордостью:

— О, будьте только умны, будьте добры, любите другъ друга... А меня мучьте... мучьте... я согласенъ!.. — шепталъ онъ, протягивая въ темноту руки, и на глазахъ у него закипали слезы.

Старикъ Матвѣй, заслышавши громкіе разговоры, толкалъ въ бокъ жену, и та поспѣшно разводила въ камелькѣ необыкновенно большой огонь, хотя вообще скупилась на дрова, жалѣя трудъ сына. Затѣмъ полуодѣтые старики садились передъ камелькомъ и долго, внимательно слѣдили за чужестранцемъ.

— Не бойтесь... — успокаивалъ ихъ Павелъ, замѣтивши разъ и другой этотъ маневръ. — Я ничего не сдѣлаю вамъ дурного... Я это такъ, отъ скуки разговариваю себѣ или пѣсенку спою... Никому вѣдь, думаю, это не вредитъ... Вы такъ много спите...

— Что за грѣхъ... Мы совсѣмъ тебя не боимся! А только... что-то холодно стало въ юртѣ...—оправдывались старики.

— Простите имъ... они это такъ, отъ своей необразован-

ности!..—извинялся поутру за родителей Уйбанчикъ, раньше намыливъ имъ хорошенько головы. Съ тѣхъ поръ старики уже не смѣли проявлять такъ просто свой испугъ, но Павелъ слышалъ, что лишь только онъ ночью сильнѣе двинется, зашумитъ нечаянно или скажетъ слово, сейчасъ же на хозяйской кровати возникаетъ шопотъ; тамъ не спятъ, тамъ бодрствуютъ въ очевидной тревогѣ! Огонь невозможно было жечь постоянно, запасныхъ дровъ не хватило бы, а изъ лѣсу достать ихъ въ такіе холода было просто немыслимо. Рыбьяго жира никто здѣсь никогда не копилъ, и неоткуда было достать его для лампочки; собирали его дома понемногу... съ поверхности супа, исключительно для Павла. Лучины здѣсь не знаютъ, и не было припасено для нея березы. Бо́льшую часть безсонныхъ ночей Павелъ проводилъ во мракѣ. Таинственная болѣзнь дѣлала быстрые успѣхи; съ виду онъ былъ здоровъ, у него ничто не болѣло, но все въ немъ блекло, вяло, и онъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ. Чтеніе не шло на умъ, развлекалъ онъ себя всякими пустяками; но ходить по избѣ, особенно ночью, уже не рѣшался. Чаще, забросивши подъ голову руки, вытянувшись и уставивши глаза въ одну точку, проводилъ онъ цѣлые часы, неподвижно считая удары сердца и чувствуя, какъ что-то безповоротно убѣгаетъ прочь...

— Боже мой... неужели я съ ума схожу...—ужасался онъ. Кому отъ этого польза, что мнѣ такъ худо...

— Что же ты, русскій, не ѣшь?—ворчалъ наставительно Матвѣй, замѣчая въ немъ особую печаль.— Не ѣсть нельзя. Человѣкъ отъ этого умретъ! Не смѣта! Все думать, и думать... Долженъ ты кой-когда и поѣсть, и улыбнуться! Вотъ такъ... хорошо!—ободрялъ онъ, когда больной бралъ ложку и слабо улыбался.

— Что ему? Чего ему надо? Не послѣдніе вѣдь мы люди...— безпокойно разспрашивали старики сына, видя, что ѣда не идетъ Павлу, что онъ уже бросилъ ложку и что опять лицо его каменѣетъ.

— Развѣ я знаю! Все отъ почты, должно быть! Еще расхворается у насъ... Когда она, проклятая, придетъ...—кричалъ въ сердцахъ Уйбанчикъ.

— Нашъ человѣкъ тоже копается... Сидитъ въ городѣ безъ нужды, должно быть только въ карты играетъ на общественныя деньги... Можно подумать... большой господинъ!..

— Это правда,— соглашался Матвѣй.— Никакого у нихъ нѣтъ понятія: такъ мучить ребенка... Совсѣмъ вѣдь глаза высмотрѣлъ, ожидаючи... Ты на нихъ нажалуйся!

— Да нѣтъ же... Тутъ по всей вѣроятности никто не виноватъ... Не посылаютъ, потому что можетъ быть ничего нѣтъ... Деньги получилъ общественный повѣренный... а больше ничего нѣтъ... У товарищей свои заботы... Родители мои... старики... какъ вы... Кто знаетъ, что случилось! Столько времени прошло...—объяснялъ Павелъ и въ то же время чувствовалъ, какъ больно-больно у него сжимается сердце.

— У тебя болитъ что-нибудь?

— Нѣтъ, не болитъ!.. только силъ нѣтъ!

Дни безконечно долго тянулись, но быстро пролетали недѣли. Наступала самая глухая и холодная часть зимы. Солнце давно уже не являлось, алыя зори, замѣнившія день, сократились; наконецъ исчезъ и узкій, кровавый ихъ просвѣтъ, съ трудомъ поднимавшій въ послѣднее время край неба. Сплошная, дымчатая ночь съ хороводами мерцающихъ звѣздъ повисла изъ края въ край надъ горизонтомъ.

— Долго такъ будетъ?—спросилъ Павелъ.

— Дней сорокъ.

— Въ городъ... въ городъ! Если меня не повезете, пѣшкомъ пойду!.. Я не могу... я не хочу... Скажите, что я грозилъ, что я заставилъ васъ...

Якуты собрали „малое собраніе“. Ихъ убѣдилъ Павелъ не столько словами, сколько своимъ изможденнымъ, страннымъ видомъ. Когда Матвѣй разсказалъ имъ, какъ русскій не ѣстъ, не спитъ, а ночи напролетъ ходитъ и разговариваетъ и съ кѣмъ-то во тьмѣ ругается... рѣшили „не ждать грѣха“ и повезти его въ городъ, написавъ соотвѣтственную „гумагу“. Просили только Павла чуть-немного подождать оленей: Андрей всѣхъ общественныхъ оленей увелъ съ собою, да и платья теплаго, зимняго, для Павла теперь нѣтъ: Андрей долженъ былъ привезти и платье.

— Ждалъ ты столько, подожди еще нѣсколько дней Андрея... того и гляди!..—просили они жалостливо.

Что же было дѣлать! Павелъ согласился. Пожираемый нервной горячкой и безсонницей, онъ вскакивалъ и содрогался болѣзненно при малѣйшемъ звукѣ, долетающемъ извнѣ.

— Слышите: ѣдутъ!

Никто ничего не слышалъ; но онъ не вѣрилъ. Надѣвалъ шапку, тулупъ, рукавицы и шелъ на крышу юрты смотрѣть. Кругомъ темно, глухо и мертвенно тихо.

Наконецъ разъ, когда онъ такъ караулилъ на крышѣ, дѣйствительно заскрипѣли полозья, замелькали тѣни и длинный караванъ выплылъ изъ тумана.

— Уйбанчикъ... Ѣдутъ!.. Пріѣхали... Уже близко... Вставайте!..

— Кто? Гдѣ? Должно быть купцы!..

Отецъ и сынъ, обмѣниваясь восклицаніями, торопливо спрыгнули съ постелей, развели огонь, натянули „этэрбесы“, набросили наскоро кафтаны и вышли.

— Гдѣ? гдѣ они?

— Да вотъ... тутъ... видѣлъ!..

— Что за грѣхъ! Тутъ и дороги нѣтъ...

— Правду говорю! Вѣрно поворотили или мимо проѣхали! Развѣ не слышите: опять!..

— Во имя Отца и Сына... Ничего не слышимъ!

— Не слышите... шелеститъ!

— Ахъ, русскій, русскій!.. Да вѣдь это не снѣгъ скрипитъ, а звѣзды разговариваютъ!..

Обманувши нѣсколько разъ и себя и другихъ, Павелъ не смѣлъ больше ихъ безпокоить. Если тревога черезчуръ его донимала, онъ считалъ до тысячи, шепталъ стихи, въ крайнемъ случаѣ разводилъ огонь и, сжавъ зубы, опустивъ низко голову, грѣлся, чтобы ослабить внутреннюю дрожь, и ждалъ покорно, когда проснутся люди. Какъ безконечно длилось тогда время и какъ долго могли спать эти дикари!

Разъ онъ не выдержалъ: одѣлся и поспѣшно побѣжалъ

въ степь съ намѣренімъ пробраться въ юрту богача. Пройдя однако съ версту и очутившись среди безбрежной снѣговой равнины, къ тому же потерявъ дорогу,—онъ очнулся. Понялъ онъ, что ничего нѣтъ, что никто не пріѣхалъ, иначе сейчасъ бы дали знать; понялъ, что больное его воображеніе само себѣ создаетъ всѣ эти тревоги, и возвратился домой.

— Уйбанчикъ... милый другъ... не спи... прости...я боюсь... я не могу!..—разбудилъ онъ парня.

Якутъ всталъ, немного удивленный, и присѣлъ послушно передъ камелькомъ. Павелъ больше не обращался къ нему, расхаживая по избѣ, и парень вскорѣ задремалъ.

— Грѣхъ... грѣхъ... наказаніе!.. Это тебя, Байбалъ, худое водитъ!.. Ты берегись, не ходи! Сохрани тебя Богъ... не ходи!..—вскричали въ ужасѣ старики, когда на завтра сынъ разсказалъ имъ ночное приключеніе русскаго. Такъ какъ прошелъ уже срокъ, назначенный Андреемъ для возврата, то они послали Уйбанчика къ сосѣдямъ узнать, что слышно. Павелъ тоже хотѣлъ идти съ нимъ, но его уговорили остаться, потому что нѣтъ у него теплаго платья; онъ познобитъ тѣло и только будетъ задерживать парня неумѣніемъ ходить на лыжахъ.

— Наши вѣдь дороги больше цѣлинами... На саняхъ-то рѣдко кто теперь ѣздитъ!

Уйбанчикъ обѣщалъ быстро вернуться. Дѣйствительно, онъ недолго отсутствовалъ и принесъ совсѣмъ неутѣшительныя вѣсти:

— У Андрея собирали „малое собраніе“. О самомъ князѣ ни слуху, ни духу... Хотятъ уже посылать нарочнаго навстрѣчу... безпокоятся! Пріѣхалъ съ запада „Кокора“ и худо сказываетъ о тундрѣ!

— Э-э-э! Что они тамъ знаютъ!.. Стыдно болтать!.. Съ запада?!. Да кто оттуда на тундру ѣздитъ... Только старыя повторяютъ сказки...—сердился Матвѣй и моргалъ значительно на сына. Не тужи, Байбалъ... Андрей пріѣдетъ, и ты поѣдешь: у меня сонъ былъ, а что во снѣ бываетъ, то непремѣнно случается!.. Увидишь, Андрей скоро будетъ!

Андрей, дѣйствительно, вскорѣ послѣ того пріѣхалъ, но безъ обоза, безъ людей, на трехъ всего оленяхъ, изъ которыхъ два сейчасъ-же пали отъ истощенія.

Сошлись сосѣди, собралась сходка. Павелъ, конечно, тоже пришелъ. Онъ не узналъ гордаго богача, до того послѣдній измѣнился, похудѣлъ и сгорбился. О тундрѣ онъ разсказывалъ ужасы: по засыпанной снѣгомъ равнинѣ бѣгаютъ стада одичалыхъ оленей, лежатъ опрокинутыя палатки... огни потухли, а кругомъ нихъ—застывшіе покойники. Чукчи ничего не хотятъ ни мѣнять, ни покупать; испуганные, бросаютъ все и устремляются въ лѣса, а слѣдомъ за ними бѣжитъ моръ! Видѣли ее, русскую „бабушку“, въ красной рубахѣ! Самъ разсказчикъ былъ отъ нея близко. Забрала Моору, тѣло котораго, не похоронивши, бросили въ тундрѣ и убѣжали... Олени, истощенные быстрыми переходами, едва тащились. Джянга отсталъ недалеко съ обозомъ, а онъ не выдержалъ и примчался впередъ...

Долго, молча, глядѣли родовичи на своего вождя и ждали, не добавитъ ли онъ еще чего-либо, но онъ сказалъ все и сидѣлъ понуря голову.

— Охъ, не уйдешь... не спрячешься передъ судьбой!— шепнулъ кто-то.

— Что же вы думаете дѣлать?—спросилъ Павелъ.

— Что-же будемъ дѣлать? Помремъ!

— Такъ нельзя!.. Нужно попробовать, можно принять мѣры... Эта болѣзнь не такая уже ужасная!.. Прежде всего нужно устроить карантинъ, не пускать чукчей. Больныхъ, если окажутся, въ одно мѣсто собирать. Я напишу въ городъ, пришлютъ лѣкарствъ, лимфы для прививки, сѣры для очищенія платья и домовъ, пришлютъ врача...

— Доктора не надо, а насчетъ лѣкарствъ пиши; мы нарочнаго сейчасъ турнемъ. Избу подъ больницу опредѣлимъ, дровъ поставимъ. Чукчей тоже пускать не станемъ. Андрею запретимъ товары разбирать, пока не придетъ твое „кадило“. Пусть лежатъ въ амбарахъ! Похлопочи, постарайся, русскій... Авось доспѣешь, „бабушка“ то вѣдь, правда, ваша... русская...—шутили они, ободренные его энергіей и

рѣшительностью. Съ Павла тоску и безсиліе какъ рукой сняло.

Все, чего онъ требовалъ, исполняли акуратно, немедленно, безъ возраженій, но только до перваго случая. Странно, но первой жертвой эпидеміи пала старая Симаксинъ. Ея смерть сразу убила у населенія вѣру въ слова Павла, лишила его авторитета. Напрасно онъ силился доказать имъ, что болѣзнь происходитъ отъ маленькаго невидимаго грибка, плесени рождающейся въ крови; что заразиться можно только черезъ прикосновеніе и что самый грибокъ можетъ быть убитъ... Не слушали его.

— Пришла, уже пришла!.. — повторяли апатично. — Гдѣ передъ ней спрячешься?.. Не уйдешь!.. Хуже будетъ!

Дѣлали маленькія саночки, съ кукольными деревянными лошадками или оленями, садили въ сани кукольное изображеніе красно одѣтой оспы, клали въ передокъ масло, оладьи, сахаръ, по кусочку всего, что было у нихъ лучшаго, даже деньги, и ставили все это на перекресткахъ дорогъ въ надеждѣ, что болѣзнь соблазнится и уѣдетъ въ этомъ экипажѣ.

Между тѣмъ она уже принялась ходить изъ усадьбы въ усадьбу и хватать жертвы; и хватала она какъ будто съ разборомъ: тутъ одного, тамъ другого. Все это наводило еще бо́льшую панику; люди приписывали ей и умъ, и волю, и, охваченные страхомъ, только болѣе скучивались, собирались въ однѣ юрты, причемъ не жгли, не бросали ни платья, ни постелей больныхъ.

— Зачѣмъ изводить добро? Все равно: захочетъ—пощадитъ, не захочетъ—убьетъ! Причемъ тутъ ветошь?

Напрасно Павелъ ѣздилъ, просилъ, доказывалъ, чтобы больныхъ непремѣнно, какъ рѣшили вначалѣ, свозить въ одно мѣсто, гдѣ онъ самъ соглашался жить и за ними ухаживать, тщетно настаивалъ, чтобы вещей покойниковъ не трогали и до поры до времени запирали въ пустыхъ амбарахъ; родовичи не слушали его, а вскорѣ и время было упущено. Зараза, точно пожаръ, разлилась по долинѣ. Не было семьи, гдѣ бы не лежалъ покойникъ или больной. Живые заботились больше о могилахъ. Убивали безжалостно скотъ,

оленей, которыхъ раньше такъ берегли, справляли богатыя тризны, поминки, ѣли, пили, обжирались и ждали покорно своей очереди. Оспа недолго заставляла себя ждать и валила ихъ все гуще, точно убойное стадо. Ложились и умирали скоро, безъ жалобъ, безъ борьбы, можетъ быть, столько же отъ сознанія неизбѣжности смерти, какъ и отъ самой болѣзни. Взрослые, способные къ труду мужчины, только и ходили изъ дому въ домъ дѣлать гробы, копать могилы. Павелъ все сидѣлъ на крышѣ, высматривая нарочнаго, посланнаго за докторомъ и лѣкарствами. Въ гробовомъ молчаніи застывшихъ снѣговъ, въ студеномъ воздухѣ, изъ далекой темной дали доносились къ нему глухіе удары кайлъ, роющихъ въ вѣчныхъ льдахъ обширныя могилы. Матвѣй и Уйбанчикъ почти не являлись домой. Павелъ вначалѣ тоже было пробовалъ ходить, но небольшая отъ него оказалась польза: только поморозилъ пальцы и щеки. Впрочемъ, скоро и дома нашлось, что дѣлать. Заболѣла жена Матвѣя; пришлось смотрѣть за ней, рубить дрова, топить печь, таять ледъ и варить пищу. Недолго онъ трудился—черезъ нѣсколько дней не стало старухи. Похоронили ее на третій день, строго соблюдая всѣ формальности якутскаго церемоніала. Ни отецъ, ни сынъ не соглашались ничего пропустить, ничего сократить.

— Не смѣта!

Уйбанчикъ читалъ псалтырь, и могилу вырыли ей особую, не жалѣя своихъ ослабѣвшихъ рукъ. Когда груды мерзлой земли, падая съ глухимъ шумомъ, наполнили углубленіе, у Павла сжалось сердце отъ какого-то необъяснимаго предчувствія.

Матвѣй, по возвращеніи домой, заглядывая по пустымъ угламъ, шепнулъ, впрочемъ, довольно равнодушно.

— Намучилась старуха, натрудилась! Вотъ и отдыхъ пришелъ!

Но когда нѣсколько дней спустя захворалъ Уйбанчикъ, старика охватило отчаяніе.

— Развѣ допуститъ Богъ, чтобы я собственными глазами увидѣлъ его смерть?

— Можетъ быть это не оспа. Можетъ быть онъ просто простудился, измучился... Столько труда!..—утѣшалъ его Павелъ, какъ-то вдругъ выучившійся запросто объясняться съ несчастными.

— Охъ, еслибъ такъ!

Болѣзнь между тѣмъ дѣлала быстрые успѣхи; на завтра уже не было сомнѣнія. Парень лежалъ въ бреду, на тѣлѣ появились злокачественные прыщи, а нѣсколько часовъ спустя лицо, грудь и желудокъ представляли одну сплошную язву. Больной не говорилъ, не открывалъ глазъ, а только по временамъ шевелилъ губами въ знакъ того, что хочетъ пить.

Павелъ не отходилъ отъ него, а Матвѣй издали поглядывалъ на обоихъ исподлобья и дѣлалъ по дому, что было нужно. Наконецъ, насталъ послѣдній неизбѣжный моментъ.

— Уйбанчикъ, Уйбанчикъ!..—шепталъ Павелъ дрожащимъ голосомъ, видя, какъ стынутъ черты больного и прерывается дыханье. Вѣки умирающаго дрогнули, отъ лба по лицу медленно проплыла тѣнь и дальше замерла вдоль рта съ легкой дрожью.

Парня не стало.

Долго сидѣлъ Павелъ надъ стынущимъ трупомъ, подперевъ голову руками, и не чувствовалъ, не замѣчалъ, что погасалъ огонь, что дѣлается кругомъ все темнѣе и холоднѣе. Очнулся только услышавши непонятные звуки. Быстро повернулъ онъ голову и увидѣлъ стараго шамана въ его волшебномъ платьѣ и съ бубномъ въ рукахъ. Онъ готовился къ торжественной мистеріи. Глаза его лихорадочно блестѣли, движенія были сдержанны. Онъ остановился передъ тѣломъ, взглянулъ на него, коснулся кривой колотушкой, затѣмъ поднялъ вверхъ колотушку, повернулся лицомъ на югъ, ударилъ въ бубенъ, засвистѣлъ, запѣлъ, заплясалъ... Павелъ глядѣлъ на его фигуру, судорожно мечущуюся въ сумеркахъ, вслушивался въ пѣніе, похожее то на вой, то на стонъ, то на гимнъ, грозный, скорбный, и мало-по-малу терялъ сознаніе дѣйствительности... Вдругъ все умолкло. Старикъ застылъ неподвижно по серединѣ избы, прижимая рукою сердце. Лицо его мучительно искривилось, какъ тогда, когда онъ

ворожилъ у Андрея. Раньше, чѣмъ Павелъ успѣлъ встать, шаманъ, какъ пораженный громомъ, рухнулъ на землю; бубенъ выкатился изъ его рукъ и съ рокотомъ легъ въ сторонѣ.

Павелъ схватилъ старика за руку: она была вялая; приложилъ ко рту ухо—онъ уже не дышалъ. Раздулъ Павелъ поспѣшно чуть тлѣющій огонь и опять наклонился надъ старикомъ. Мертвые, погасшіе зрачки сурово на него взглянули, сердце не билось, а изо рта сочилась тонкая струйка уже стынувшей крови. Павелъ поднялся, отыскалъ торопливо шапку, рукавицы, надѣлъ „парку“ Уйбанчика, лицо окуталъ шалью и пошелъ въ степь искать помощи и пріюта.

Шелъ онъ долго по дорогѣ, не думая, къ кому придетъ, только бы подальше отъ всѣхъ этихъ ужасовъ, только бы къ живымъ. Остановился онъ передъ зарослями. Оглядѣлъ внимательно мѣстность, она показалась ему знакомой. Пошелъ немного въ глубину лѣса и замѣтилъ изгородь, а дальше—бѣлый силуэтъ юрты. Удивился, что не видно огня—но вѣдь жильцы могли спать. Только у самаго входа узналъ онъ собственный

„лѣтникъ“. Онъ открылъ двери и вошелъ, самъ не зная зачѣмъ. Но когда съ грохотомъ захлопнулись за нимъ двери, а изъ глубины блеснули ледяные зрачки и пятна инея, онъ поспѣшно выскочилъ, охваченный непріятнымъ ощущеніемъ. На дворѣ вспомнилъ онъ, что вѣдь не особенно далеко отсюда и зимникъ Андрея, и рѣшилъ направиться туда. Дороги не было, пришлось пробираться цѣлиной. Наконецъ онъ наткнулся на колья и заборы и при неясномъ мерцаніи звѣздъ узналъ жилье богача. Онъ перелѣзъ черезъ ограду и направился къ юртѣ, минуя кучи навоза и дровъ, что громоздились на задахъ. Въ юртѣ огня не было видно, но люди здѣсь были несомнѣнно. Около амбара стояли запряженныя парою оленей сани, и высокій якутъ складывалъ на нихъ мѣха и платье, выброшенные изъ кладовой. Павелъ подошелъ незамѣченный и сталъ рукой освобождать свой ротъ и лицо отъ закрывающей ихъ шали. Въ тотъ мигъ занятый уборкою человѣкъ поднялъ голову и, увидѣвши неожиданно такъ близко передъ собою фигуру, не по-якутски подпоясанную и не по-якутски закутанную въ шаль, вскрикнулъ, попятился и торопливо сталъ дергать возжи. На крикъ изъ амбара выскочилъ другой, въ которомъ Павелъ сейчасъ-же узналъ Джянгу. Послѣдній, не ожидая товарища, бросился бѣгомъ за ворота. Раньше, чѣмъ Павелъ открылъ ротъ, оба исчезли и только вдали долго гудѣли копыта и скрипѣли быстро скользившія сани.

Павелъ звалъ, кричалъ, но они не возвращались; очевидно они приняли его за призракъ блуждающаго мора. Онъ вошелъ въ совершенно темную юрту, гдѣ всѣ спали. Не подавая голоса, сталъ Павелъ, какъ это здѣсь въ обычаѣ, искать дровъ, чтобы развести огонь. Дровъ не было; тщетно также разгребалъ онъ золу, разыскивая тлѣющіе уголья. Дотронувшись до золы пальцами, онъ убѣдился, что она совершенно холодна, мокра и засыпана снѣгомъ. Очевидно Андрей укочевалъ, и поэтому-то изъ амбара выносили вещи. Смущенный и разсерженный, Павелъ громко обругалъ якутовъ за трусость и хотѣлъ уже уйти, какъ вдругъ въ темнотѣ раздался слабый стонъ.

— Здѣсь есть кто-то?.. Кто здѣсь?!. — воскликнулъ удивленный Павелъ.

Молчаніе. Дрожь пробѣжала по немъ. У него блеснула мысль, что опять возвращается къ нему старый недугъ. Онъ схватился за ремень и открылъ двери, но стонъ опять раздался, и въ этотъ разъ это былъ несомнѣнно настоящій стонъ.

— Кто здѣсь? повторилъ Павелъ съ силой, направляясь къ хозяйской кровати. Тамъ нащупалъ онъ на постели человѣка, но тотъ былъ несомнѣнно мертвъ и давно уже застылъ. Между тѣмъ стонъ опять прозвучалъ тихо, но близко. Павелъ коснулся лица покойника: оно было холодно, какъ ледъ. Значитъ не онъ двигался и стоналъ! Дрожащими руками юноша сталъ разыскивать по карманамъ спички, но не нашелъ ни одной; тогда онъ сталъ ощупывать вѣшалки и полки, гдѣ якуты, вмѣстѣ съ платьемъ, вѣшаютъ пояса съ кремнемъ и огнивомъ. Вскорѣ онъ нашелъ, чего искалъ, но обрадовался преждевременно: напрасно добывалъ онъ огонь, — трутъ отсырѣлъ и не зажигался отъ искръ. Кто оставитъ здѣсь зимою огонь на нѣкоторое время безъ вниманія, уже не можетъ его расжечь. Павелъ упорно билъ огнивомъ о камень, вспотѣлъ, усталъ, пальцы окровавилъ и чуть не плакалъ отъ досады. Стоны все повторялись.

— Ничего не подѣлаешь, нужно идти искать людей... — сказалъ онъ громко. Но раньше захотѣлъ посмотрѣть, кто живъ остался, кто стонетъ. Съ кремнемъ и огнивомъ въ рукахъ онъ наклонился надъ кроватью и добылъ наконецъ огня. Изъ темноты въ красномъ свѣтѣ быстро тухнущихъ искръ появилось на мгновеніе хмурое лицо Андрея, уже покрытое бѣлымъ налетомъ инея, и блеснули застывшіе бѣлки его глазъ. Тутъ все уже было покончено и ушло безнадежно во мракъ. Павелъ сталъ искать въ другихъ углахъ, пока не наткнулся на груду теплыхъ мѣховъ, подъ которыми что-то шевелилось. Онъ ударилъ сталью о камень и увидѣлъ ужасное, окровавленное, заплывшее лицо. По большому выступающему желтому зубу Павелъ узналъ жену Андрея; но разспросить ее было немыслимо: на все она отвѣчала жалобнымъ стенаніемъ.

Нечего было терять время. Павелъ рѣшительно подтянулъ поясъ, поправилъ платье, закутался и отправился искать людей. Въ самомъ уже началѣ, за воротами, наткнулся онъ на массу препятствій. Зимою онъ почти никуда не ходилъ и теперь въ темнотѣ окрестности казались ему до того чуждыми, что онъ постоянно сомнѣвался въ направленіи пути. Пошелъ онъ сначала по дорогѣ, но дорога вела въ глубину степи, а онъ зналъ, что жилища всѣ на краю. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ не покидать дороги, во-первыхъ, потому, что она куда-нибудь да выведетъ, во-вторыхъ, потому, что не рѣшался брести по сугробамъ въ обуви, размокшей и промерзшей отъ прежнихъ скитаній. Надъ степью низко стлалась морозная мгла. Павелъ долго шелъ, стараясь не потерять торной дороги. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ останавливался и руками ощупывалъ слѣдъ. Слѣдъ былъ довольно свѣжій и скоро привелъ Павла къ большому, черному зданію, очертаніями похожими на юрту. Это оказался зародъ сѣна. Онъ обошелъ его, отыскивая другую дорогу, и когда нашелъ, немедленно же направился обратно на край долины къ лѣсу. Немного спустя почуялъ онъ запахъ гари, и красныя искры, казалось, замелькали въ туманѣ. Да, это былъ огонь!.. Наконецъ-то онъ согрѣется и увидитъ людей!.. Пора!.. Онъ усталъ и прозябъ изрядно! Изъ камелька юрты весело летѣли искры, сверкало пламя и сквозь ледяныя окна просвѣчивалъ изнутри яркій свѣтъ. Павелъ узналъ усадьбу Филиппа. Посерединѣ двора у столба стояла пара оленей и нарта; онъ догадался, кто сюда пріѣхалъ, и смѣло направился къ дверямъ. Двери оказались заперты. Онъ постучалъ; голоса въ юртѣ умолкли.

— Отворите!—сказалъ Павелъ по-якутски.

Никто не отвѣтилъ, только темныя пятна въ ледяныхъ окнахъ безпокойно задвигались.

— Откройте!.. Это я, Павелъ...

Молчаніе.

— Откройте!.. Что же это такое, Филиппъ?! Отворите — это я!..—кричалъ онъ то по-русски, то по-якутски.

Двери не шевелились.

— Что вы себѣ думаете!.. Заморозить меня хотите... Что

за шутки... Откройте сейчасъ!..—приказывалъ онъ.—Матвѣй умеръ, дѣться некуда... Я ищу помощи!..

Отвѣта все не было. Тогда онъ сталъ бить въ двери поднятымъ съ земли бревномъ и грозилъ, что выломаетъ ихъ. Молчаніе продолжалось, и только тѣни на ледяныхъ окнахъ еще безпокойнѣе задвигались. Вдругъ раздался сухой трескъ, и пуля свистнула мимо его уха.

— Негодяи... мерзавцы... Что вы, убить меня хотите!. Откройте сейчасъ же... Тамъ люди умираютъ...—кричалъ онъ и ругался теперь уже и по-русски, и по-якутски, и по-польски.

Въ отвѣтъ опять грянулъ выстрѣлъ, и свинецъ, пробивши двери, съ жужжаніемъ пронесся въ степь. Очевидно, якуты рѣшили не отдаваться живьемъ въ руки „бабушки".

Озлобленный, дрожащій отъ холода, Павелъ не зналъ, что дѣлать. Ждать, пока они успокоются, наврядъ ли было благоразумно. Они могли со страху убить его или затравить собаками; да и было больше шансовъ замерзнуть, стоя на мѣстѣ.

Павелъ посмотрѣлъ кругомъ, подумалъ, отвязалъ оленей и вывелъ ихъ на дорогу.

— Поѣду... Буду ѣздить до тѣхъ поръ, пока не найду людей... Не всѣ же видѣли сегодня привидѣніе... Кто-нибудь да узнаетъ!

Онъ свистнулъ на оленей, прыгнулъ на нарту и полетѣлъ стрѣлою. Повѣсивъ внизъ рогатыя головы, тяжело дыша, мчались животныя. Павелъ не старался управлять ими, такъ какъ въ сущности для него было все равно, куда они его привезутъ, только бы къ людямъ! Онъ даже отвернулся, чтобы защитить лицо и глаза отъ комковъ снѣга, летящихъ изъ-подъ копытъ. Густой туманъ дыханія животныхъ окружилъ его, колыханіе нарты укачало, онъ почувствовалъ усталость и охоту уснуть. Струи холода пробирались сквозь его пропотѣвшее влажное платье, знобили тѣло, а ноги стало больно пощипывать. Съ тоскою высматривалъ онъ, не блеснетъ ли гдѣ-либо желанный огонекъ. Послѣ долгаго путешествія забѣлѣли, наконецъ, вдали молочные туманы лѣса. Олени бѣжали прямо туда. По неровностямъ, за какія за-

дѣвала ежеминутно нарта, онъ заключилъ, что свернули съ дороги, что ѣдутъ по цѣлинѣ, но напрасно силился разгадать, гдѣ находится. Олени бросились въ лѣсъ, взбѣжали на бугоръ, остановились, и, проворно разгребая снѣгъ копытами, стали ѣсть мохъ.

Павелъ удивился, но, замѣтивши какъ они жадно ѣдятъ, рѣшилъ покормить ихъ, а самъ въ то же время принялся ходить по лѣсу, чтобы сколько-нибудь сообразить, куда попалъ. Мѣстность была какъ-будто знакома; подъ однимъ изъ матерыхъ старыхъ пней замѣтилъ онъ при свѣтѣ звѣздъ засыпанную снѣгомъ мумію; въ другомъ мѣстѣ нашелъ черепъ животнаго, надѣтый на сукъ, и догадался, что онъ на „Мысу мертвыхъ". Открытіе обрадовало его; отсюда до юрты Матвѣя—рукой подать! Дорогу онъ знаетъ прекрасно. Тамъ онъ согрѣется, поѣстъ, обсушится, дастъ роздыхъ оленямъ и, взявши все, что нужно, возвратится въ усадьбу Андрея, а дальше... Тамъ видно будетъ!

Такъ онъ и сдѣлалъ.

Въ юртѣ огонь выгорѣлъ до тла. Павелъ въ темнотѣ споткнулся о трупъ Матвѣя и чуть было не упалъ на него, но скоро сообразилъ, гдѣ и что; нашелъ спички, дрова, лучину и затопилъ огонь. Когда, наконецъ, блеснулъ божественный, золотой пламень и разогналъ тьму, юноша готовъ былъ кричать и смѣяться, какъ дитя. Только суровый взглядъ неподвижныхъ глазъ Матвѣя испортилъ его настроеніе. Онъ попробовалъ поднять старика и положить на скамью, но не смогъ, утомленный хожденіемъ, голодомъ и стужей. Волочить тѣло по землѣ ему не хотѣлось; онъ оставилъ его на мѣстѣ, только бубенъ подложилъ ему подъ голову, вытеръ кровавую пѣну, да набросилъ на лицо платокъ. Затѣмъ онъ раздѣлся, развѣсилъ передъ огнемъ мокрое платье, разулся, надѣлъ все сухое и пошелъ въ амбаръ за рыбой „на строганину". Поѣлъ онъ много и съ удовольствіемъ. Пронятый дрожью отъ поглощеннаго льда, онъ подсѣлъ ближе къ огню и тутъ задремалъ. Разбудилъ его тихій стонъ. Онъ открылъ глаза, оглядѣлся, и все мгновенно вспомнилъ. Вѣдь никого нѣтъ, вѣдь всѣ умерли?.. Между тѣмъ... стонъ!.. Стонъ ясно

прозвучалъ, и послѣднія ноты его еще дрожали въ его ушахъ.

— Уйбанчикъ, это ты? — спросилъ онъ, сдерживая дыханіе. Нѣтъ, это не онъ. Его вѣрный другъ лежалъ, какъ раньше, неподвижный и безмолвный. Павелъ наклонился и быстро сорвалъ платокъ съ лица Матвѣя; но и тотъ встрѣтилъ его все тѣмъ же тусклымъ остановившимся взглядомъ. Вспышки догорающаго огня фантастически освѣщали избу, наполняя ее подвижными тѣнями. Павелъ не смѣлъ обернуться, не смѣлъ поднять голову, увѣренный, что не стонъ онъ слышалъ, а смѣхъ,

и что въ углу юрты онъ увидитъ сидящую за столомъ, подперши голову руками и оскаливши людоѣдскіе зубы, „ужасную женщину въ красной рубахѣ“. Съ трудомъ овладѣлъ онъ собою и взглянулъ: уголъ юрты былъ пустой! Онъ зналъ, что даже если бы тамъ что-нибудь увидѣлъ, то это было бы миражъ, и тѣмъ не менѣе сердце его билось и онъ чувствовалъ, что боится... боится самого себя! Только когда онъ вспомнилъ, что стонъ слышалъ собственно въ юртѣ Андрея, бодрость возвратилась къ нему. Немного пристыженный, собралъ онъ быстро все, что считалъ необходимымъ: спички, ножъ, топоръ, нѣсколько рыбъ;

все это положилъ въ суму, свернулъ постель, связалъ и крѣпко все приторочилъ къ нартѣ; затѣмъ старательно одѣлся въ высохшее платье и двинулся въ путь.

И опять окружилъ Павла туманъ оленьяго пара, по лицу били его комки летящаго изъ-подъ копытъ снѣга, и струи студенаго воздуха выжимали изъ глазъ слезы. Нужно было поѣхать на западъ, черезъ степь; онъ туда и направилъ оленей. Удивился онъ чрезвычайно, увидѣвши вскорѣ передъ собою ленту лѣса. Что это за лѣсъ и въ какую часть долины онъ попалъ и какъ это онъ миновалъ усадьбу Андрея?.. Всѣ эти вопросы являлись прямо неразрѣшимыми; даже волчьи глаза якутовъ наврядъ ли подмѣтили бы что-нибудь въ этомъ мракѣ, пропитанномъ мглою. На небѣ было ясно и чисто, но надъ землею стлался туманъ, и все казалось одинаково бѣлымъ и неопредѣленнымъ. Олени мчались во весь опоръ, и никакъ ихъ нельзя было задержать раньше, чѣмъ когда они остановились сами, протащивши нарту далеко по пнямъ и сугробамъ. Тутъ на бугрѣ они быстро разрыли копытами снѣгъ и стали жадно щипать мохъ. Павелъ всталъ съ нарты и пошелъ по лѣсу искать, не найдетъ ли какихъ-либо указаній. Опредѣленныхъ указаній онъ не нашелъ, но предполагалъ, соображая время и направленіе, что очутился между усадьбами Андрея и Филиппа. Послѣ такой неудачи онъ не рѣшался больше пускаться въ степь, а задумалъ объѣхать долину вдоль лѣса. Гдѣ-нибудь да наткнется онъ на усадьбу,— всѣ онѣ вѣдь стояли на краю долины. Павелъ вывелъ оленей на чистое мѣсто и тихонько поѣхалъ по цѣлинѣ. Животные упорно стремились въ лѣсъ; это сильно затрудняло соображенія; снѣгъ, толстый, сбитый въ сугробы и неровности, мѣшалъ движенію нарты; она увязала ежеминутно. Павелъ совершенно потерялъ мѣрило того, какъ долго ѣхалъ и сколько проѣхалъ; вдругъ совершенно неожиданно открылась передъ нимъ огромная обнаженная равнина, врѣзывающаяся далеко въ лѣсъ. Онъ остановился, совершенно сбитый съ толку. Онъ не могъ сообразить — по Анды ли онъ блуждаетъ или выѣхалъ уже на сосѣднее озеро, гдѣ нѣтъ жителей. Если такъ, то не было спасенія: онъ могъ кружиться

безконечно! Нужно было во что бы то ни стало отыскать дорогу. Для этого опять требовалось прорѣзать долину: на долинѣ скрещивались всѣ дороги. Павелъ уныло направилъ оленей въ степь. Прозябшій и усталый, онъ всматривался въ разстилающуюся передъ нимъ бѣлизну, гдѣ въ глубинѣ, низко надъ землею, мелькали звѣзды. Олени опять понесли, и черезъ мгновеніе нарта опять остановилась на бугрѣ; животныя проворно разгребли снѣгъ и стали жадно щипать мохъ. Холодный потъ выступилъ на лбу Павла: онъ вспомнилъ разсказы Уйбанчика о заблудившихся: „въ пургу собака вывезетъ къ людямъ, конь самъ закружится, а олень... обманетъ; онъ все будетъ бѣгать кругомъ кормовища... какъ ни вороти его, не уйдетъ... Лучше огонь топить и ждать...“ Кого ждать, чего ждать?.. Да вѣдь день-то не придетъ!.. Огонь топить? Да вѣдь не загорятся эти дрова превращенныя морозомъ въ полѣна льда.. Да и не возьметъ ихъ топоръ, развѣ сухое найдешь на корню!.. Но что дальше? Нѣтъ!.. Нужно искать дорогу... нужно непремѣнно найти дорогу!.. Павелъ ходилъ по лѣсу, выжидая, пока насытятся олени, и пристально всматривался въ окрестности. Вдругъ онъ вздрогнулъ: ему почудилось, что на землѣ, на снѣгу, подъ пеленой морознаго тумана, замѣтна длинная свѣтлая черта... Онъ не былъ увѣренъ, что это дорога, но тамъ несомнѣнно было что-то: можетъ быть заборъ, а можетъ быть рѣка. Онъ привязалъ оленей и пошелъ узнавать.

Это дѣйствительно была дорога. Интересно было узнать, куда она ведетъ, и въ какой части долины находится онъ? Если онъ вышелъ за предѣлы Анды, то это былъ трактъ въ городъ; на немъ ближайшіе жители встрѣчались за полтораста верстъ. Если же равнина эта была Анды, то это могла быть дорога въ лѣсъ, по дрова, торговый трактъ къ чукчамъ... все равно: въ той или другой сторонѣ ея должны быть люди! Павелъ рѣшилъ пройти немного и убѣдиться, нѣтъ ли вблизи въ лѣсу на деревьяхъ „затесинъ“ или чего нибудь, могущаго дать указанія. Съ этой цѣлью онъ прошелъ нѣсколько сотъ шаговъ по спящей, засыпанной снѣгомъ тайгѣ. Поистинѣ сказочная обстановка окружила его; вѣтви

деревьевъ были сплошь затканы мглою и пушистымъ снѣгомъ, точно пѣною; это былъ не лѣсъ, а фантастическое кружево, сквозь которое точно алмазы или искры безчисленныхъ огней сверкали звѣзды. Обманутый ихъ сходствомъ съ огнями, Павелъ углубился дальше, чѣмъ слѣдовало.

— Возможно, что жители перебрались въ „лѣтники“,— размышлялъ онъ. — Вѣдь вѣрятъ же они, что оспа боится лѣса... Вѣдь по той же причинѣ и чукчи бѣжали въ лѣса!

Напрасно, впрочемъ, высматривалъ онъ хотя бы лѣтниковъ: жилищъ не было, и дорога въ безконечныхъ изгибахъ все углублялась въ спящій лабиринтъ. „Затесинъ“ тоже онъ не встрѣтилъ, возвратился обратно на долину и направился краемъ лѣса къ нартѣ. Прошелъ онъ уже порядочно, не безъ труда, спотыкаясь на пни, и мѣстами проваливаясь выше колѣнъ въ снѣгъ. Одно удивляло его: нигдѣ не было видно черныхъ силуэтовъ оленей и ихъ вѣтвистыхъ роговъ, которые, разсуждалъ онъ, при общей неподвижности лѣса, сразу должны были выдѣляться своимъ колыханіемъ. Онъ не зналъ, что олени при приближеніи человѣка неподвижно замираютъ и что, остывая, покрываются бѣлымъ инеемъ. Онъ могъ пройти сто разъ около нихъ и не замѣтить ихъ въ такомъ уборѣ. Наконецъ онъ догадался, что потерялъ нарту, и прошелъ нѣсколько верстъ; возвратился сейчасъ же обратно и подъ опасеніемъ окончательно заплутаться, углубился въ лѣсъ; ходилъ, бродилъ, все осматривалъ и все не могъ увѣрить себя, что ничего уже у него нѣтъ, что исчезло все, на что онъ могъ надѣяться. Отчаяніе охватывало его минутами. Отдохнулъ онъ немного и опять принялся за поиски. Истоптался, какъ заяцъ, весь берегъ лѣса, осмотрѣлъ, казалось, каждый кусточекъ и не нашелъ оленей. И они и нарта пропали, затерялись среди ночи и снѣга, точно иголка, воткнутая въ стогъ сѣна. Вмѣстѣ съ надеждой, покидали его силы, члены отказывались повиноваться, колѣни гнулись, подошвы жгли, между тѣмъ, какъ холодный потъ и внутренняя дрожь потрясали тѣло. Онъ присѣлъ на упавшее дерево отдохнуть и послушать. Кругомъ такая тишина, что слышно, какъ „звѣзды шепчутъ“! Неужели среди этой тишины не уловитъ

онъ знакомаго звука! Павелъ весь превратился въ слухъ. И лѣсъ заговорилъ наконецъ: тихіе вначалѣ звуки все болѣе крѣпчали; Павелъ ясно различалъ уже скрежетъ зубовъ, пережевывающихъ мохъ, удары копытъ, сопѣніе... Радостный бросился онъ въ этомъ направленіи, но звуки убѣгали, все одинаково далекіе и манящіе. Онъ присѣлъ опять въ отчаяніи, понявши, что ему мерещится. И опять окружили его голоса, похожіе на вздохи, на пережевываніе, скобленіе рогами о дерево... Теперь звуки эти пугали его. Онъ хотѣлъ бы отъ нихъ отдѣлаться, они ему мѣшали слушать настоящее. Тяжело дыша, онъ сидѣлъ на упавшей колодѣ, бѣлый отъ инея, неподвижный, какъ одинъ изъ этихъ пней, спящихъ кругомъ подъ снѣгами. Онъ не допускалъ мысли, не хотѣлъ вѣрить, что для него уже все кончено, что онъ застынетъ здѣсь на-вѣки. Наоборотъ, ему минутами казалось, что ничего не случилось, что онъ видитъ сонъ, что онъ *такъ* вышелъ прогуляться на „Мысъ мертвыхъ“, что сейчасъ же, если захочетъ, онъ вернется домой дочитывать начатую книжку, разговаривать съ Уйбанчикомъ... а тамъ возвратится на родину, увидитъ мать, край родной... зеленый и теплый!.. Въ этотъ мигъ загудѣло по лѣсу... Неужели это олени, оборвавшись съ аркана, несутся по пнямъ и кочкамъ?! Павелъ выскочилъ къ нимъ и разставилъ руки, желая поймать. Долго онъ стоялъ, хотя шумъ мгновенно умолкъ. Должно быть недалеко треснула отъ мороза земля или волна крови ударила въ голову... Виски что-то болятъ и сильно въ нихъ стучитъ! Лѣсъ заколыхался, задвигался и съ шопотомъ пошелъ опять къ нему... Но быстрѣе лѣса, опережая все, летѣло оттуда же что-то съ ужаснымъ воплемъ... Ошеломленный Павелъ пятился, пятился, наконецъ вышелъ на дорогу и, собравши остатокъ силъ, направился въ степь. Вскорѣ исчезъ лѣсъ, исчезли связанные съ нимъ звуки; кругомъ разстилалась однообразная равнина безъ кустика, безъ холмика; надъ нею небо, усѣянное звѣздами, и у горизонта—мгла. Все блѣдно, неясно, безнадежно, какъ вѣчность, какъ будущее! Павелъ шелъ, напряженно вглядываясь впередъ, гдѣ свѣтились звѣзды. Онъ дрожалъ отъ холода, боли и внутренней муки.

— О, милыя звѣзды человѣческихъ взглядовъ! неужели вы уже мнѣ не блеснете?!.. Они умерли... умерли всѣ... И онъ скоро... Въ головѣ у него мелькали уже не мысли, а обрывки мыслей... Призрачное и дѣйствительное смѣшивалось. Онъ не соображалъ, не надѣялся, и самъ не зналъ, зачѣмъ упорствовалъ и шелъ, прижимая къ груди руки въ защиту сердца... Зачѣмъ... зачѣмъ?! Вѣдь случилось то, чего онъ такъ боялся... Вѣдь наступилъ день суда и итога... Солнце потухло и уже не взойдетъ, застыла земля и сожжена послѣдняя искра огня... Вселенная превратилась въ бѣлую гробницу... Жизни осталось столько, сколько теплится въ немъ... Онъ послѣдній... Съ нимъ навѣки порвется вѣнокъ, который милліоны лѣтъ, милліоны существъ сплетали изъ слезъ и улыбокъ... Мракомъ покрытая земля покатится въ безконечность.

Люди побѣждены въ борьбѣ за міровую власть и безсмертье.

Затѣмъ: тухнутъ звѣзды... все сливается въ сѣрую массу... Сознаніе исчезло... Нѣтъ времени и пространства... Некому измѣрить и прочувствовать ихъ? И зачѣмъ... зачѣмъ все это такъ? Вѣдь могло быть иначе!..

Онъ уже нѣсколько разъ спотыкался, падалъ, но какая-то гордость мѣшала ему лежать, пока есть силы, и онъ поднимался вновь и брелъ дальше... Промерзшее платье хрустѣло на немъ, какъ ледяной панцырь, окостенѣлыя ноги чуть двигались, въ ушахъ гудѣло, и все чаще и чаще мелькали передъ глазами кровавыя пятна.

Окончательно обезсилѣвшій, Павелъ остановился и въ послѣдній разъ съ тоскою обвелъ глазами землю, покрытую мракомъ. Оттуда, изъ сѣдой мглы, летѣло къ нему что-то съ грохотомъ, что-то большое и плотное... Какой-то метеоръ, грозившій послѣднимъ ударомъ разрушить все.

У Павла не хватало силъ двинуться. Метеоръ все приближался, гудя среди облаковъ бѣлаго пара. Подъ ударомъ его заколебалась земля, дрогнула и поплыла изъ-подъ ногъ Павла; звѣзды полетѣли въ пространство, и все подернулось молочнымъ туманомъ.

Павелъ закрылъ глаза.

Когда, немного спустя, онъ открылъ ихъ, вблизи стояла пара тяжело дышущихъ оленей, нарта, а на ней сидѣлъ убѣленный инеемъ человѣкъ съ длиннымъ шестомъ въ рукѣ; немного дальше такая же пара оленей, такая же нарта и такой же человѣкъ.

— Кто здѣсь? Кто здѣсь?—кричали они.

Павелъ стоялъ точно столбъ льда.

— Во имя Отца и Сына!.. Если ты чортъ, сгинь, пропади!.. Если ты человѣкъ, скажи, кто ты?

Павелъ не могъ двинуться. Тогда тотъ, который сказалъ заклинаніе, подошелъ къ нему, придерживая оборонительно шестъ передъ собою, и сталъ внимательно присматриваться...

— Это вы?— закричалъ онъ по-русски. — А мы васъ все ищемъ... Исправникъ приказали кланяться и просятъ извиненія, что такъ долго не посылали, но не было... не приходило изъ губерніи.

— Тамъ... тамъ... Ан-дрей...—пробормоталъ Павелъ, съ трудомъ раскрывая застывшія губы.

— Знаемъ... знаемъ! Были... видѣли... Сплошь покойники!.. Везу вамъ лѣкарство, деньги, бумаги...

— Лѣкарства... бумаги... тамъ... тамъ!.. — повторялъ безсмысленно Павелъ, и вдругъ зашатался и протянулъ руку.

Бросились къ нему, поддержали, положили на нарту и увезли.

ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ ИЗДАНІЯ Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА.

П. Гиро. Частная и общественная жизнь Грековъ. Историческія чтенія. Пер. съ франц. съ 70 рис., въ текстѣ. Ц. 3 р.

Г. Додю. Исторія монархическихъ учрежденій въ латино-іерусалимскомъ королевствѣ (1099 г.—1291 г.). Перев. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.

Могра. Конецъ одного общества. Герцогъ де Лозенъ. Перев. съ франц. Ц. 3 р.

Нарѣжный, В. Т. Историко-литературный очеркъ *Н. Бѣлозерской*, удостоенный Уваровской преміи въ 1893 г. Изд. 2-е исправл. и дополн. Ц. 1 р. 75 к.

Кистяковскій, А. Ф. Изслѣдованіе о смертной казни. Ц. 1 р. 50 к.

Кирпичниковъ, А. И. Очерки по исторіи новой литературы. Ц. 2 р. 50 к.

Вотье. Мѣстное управленіе въ Англіи. Перев. съ франц. *В. В. Водовозова*. Цѣна 2 р.

Прюдомъ. Крашеніе и печатаніе. Перев. съ франц. инж.-техн. *В. Шапошникова*. Ц. 1 р.

Шимкевичъ, В. М. Наслѣдственность и попытки ея объясненія. Цѣна 1 р.

Ф. Шаккъ, А. Ф. Исторія норманновъ въ Сициліи. Перев. съ нѣм. *Н. М. Соколова*. Ц. 2 р. 50 к.

Куторга, М. С. Неизданныя сочиненія. Т. I. и II. Ц. 9 р.

Вагнеръ, В. А. Вопросы зоопсихологіи. Ц. 1 р. 50 к.

Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Ц. 2 р.

Штраусъ, Д. Ульрихъ ф. Гуттенъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. *Э. Л. Радлова*. Ц. 3 р.

Колубовскій, Я. Философскій Ежегодникъ, годъ второй. Ц. 2 р

Лазарилло изъ Тормесъ. Перев. съ испанскаго *И. Гливенко*, съ предисловіемъ *Морель-Фассіо*. Ц. 75 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Нидерле. Люди въ доисторическую эпоху. Пер. съ чешскаго, подъ ред. проф. *Д. Н. Анучина*.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Паскаль, Б. Письма о морали и политикѣ іезуитовъ. (Les Provinciales).

Успенскій, Ф. И. Исторія Византійской имперіи. Этотъ трудъ предпринятъ въ сотрудничествѣ съ проф. В. Г. Васильевскимъ и другими лицами.

Грегоровіусъ. Аѳины въ средніе вѣка. Пер. съ нѣм.

Гиро. Частная и общественная жизнь римлянъ. Перев. съ франц.

Бетцольдъ. Исторія реформаціи. Переводъ *А. И. Браудо*.

Педагогическая Энциклопедія. Подъ общей редакціей *Я. Н. Колубовскаго*.

Ибервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи. Изд. 2-е, значительно дополненное.

Сейяль. Жизнь и произведенія Леонардо да Винчи.

RDI
HW 2LBM G

This book should be returned t
the Library on the last date stampe
below.

A fine of five cents a day is incurre
by retaining it beyond the specifie
time.

Please return promptly.

DUE NOV 20 39

DUE NOV 10 47 A